

С. С. АЛЕКСЕЕВ

СОЦИАЛЬНАЯ
ЦЕННОСТЬ
ПРАВА
В СОВЕТСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

С. С. АЛЕКСЕЕВ

**Социальная
ценность
права
в советском
обществе**

*Дорогой
Михаил Ермаков
с благодарностью
и любовью
ваш
С. С.*

«Юридическая литература», Москва — 1971

Ю
-
И
Б
3

34
A 47

Введение

В системе любого мировоззрения существенное место занимает определенное понимание ценностей, ценностная характеристика явлений окружающей действительности. Важное значение проблеме ценности придает марксизм-ленинизм, который рассматривает ее как одну из коренных мировоззренческих проблем, затрагивающую отношение человека к существующему социальному строю, к историческому прошлому, к будущему своей страны и всего человечества¹. В системе марксизма-ленинизма по мере его развития сложились главные компоненты подлинно научной категории ценности².

«Ценности, — отмечает В. П. Тугаринов, — суть предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и пр.) людям определенного общества или класса и отдельной личности в качестве средства удовлетворения их потребностей и интересов, а также — идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала»³.

Развитие социальных исследований требует развития оценочной характеристики общественных явлений. На-

¹ См. С. Попов, Аксология и ее буржуазные истолкователи, «Коммунист» 1969 г. № 11, стр. 92.

² См. Б. А. Чагин, Проблема ценности и оценки в свете трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, кн. «Проблема ценности в философии». «Наука», 1966, стр. 7.

³ В. П. Тугаринов, Теория ценностей в марксизме, Л., 1968, стр. 11; см. его же, О ценностях жизни и культуры, Л., 1966, стр. 3. Понятие «ценность», пишет А. Ф. Шинкин и К. А. Шварцман, имеет в общем тот же смысл, что и понятия блага, значимости, достоинства вещи и т. д. («XX век и моральные ценности человечества», «Мысль», 1968, стр. 10).

Марксистско-ленинская философия, связывая «ценность» с «полезностью», не отождествляет их. Вот почему недостаточна характеристика ценностей лишь в качестве «средств». Категория «ценность» потому и обособилась в самостоятельную категорию, что она выражает *идеалы* общественной и личной деятельности человека. По мнению И. С. Парского, «ценности произошли от полезного (утилитарно пригодного), но затем произошло своего рода «оборачивание» их значения, и они стали существенно отличаться от полезного, хотя их развитие именно как ценностей определялось их пользой в стимулировании прогресса того или иного класса, а в зависимости от этого — и общества» («Ценность и полезность», «Философские науки» 1969 г. № 3, стр. 63).

ряду с системно-структурным анализом, а нередко и в органическом сочегании с ним¹ ценностная (аксиологическая) характеристика явлений окружающей действительности призвана расширить наши представления о мире, раскрыть в нем новые грани и связи. В современных условиях это тем более необходимо потому, что вопросы аксиологии как мировоззренческие проблемы выражают практическое, действительное отношение человека к действительности, отношения политической и идеологической борьбы за революционное изменение мира.

Ценностная характеристика охватывает и социально-политические явления, в том числе область права². Если несколько лет тому назад ценностная характеристика права давалась лишь самым общим образом, а подчас в порядке постановки вопроса, то в современных условиях, когда накоплен необходимый материал и проблема прошла испытание временем, назрела необходимость ее методической разработки.

Как мировоззренческая проблема аксиологические исследования должны проводиться на строго определенных методологических основаниях. В особенности это касается права и других социально-политических институтов и учреждений. Их исследование требует особого подхода, в известной степени отличающегося от анализа не только материальных, но и ряда духовных ценностей (например, эстетических).

Наиболее общее значение при ценностной характеристике права и других социально-политических институтов и учреждений имеют следующие методологические положения.

Право, как и иные социально-политические институты и учреждения, обладает *социальной* ценностью.

¹ Как отмечается в философской литературе, «наличие ценностных регулятивов составляет одну из принципиальных особенностей социальных систем» (И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин, Системный подход в социальных исследованиях, «Вопросы философии» 1967 г. № 5, стр. 107).

² Настоятельная необходимость ценностной (аксиологической) характеристики права подчеркивалась на международном рабочем Совещании по марксистско-ленинской теории государства и права в 1967 году в Будапеште (см. П. Е. Педбайло, Вопросы предмета марксистско-ленинской теории государства и права и университетского ее преподавания, «Правоведение» 1968 г. № 3, стр. 150—152).

Конечно, все ценности имеют известное социальное содержание: предметы и явления окружающей действительности становятся ценностями лишь постольку, поскольку они «втянуты» во взаимодействие с субъектом, представляют собой частные моменты освоения предметов деятельности людей. Однако ценность предметов природы, предметов определенного круга материальной и духовной культуры имеет по своей основе общечеловеческий характер¹.

В области же социально-политических явлений (демократия, право, свобода личности и др.) главное и определяющее — их общественная природа и в этом смысле их социальная ценность.

С позиций марксизма-ленинизма право, демократия, политические права и свободы не обладают ценностью вообще; их значение как социальных благ может быть определено лишь в рамках данной системы общественных отношений, в соответствии с их классовой природой и назначением, с теми конкретными классово-политическими функциями, которые они выполняют в жизни общества. При этом подлинные ценности каждой эпохи связаны с потребностями и интересами передовых классов и общественных сил, выступающих в качестве носителей исторического прогресса. В советской литературе подчеркивается, что указанный «критерий служит надежным компасом, позволяющим добиваться правильной мировоззренческой ориентации в столкновении противоположных классовых представлений о ценностях социальной жизни»².

Следующая важная черта аксиологического исследования социально-политических явлений состоит в том, что оно должно опираться на познание их *объективной необходимости*. Эта существенная особенность ценностной характеристики, осуществляемой в соответствии с требованиями марксистской методологии, с предельной ясностью была подчеркнута В. И. Лениным: «Понимание необходимости явления вызывает, естественно, совершенно

¹ См. В. А. Василенко, Ценность и ценностные отношения, кн. «Проблема ценности в философии», стр. 43; О. Г. Дробницкий, Некоторые аспекты проблемы ценностей, кн. «Проблема ценности в философии»; стр. 33; С. Попов, указ. статья, стр. 95.

² С. Попов, указ. статья, стр. 95.

зное отношение к нему, умение оценить его различные стороны»¹.

Надо обратить внимание на то, что необходимость явления не равнозначна его ценности. Необходимость — социальная ценность — категории разноплоскостные, не однопорядковые. «Понимание необходимости» образует лишь основу для «умения оценить». Категория социальной ценности позволяет осветить явление более широко, с новых сторон, охарактеризовать его не только как неизбежность, но и как социальное благо, способное принести пользу, положительный результат, выигрыш в общественной жизни («оживить» предметы и явления).

В то же время «понимание необходимости» — обязательное условие подлинно научной оценочной характеристики права и иных социально-политических институтов и учреждений². Именно в этом пункте методологическое исследование подводится к твердой научной базе; социальная ценность получает материалистическое истолкование.

При ценностной характеристике социально-политических институтов и учреждений, в том числе права, нужно *исходить из особенностей их объективных свойств в данной системе социально-классовых отношений.*

Хотя оценочное отношение представляет собой единство объективного и субъективного, «объективный момент, т. е. свойство предмета оценки, является первичным, определяющим отношение субъекта оценки, человека и характер самой оценки»³.

Свойства социально-политических явлений используются в различных формациях в соответствии с потребнос-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 223.

² «Для марксиста проблема ценности — это прежде всего проблема объяснения объективного значения того или иного общественного явления и затем его оценки» (Б. А. Чагин, указ. статья, стр. 40).

³ В. П. Тугаринов, Марксистская философия и проблема ценности, кн. «Проблема ценности в философии», стр. 16. В. А. Василешко пишет: «Поскольку ценность детерминирована обеими сторонами ценностного отношения, постольку ее величина и характер одновременно зависят и от определений субъекта (субъективный фактор ценности) и от свойств объекта — носителя ценности (объективный фактор ценности). В этом смысле можно сказать: ценность есть функция двух переменных» (указ. статья, стр. 45).

тями общественного развития, интересами господствующего класса. Поэтому, когда речь идет о ценности социально-политических явлений, они должны быть взяты в неразрывной связи с системой данных классовых отношений, т. е. рассматриваться как ценность классово-определенного явления (например, буржуазной или социалистической демократии).

Следовательно, анализ объективных свойств представляет собой лишь предпосылку, ступень к тому, чтобы при характеристике использования этих свойств определить ценность социально-политических явлений в целом. Методологическая несостоятельность буржуазной аксиологии заключается, в частности, в том, что она по сути дела замыкается рамками общих рассуждений о ценности социально-политических институтов и учреждений, т. е. завершает анализ там, где он (да и к тому же на иной методологической основе) должен только начинаться.

Наконец, право и иные социально-политические институты и учреждения имеют не только непосредственную ценность; они, кроме того, опосредованно выражают ценность иных, связанных с ними социальных явлений¹, соответствующих господствующим общественным отношениям.

Ценностная характеристика во всех аспектах особенно важна по отношению к такому социально-политическому институту, как право. Оно нераздельно связано с духовной жизнью общества, моралью, началами справедливости, господствующими в данной системе социально-классовых отношений.

В праве, демократии и других социально-политических институтах и учреждениях нельзя упускать из поля зрения и те черты, которые являются выражением, хотя и в опосредованном виде, общечеловеческих ценностей, прогрессивных элементов демократической культуры, противостоящей реакционной, разлагающей культуре эксплуататорских классов.

Рассмотренные методологические положения, которые должны быть положены в основу ценностной характери-

¹ В. А. Василенко отмечает: «В зависимости от сложности цепи опосредований, которой связывается конкретно-исторический субъект с явлениями мира, ценность последних может быть непосредственной и опосредованной» (указ. статья, стр. 47—48).

стиги права, позволяют проводить аксиологическое исследование на прочной научной основе марксистско-ленинской теории.

Значение этих положений состоит и в том, что от них зависит внутренняя логика изучения, а следовательно, система изложения материала. Так, в настоящей работе сначала право освещается преимущественно с точки зрения его значения в качестве социально полезного инструмента общественного развития, его особенностей как непосредственной социальной ценности — средства организации общественных отношений (глава первая), затем рассматриваются объективные свойства права (глава вторая) и, наконец, дается обобщенная характеристика ценности права с учетом тех опосредованных связей, которые характерны для права в различных областях жизни социалистического общества — экономики, политики, культуры (глава третья).

При правильном методологическом подходе, обеспечивающем анализ права с последовательно классовых, партийных позиций, его аксиологическое исследование может принести значительную пользу.

Главное, что сразу же надо отметить, состоит в соображениях принципиального идеологического характера. Аксиологическое исследование права позволяет и в юридической области утвердить великие ценности социализма.

Было бы неверным рассматривать явления общественной жизни только с точки зрения их «объективной необходимости». При таком подходе создается впечатление, что государство, право и иные социально-политические институты и учреждения социалистического общества оцениваются, главным образом, как неизбежность, как то, без чего на современном этапе не обойтись.

Между тем «мало *понимать*, что такое социалистическое общество, надо *ценить* те блага, которые предоставляет нам это общество»¹. Строительство коммунизма есть развитие и обогащение тех ценностей, которые приспосабливаются обществу социализм.

Одной из великих ценностей социализма является социалистическое право. Обоснованию этого положения и посвящена настоящая работа.

¹ «Симпозиум по проблемам ценностей в марксистско-ленинской философии. Программа и тезисы докладов», Тбилиси, 1965, стр. 7.

Рассмотрение права как ценности социалистического общества открывает широкие возможности для того, чтобы еще выше поднять его авторитет и престиж, обеспечить с идеологической стороны дальнейшее укрепление социалистической законности.

Ценностная характеристика важна и для правильного определения перспектив развития социалистического права, а также для действенной борьбы с антикоммунистической пропагандой, которая стремится представить социализм и коммунизм как систему бесправия и произвола, отрицающую ценность права, демократии, законности, прав и свобод личности. Выбить эту карту из рук антикоммунистических идеологов, на которую они в последние годы делают чуть ли не решающую ставку, — актуальная задача сегодняшнего дня.

Ценностная характеристика права есть не только мировоззренческая проблема, которой принадлежит существенное идеологическое значение. Она способствует углублению научных представлений о праве, является одним из направлений в развитии фундаментальных, концептуальных исследований¹.

Конечно, было бы неверным преувеличивать значение аксиологического подхода. В. И. Ленин подчеркивал, что марксизм впервые дал возможность «перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их»². Именно тогда, когда ценностная характеристика осуществляется на основе строгого научного анализа, понимания необходимости явлений, их общественно-классовой природы, она способна пополнить наши научные знания³. Здесь вычлениются, дифференцируются определенные свойства общественных

¹ См. Р. А. Сафаров. Прогнозирование и юридическая наука, «Советское государство и право» 1969 г. № 3, стр. 96.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 137.

³ О. Г. Дробинский обращает внимание на то, что «в рамках ценностных представлений мы всегда оказываемся «внутри» отношения между оценивающим субъектом и оцениваемым объектом. В пределах этого отношения можно говорить об объективности ценностных свойств, но, чтобы объяснить их природу, нужно обратиться к социальному бытию человека., т. е. выйти за сферу аксиологии» («Мир оживших предметов», Политиздат, 1967, стр. 345). Это положение нуждается только в одном уточнении: подлинная научная аксиология не может не основываться на изучении социального бытия человека.

явлений, что позволяет подвергнуть их самостоятельному углубленному осмысливанию. Хотя аксиологическое исследование вскрывает лишь известный аспект социальной действительности и, таким образом, выполняет строго определенную познавательную нагрузку, оно и в этой области имеет существенное значение, так как позволяет раскрыть новые стороны действительности и человеческих отношений, связанные с выбором людьми их дальнейших общественных и личных путей¹. Как справедливо отмечает П. Е. Недбайло, «марксистская теория духовных ценностей... избавляет социологию государства и права от «грубого социологизма», не позволяет сводить роль государства и права только к обслуживанию базиса, а дает возможность рассматривать их в ценностно-духовном значении для всей жизни нового общества и его членов»².

Особенности темы настоящей работы вызвали необходимость рассмотреть ряд существенных вопросов общей теории права (о понятии права, его объективности, содержания и форме и др.). Автор, разумеется, не претендует на их всестороннее исследование. Они освещаются в порядке дальнейшей творческой разработки с привлечением всего положительного, что добыто нашей наукой, и лишь в той мере, в какой это необходимо для данной темы.

¹ См. В. П. Тугаринов, Марксистская философия и проблема ценности, кн. «Проблема ценности в философии», стр. 24.
² П. Е. Недбайло, Вопросы предмета марксистско-ленинской теории государства и права и университетского ее преподавания, «Правоведение» 1968 г. № 3, стр. 151.

Глава первая

Право как необходимый, социально полезный инструмент общественного развития

Марксизм-ленинизм о праве как необходимом, социально полезном инструменте общественного развития

1. Марксистские взгляды на право, на его роль в пролетарской революции, в переходный период, в условиях построения социалистического общества развивались, как и иные положения марксизма-ленинизма, на основе опыта революционной борьбы, революционной практики, назревших потребностей общественного развития.

Исходные положения, выражающие принципиально новую постановку вопроса о праве, были сформулированы основоположниками научного коммунизма К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Характеризуя эти взгляды, нужно учитывать, что особенности революционной борьбы пролетариата во второй половине XIX века обуславливали необходимость связывать теоретическую разработку правовых явлений прежде всего с анализом сущности буржуазного права, с нуждами борьбы против «юридического мировоззрения» — классического мировоззрения буржуазии. Маркс и Энгельс глубоко критиковали буржуазное (и феодальное) право за его антинародную сущность, несправедливый к большинству трудящегося населения характер, за пренебрежение моральными началами в угоду денежному чистогану¹. Осно-

¹ В. А. Туманов пишет: «По существу это и есть не что иное, как аксиологическая критика буржуазного права, тот самый цен-

воположники научного коммунизма показали природу «юридического мировоззрения», его социальную функцию, состоящую в том, чтобы в соответствии с требованиями капиталистического товарного хозяйства идеологически обосновать безраздельное господство капитала¹. В связи с этим они вели решительную борьбу с юридическими иллюзиями, разоблачали оппортунистов, которые стремились «заменить» революционную борьбу пролетариата «законными» действиями.

Разоблачение Марксом и Энгельсом эксплуататорского права, «юридического мировоззрения» и юридических иллюзий вовсе не свидетельствует о том, что они являлись вообще противниками права. Здесь, как и в других случаях, истина носит сугубо конкретный характер; соответствующие положения основоположников научного коммунизма должны рассматриваться с учетом конкретно-исторической обстановки, условий и особенностей революционной борьбы пролетариата в то время.

В трудах Маркса и Энгельса дана с новых, подлинно научных позиций глубокая разработка права как социального явления, которая и служит теоретической основой для понимания роли права, его социальной ценности. Особо существенную роль в рассматриваемой плоскости играют следующие теоретические положения.

1 Во-первых, основоположники марксизма обосновали объективно-исторический характер права, его объективную необходимость в классовом обществе. Они показали, что право в данных исторических условиях — это не продукт «свободной воли», «разума», «усмотрения государственных деятелей», а в конечном счете результат требований общественного бытия, экономического базиса, объективных экономических законов.

2 Во-вторых, Маркс и Энгельс указали на особенности объективных свойств права как формально-определенной нормативной системы. Они никогда не сводили право просто к воле, а, напротив, подчеркивали, что это — обуслов-

ностный подход к праву, в пренебрежении которым упрекают «экономический материализм» буржуазные авторы» («Современный антимарксизм и теория права», «Советское государство и право» 1969 г. № 4, стр. 62).

¹ См. об этом В. А. Туманов, Судьба юридического мировоззрения, «Советское государство и право» 1968 г. № 10, стр. 44 и сл.

ленная экономическим базисом классовая воля, которая, чтобы стать правом, должна быть «возведена в закон».

Ряд важных положений о значении права содержится в «Капитале»¹.

Какое большое значение основоположники научного коммунизма придавали правовому воздействию, видно не только из высказываний о свойствах права, сделанных ими нередко лишь попутно, в ходе экономического анализа, но и из общих положений, прямо относящихся к праву и законодательству. Так, в «Капитале» сформулировано, в частности, положение о том, что даже в условиях стихийного производства законодательные акты представляют собой первую попытку сознательного и планомерного воздействия общества на стихийно складывающийся характер его общественного производства². Путем общего законодательного акта рабочие достигают того, чего они напрасно бы добивались путем множества разрозненных индивидуальных действий³.

К. Маркс и Ф. Энгельс наметили неходные теоретические позиции и для решения вопроса о роли права в социалистическом обществе.

Конечно, опыт, практика революционного движения в то время не давали необходимого материала для развернутых обобщений о значении права в пролетарской революции, в переходный период и особенно после победы социализма. Парижская Коммуна просуществовала недолго; ее опыт, послуживший основой для выводов о государственной форме диктатуры пролетариата, оказался недостаточным, чтобы можно было сделать развернутые обобщения о правовом регулировании при социализме.

Поэтому в трудах основоположников научного коммунизма дано лишь принципиальное решение вопроса об

¹ См. об этом И. Самощенко, Вопросы государства и права в «Капитале» К. Маркса, «Советская юстиция» 1968 г. № 2, стр. 3—5.

Между тем известно, что в первых томах «Капитала» Маркс рассматривал экономические отношения в состоянии, не зависящем от правовых форм; анализу государственно-правового воздействия должен был быть отведен один из последующих, к сожалению, не напечатанных томов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 5).

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 492.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 198.

использовании правовой формы в социалистическом обществе. Оно сформулировано Марксом в «Критике Готской программы» при рассмотрении так называемого «буржуазного права» при социализме.

Эти положения не следует трактовать упрощенно, придавая им чисто юридическое значение. Под сохранением в условиях социализма «буржуазного права» Маркс понимал прежде всего экономическую категорию — принцип распределения по труду, право работника на часть произведенного продукта в соответствии с количеством и качеством труда. «Право производителей, — писал он, — пропорционально доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой — трудом*»¹.

Однако при рассмотрении «буржуазного права» в определенной степени затрагивается и «юридическое» (в строгом смысле); это — обоснование в общей форме необходимости в социалистическом обществе «равных мер», «равных масштабов». Вслед за анализом экономических отношений по распределению Маркс, указывая на то, что работник имеет право на часть общественного продукта, отмечает: «*Оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право. По своей природе право может состоять лишь в применении равной меры...*»².

2. Марксистские взгляды на право, на его роль и место в жизни социалистического общества получили конкретизированную разработку в трудах В. И. Ленина. Если практика революционной борьбы пролетариата в XIX веке не давала достаточного материала для развернутых выводов о роли права в социалистическом обществе, то революционный опыт русского пролетариата начала XX века, опыт Октябрьской революции предоставили для этого необходимый материал.

Не случайно поэтому еще в канун Октября в работе «Государство и революция» В. И. Ленин, развивая положение К. Маркса о так называемом «буржуазном праве» при социализме, наряду с характеристикой экономических отношений («права» работника на часть общественного продукта в соответствии с равной мерой — количеством и качеством труда), подчеркивает и юридическую сторону

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 19.

² Там же.

вопроса. Он говорит о необходимости сохранения «норм права», применения в связи с этим мер государственного принуждения¹.

Ленин связывал самое существование права при социализме с тем, что оно «остается в качестве регулятора (определивателя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества»². Характер экономики социалистического общества требует, чтобы экономические (а также социально-культурные) процессы в необходимых случаях осуществлялись в юридических формах.

Стмечая, «что аппарату старого государства суждено умереть», В. И. Ленин особое значение придавал аппарату непосредственного хозяйственного регулирования типа Высшего Совета Народного Хозяйства, которому «суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества»³.

Социальное значение права и законности В. И. Ленин видел и в том, что они выполняют охранительную функцию. В написанном им «Обращении Советского правительства «К населению» говорится не вообще о борьбе с пьяницами, хулиганами, контрреволюционерами, а о необходимости подавления попыток анархии, порождаемых этими людьми, о необходимости «строжайшего революционного порядка»⁴. Борьбу с контрреволюционерами, взяточниками, казнокрадами, хулиганами, дезорганизаторами Ленин рассматривал как борьбу за строжайшую социалистическую законность. Именно поэтому он придавал столь существенное значение организации советской судебной системы, требовал «создания действительно революционного, скорого и беспощадно строгого к контрреволюционерам, хулиганам, лодырям и дезорганизаторам суда»⁵.

Весьма примечательно, что В. И. Ленин рассматривал охранительную функцию права в социалистическом обществе в единстве с необходимостью всемерной охраны демократических прав и свобод трудящихся. В Обращении Советского правительства «К населению» он писал, в час-

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 95, 99.

² Там же, стр. 94.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 377—378.

⁴ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 66.

⁵ Ленинский сборник XXI, стр. 219.

тности, что ни один человек не будет лишен имущества без законного основания — особого государственного закона о национализации банков и синдикатов¹. Подчеркивая глубокую демократическую сущность советского законодательства, Ленин характеризовал его с принципиальных, классовых позиций. «До сих пор смотрели так, что порядок и закон — это то, что удобно помещикам и чиновникам, а мы утверждаем, что порядок и закон — есть то, что удобно большинству крестьянства»². Советская власть обеспечивает невиданные ранее демократические права и свободы именно трудящимся классам; обеспечивает и с фактической стороны³, и со стороны юридической (дает возможность гражданам *«воевать за свое право»*⁴).

Значение социалистического права как социально полезного инструмента общественного развития выражается и в том, что оно играет существенную воспитательную роль, выступает в качестве мощного средства пропаганды политики Коммунистической партии. В. И. Ленин показал, что даже в условиях, когда юридические предписания декретов не могли быть сразу и полностью проведены в жизнь, эти декреты служили формой пропаганды, средством, при помощи которого простому рабочему и крестьянину партия давала представления о политике в реальной и практически осязаемой форме — в форме декретов⁵. Воспитательная роль норм социалистического права еще более возрастает в условиях, когда они фактически проводятся в жизнь. Именно в этом — глубокий смысл ленинских положений о том, что нормативные акты Советского государства представляют собой призывы, зовущие к массовому практическому делу. «Наш декрет есть призыв, но не призыв в прежнем духе: «Рабочие, поднимайтесь, свергайте буржуазию!». Нет, это — призыв к массам, призыв их к практическому делу. *Декреты, это — инструкции, зовущие к массовому практическому делу. Вот что важно»*⁶.

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 66.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 174.

³ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 499.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 53, стр. 149.

⁵ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 198; т. 45, стр. 111.

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 199.

3. Значение, которое придает праву марксизм-ленинизм, выражается в утверждении в теории и на практике особой категории «социалистическая законность».

Проблема законности, а отсюда и самостоятельность существования категории «социалистическая законность» связана в своей основе с практической реализацией юридических норм, их воплощением в жизнь. Социалистическая законность выражает органическое единство права и его практического осуществления в социалистическом обществе. Именно так понимал социалистическую законность Ленин; так она понимается в документах Коммунистической партии. О ней говорится всякий раз, когда нужно выразить состояние практического осуществления правовых предписаний, их реальное воплощение в жизнь, необходимость строжайшего соблюдения норм права.

В рассматриваемой плоскости проявляется один из наиболее существенных моментов, выражающих принципиально новое отношение к праву в социалистическом обществе.

Буржуазное право, общие правовые лозунги и формулы буржуазной правовой идеологии наряду с иными задачами призваны замаскировать фактическое господство капитала, освятить через юридическую призму господство эксплуататорского меньшинства и уже в этом отношении имеют для буржуазии значительную социальную ценность.

В социалистическом обществе роль права рассматривается только с точки зрения его реальных функций, т. е. в той мере, в какой правовые предписания должны быть реально воплощены в жизнь.

В советской юридической литературе достаточно много места уделяется научному анализу реализации норм социалистического права. Однако в большинстве случаев этот анализ не увязывается с характеристикой природы и особенностей права в социалистическом обществе, с его функциями.

Между тем практическое осуществление предписаний является необходимым моментом в самом существовании социалистического права. В. И. Ленин оценивал его реальное значение как регулятора общественных отношений в той мере, в какой правовые предписания «становятся реальностью». Он говорил: «То, что мы уже

декретировали, мы далеко недостаточно еще провели в жизнь, и главная задача момента состоит именно в сосредоточении всех усилий на деловом, практическом *осуществлении* основ тех преобразований, которые уже стали законом (но не стали еще реальностью)»¹.

Таким образом, освещение социалистического права через категорию «социалистическая законность» показывает реалистическое, деловое отношение к праву со стороны марксистско-ленинской теории, которая рассматривает его как мощную силу общественного развития, средство достижения важных практических задач в ходе социалистического и коммунистического строительства.

4. Одни из решающих моментов, позволяющих с подлинно научных позиций определить социальную ценность права в социалистическом обществе, состоит в том, чтобы правильно раскрыть соотношение права (законности) и социалистической революции.

Социалистическая законность представляет собой необходимую закономерность социалистической революции. Осуществляемые в ходе революции экономические, политические, организационные меры неизбежно должны получить всеобщее и общеобязательное значение. В. И. Ленин подчеркивал применительно к народной милиции: «Революция не может быть гарантирована, успех ее завоеваний не может быть обеспечен, дальнейшее развитие ее *невозможно*, если эта мера не станет всеобщей, не будет доведена до конца и проведена во всей стране»².

Вместе с тем он указывал, что роль права, как и других социально-политических явлений (например, демократии), нельзя оценивать «вообще», абстрактно, в отрыве от социально-экономических, революционных процессов, происходящих в обществе. Значение права в социалистическом обществе прямо зависит от этапа революции, особенно от остроты и характера классовой борьбы.

Под этим углом зрения и следует рассматривать ленинскую характеристику диктатуры пролетариата как власти, не связанной никакими законами³. Конечно, это ленинское положение свидетельствует прежде всего о том, что

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 182.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 286.

³ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 245.

диктатура пролетариата не связана никакими буржуазными законами¹. Но не только.

В обстановке непримиримости классовых битв пролетарская диктатура не может быть связана законом в *борьбе против ожесточенного сопротивления эксплуататорских классов*. М. И. Калинин писал: «В первые моменты революции решающим фактором права, разумеется, являлась прямая, непосредственная вооруженная сила. Вооруженная сила определяла право»². В условиях острейшей классовой борьбы, когда буржуазия идет на любые шаги для возвращения утраченного господства, диктатура пролетариата выступает как «власть, завоеванная и поддерживаемая насильем пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами»³. Именно с указанных позиций следует понимать известное ленинское положение о том, что нужно всемерно бороться за законность, «ничуть не забывая границ законности в революции»⁴. Эти границы определяются остротой и характером классовой борьбы, ожесточенностью сопротивления свергнутых эксплуататорских классов.

В. И. Ленин обращал внимание на необходимость решительных и своевременных революционных действий в ответ на яростные атаки контрреволюционных сил. Разоблачая сыртунистов, Ленин с беспощадным сарказмом говорил: «Нам, русским большевикам, надо было сначала обещать неприкосновенность Савиновым и К^о, Либердачам и Потресовым («активистам») и К^о, потом написать уголовное уложение, объявляющее «наказуемым» участие в чехословацкой контрреволюционной войне или союз на Украине или в Грузии с немецкими империалистами *против* рабочих своей страны, и только *потом*, на основании этого уголовного уложения мы были бы вправе, согласно «чистой демократии», исключить из Советов «определенных лиц». Само собою разумеется при этом, что чехословаки, получающие через Савиновых, Потресовых и Либерданов (или при помощи их агитации) деньги от англо-француз-

¹ См. М. С. Строгович, Основные вопросы советской социалистической законности, «Наука», 1966, стр. 35.

² М. И. Калинин, Вопросы советского строительства, Госполитиздат, 1958, стр. 112.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 245.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 465.

ских капиталистов, а равно Красновы, имеющие снаряды от немцев при помощи украинских и тифлиских меньшевиков, смиренно сидели бы до тех самых пор, пока мы изготoвим правильное уголовное уложение, и, как самые чистые демократы, ограничивались ролью «оппозиции...»¹.

Когда же новые законы изданы, они становятся основой деятельности государственных органов и должностных лиц. Именно поэтому Ленин отмечал: «Если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется»². Это значит, что и в условиях острой классовой борьбы законы не могут быть нарушены, отброшены в сторону; и здесь должна быть соблюдена законная процедура, выражающая правотворческий процесс: нормативные акты, препятствующие развитию революции, необходимо в соответствующем порядке «отменить или исправить».

Таким образом, при признании незыблемости требования социалистической законности вопрос о роли права в социалистическом обществе не допускает однозначного решения. В обстановке острой классовой борьбы существуют «границы законности», которые определяют характер этой борьбы, бешеным сопротивлением эксплуататорских классов.

В. И. Ленин связывал требование большей революционной законности с условиями мирного социалистического строительства. «Понятно, — писал он, — что в обстановке военного наступления, когда хватали за горло Советскую власть, если бы мы тогда эту задачу себе поставили во главу, мы были бы педантами, мы играли бы в революцию, но революции не делали бы. Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского облоузунг осуществления большей революционной законности»³.

Чем объяснить неодинаковое значение права на различных этапах социалистической революции? Думается, что на этот вопрос можно ответить следующим образом. Право не является универсальным средством решения всех социальных задач классового общества. В переход-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 287—288.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 504.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 328—329.

ный период, в обстановке острой классовой борьбы на первый план неизбежно выступает непосредственное революционное действие, фактическое подавление сопротивления эксплуататорских классов, прямая оперативная организационная и хозяйственная работа, которая не всегда может быть облечена в четкие нормативно-юридические формы.

Право обладает такими объективными свойствами (нормативный характер, формальная определенность и др.), эффективность которых с максимальной полнотой проявляется в условиях мирного строительства, «прочной и твердой власти», «нормальной» жизни общества. Именно в этих условиях возникает необходимость в установлении устойчивого порядка в общественных отношениях, твердого и точного закрепления прав и обязанностей участников общественной жизни, быстрого и единообразного решения конфликтов и споров. А такие задачи могут быть достигнуты при помощи широкого использования правовой формы общественного регулирования.

5. Рассматривая процесс утверждения ленинских идей о праве и законности в нашей общественной науке, необходимо учитывать тот «настрой» против буржуазного права и «юридического», который существовал среди марксистов-революционеров и истоки которого следует искать в полной дискредитации буржуазного права и законности¹. «У нас было общепринято, — писал П. И. Стучка, — право рассматривать лишь как контрреволюционный, в лучшем случае антиреволюционный элемент, а как бы силу инерции, задерживающую всякую революцию»². Он отмечал, что такого рода настроения стали преодолеваться лишь после появления работы В. И. Ленина «Государство и революция». «Только эта работа, — писал Стучка, — и наша революция — не берусь сказать, что в большей мере, —

¹ Следует к тому же учитывать, что режим беззакония, существовавший в условиях царской России, породил в русском обществе атмосферу правового нигилизма. Герцен писал в середине прошлого века о русском народе: «...Вонючая несправедливость одной части законов вызвала в нем презрение к другой. Полное неравенство перед судом убило в нем в самом зародыше уважение к законности. Русский, к какому бы классу он ни принадлежал, нарушает закон всюду, где он может сделать это безнаказанно; точно так же поступает и правительство». (Собр. соч., т. VII, изд-во АН СССР, 1956, стр. 251).

² П. И. Стучка, Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права, Латвийское государственное издательство,

открыли нам глаза на роль и значение государства в переходный к коммунизму период»¹.

Разумеется, говоря о процессе утверждения ленинских идей о государстве, праве и законности в нашей общественной науке, нужно видеть и другие обстоятельства — не только субъективного, но и объективного характера. Ожесточенная классовая борьба в периоды индустриализации и коллективизации, сложная внешнеполитическая обстановка, необходимость мобилизации всех сил для отпора внешнему врагу, организация обороны страны от вооруженных нападений империалистических сил — все это выдвигало на первый план непосредственную оперативную работу, требовало в ряде случаев административных методов руководства, не создавало необходимых возможностей для всестороннего развития правовых форм общественного регулирования.

Следует отметить, что в советской юридической литературе некоторое время были распространены упрощенные представления о праве в социалистическом обществе, которые подчас опирались на буквальное, прямолинейное толкование положений о сохранении и при социализме так называемого «буржуазного права»; были высказаны положения, в соответствии с которыми право и после революции остается чуть ли не настоящим буржуазным правом и что его скорейшее устранение представляет ближайшую перспективу². Ряд авторов, в особенности из числа сторонников «хозяйственного права», настойчиво проводили мнение, что развитие пролетарского права неизбежно идет «к исправу, к административно-техническому регулированию»³ и что «по мере продвижения по пути

1964, стр. 131. Ту же мысль автор проводит и в предисловии к этой работе. Приведя ряд аргументов, обосновывающих необходимость ее издания, он пишет: «Ибо боюсь, что без этого никто не станет читать в нынешнее высокоревolutionное время рассуждения о таких «контрrevolutionных» предметах, как о праве» (там же, стр. 45).

¹ П. И. Стучка, Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права, стр. 45.

² См. С. Раевич, Гражданское право эпохи свободной конкуренции и эпохи империализма, «Советское право» 1925 г. № 4, стр. 30; Е. Б. Пашуканис, Экономика и правовое регулирование, «Революция права» 1929 г. № 5, стр. 34—37.

³ Ю. Гейман, Хозяйственное право к 12-летию Октября, «Ежегодник советской юстиции» 1929 г. № 44, стр. 1032.

к социализму правовое регулирование приобретает все более подчиненный, служебный по отношению планов народного хозяйства характер...»¹.

Однако и в первые годы Советской власти марксисты-ленинцы, опираясь на указания В. И. Ленина, на опыт Октябрьской революции, развивали мысль о социалистическом праве как необходимом, социально полезном инструменте общественного развития. «Для меня с первого дня революции,— писал Н. И. Стучка,— не было сомнений в том, что только на развалинах... храма буржуазной справедливости нам удастся возвести здание социалистической справедливости, более скромное по своему внешнему виду, но бесконечно более прочное по своему содержанию»².

В работах марксистов-ленинцев неизменно подчеркивалось значение права и законности в жизни социалистического общества, его функций в развитии новых, прогрессивных отношений, в борьбе со старым бытом и отношениями.

Факты истории свидетельствуют о том, что, несмотря на трудности объективного и субъективного порядка, ленинские идеи о роли социалистического права и законности неуклонно прокладывали себе дорогу. Коммунистическая партия на всех этапах развития советского общества принимала меры к укреплению законности, к развитию юридической науки и образования. С конца 1930 годов в советском правоведении были в основном преодолены ошибочные представления о необходимости скорейшего перехода к «неправу».

Полная и окончательная победа социализма открыла наиболее благоприятные возможности для всестороннего и последовательного воплощения ленинских идей о праве и законности в социалистическом обществе.

¹ С. И. Раевич. Основы хозяйственного права, вып. 1, Госфиниздат, 1932, стр. 27.

² Н. И. Стучка, 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права, М., 1931, стр. 8.

³ Как писал А. Г. Гойхбарг в 1918 году, в переходный к коммунизму период «некоторые области права должны будут расцвести пыльным цветом, должны будут достигнуть неслыханного в прежние времена напряжения» («Пролетарская революция и гражданское право», «Пролетарская революция и право» 1918 г. № 1, стр. 10).

Насущная задача сегодняшнего дня состоит в том, чтобы, осуществляя волю Коммунистической партии, обеспечить дальнейшее развитие социалистического права и укрепление социалистической законности. А отсюда столь важной и неотложной становится задача правовой теории — на основе ленинских идей о праве и законности полностью раскрыть значение социалистического права как необходимого, социально полезного инструмента общественного развития, обеспечивающего правильное развитие общественного организма, его нормальное, эффективное функционирование, осуществление задач коммунистического строительства.

Закономерности развития права в советском обществе

1. Возникновение и развитие социалистического права является результатом объективных требований общественного развития, в конечном счете требований экономического базиса общества, строящего, а затем построившего социализм. Как уже отмечалось, марксистские взгляды на право развивались на основе практики революционной борьбы, опыта Октябрьской революции. Но в том и состоит жизненность марксизма-ленинизма, что, развиваясь на основе практики, опыта революционной борьбы, он вместе с тем является могучей идеологической силой, направляющей эту борьбу, строительство социализма и коммунизма.

Конечно, развитие социалистического права в какой-то мере тормозилось в связи с недостатками в нашей юридической науке, ошибочными решениями отдельных правовых вопросов, имевшими место в прошлом нигилистическими тенденциями. Так, на содержании советского уголовного законодательства 1920-х годов в определенной степени сказалась ошибочная теория «социальной защиты», в гражданском законодательстве того же времени не нашел должного закрепления принцип вины и др. Нигилистические тенденции, проявившиеся, в частности, в рамках концепции «хозяйственного права» в 20—30-х годах, несомненно, замедлили темпы кодификации и обновления советского законодательства, его дальнейшее совершенствование.

Однако главные и общие линии развития социалистического права обуславливались объективными законами социалистического общества, соответствовали принципиальным положениям марксистско-ленинской идеологии. Это и дает возможность на прочных научных основаниях определить закономерности развития права в социалистическом обществе.

2. Основное, на что надо обратить внимание, характеризуя возникновение советского права, — это быстрота формирования и интенсивность развития законодательства молодого социалистического государства. Первые шаги Октября сразу же получили юридическое выражение в ленинских декретах о мире, о рабочем контроле, о земле и др. Именно в правовой форме были закреплены основные завоевания Октябрьской революции, определены важнейшие политические, экономические и социально-культурные мероприятия Советского государства. В. И. Ленин говорил: «...Наши законы с первого же дня после знаменитого 25 октября 1917 года сразу, в отличие от всех и всяких законов, выступили с положением о земле, которое... все существенное, что для крестьянина абсолютно необходимо, что обеспечивало ему союз с рабочим, — дали»¹.

Первые месяцы и годы существования Советского государства были временем бурной законодательной деятельности, формирования и развития принципиально новой правовой системы. Один за другим издаются нормативные акты, закладывающие правовые основы национализации промышленности, ее управления, земельных отношений, семьи и брака и пр. Спустя немногим больше полугода после Октябрьской революции принимается первая социалистическая Конституция, закрепившая общественный и государственный строй нашей страны, структуру государственных органов, юридические принципы советской демократии. В первые же месяцы Советской власти проводятся мероприятия по кодификации законодательства, по развертыванию правовой пропаганды. К своему пятилетию Советское государство, несмотря на исключительно сложные условия первых лет революции, пришло со стройной, кодифицированной системой законодательства по важнейшим отраслям (уголовному, гражд-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 247.

дапскому, процессуальному, земельному, брачно-семейному и др.). Советская юридическая наука, законодательные и процессуальные нормы в первый период Советской власти, при жизни Ленина, быстро развивались в соответствии с идеями марксизма-ленинизма, основами пролетарской социалистической законности, получившими правильное отражение в программе нашей партии¹.

История не знала иного примера, когда бы за столь короткий период была создана принципиально новая и в то же время развернутая законодательная система, определенная правовые основы жизни социалистического общества. Практика подтвердила, что юридические нормы являются эффективным и надежным средством закрепления революционных завоеваний, социально полезным инструментом, обеспечивающим развитие общества на социалистических началах.

3. Главная закономерность развития права в социалистическом обществе состоит в том, что в ходе социалистического и коммунистического строительства происходит *повышение его роли и укрепление законности во всех сферах общественной жизни.*

Эта закономерность проявляется как необходимость, обусловленная объективными законами строительства социализма и коммунизма. Ее действие вызвано следующими социально-экономическими, политическими и идеологическими предпосылками.

С социально-экономической стороны решающим обстоятельством является то, что право по своим свойствам способно быть социально полезным, эффективным средством общественного развития. Для выполнения ряда существенных задач социалистического и коммунистического строительства (борьба с эксплуататорскими классами, организация экономических отношений на новых началах, функционирование всех общественных отношений как единой гармоничной системы и др.) в основном приспособлена именно правовая форма общественно-го регулирования.

С политической стороны действие рассматриваемой закономерности обусловлено тем, что социалистическое государство сложилось как государство строжайшей за-

¹ См. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, Госполитиздат, 1956, стр. 326.

копности. Этим и объясняется то обстоятельство, что все решающие мероприятия Советского государства, насколько позволяла обстановка острой классовой борьбы, осуществлялись при помощи нормативных законодательных актов. С первых же дней Октября право было поставлено социалистическим государством на службу пролетариата и всех трудящихся. В. И. Ленин требовал, чтобы основные законы Советского государства «соблюдались свято» всеми государственными органами, должностными лицами, гражданами.

С идеологической стороны повышение роли права и укрепление законности объясняется самой природой и принципами марксизма-ленинизма — подлинно гуманистического учения, последовательно проводящего начала высшей социальной справедливости, действительной свободы, реального равенства, товарищества и братства между людьми труда. В соответствии с этим неуклонно возрастает и роль социалистической законности, юридических гарантий прав и свобод трудящихся, строгой дисциплины и ответственности каждого человека за свои поступки.

Конечно, указанные предпосылки проявляются на различных этапах развития социалистического общества неодинаково. Да и вообще, принимая во внимание всю совокупность факторов, так или иначе влияющих на развитие социалистического права, правильнее говорить о том, что рассматриваемая закономерность действует как *тенденция*.

На современном этапе коммунистического строительства отпали объективные и субъективные причины, препятствовавшие в прошлом всестороннему проявлению главной закономерности развития права в социалистическом обществе. В результате полной и окончательной победы социализма право, как и государство, по своим внутренним функциям перестало быть орудием классового господства, переросло в общенародное право. В этих условиях сложились наиболее благоприятные возможности для всестороннего использования социально полезных свойств правовой формы общественного регулирования в целях осуществления задач коммунистического строительства. В настоящее время открыт простор для дальнейшего повышения роли права, расширения и углубления правовых начал в жизни общества.

В связи с этим Коммунистическая партия и Советское государство, рассматривая развитие права и дальнейшее укрепление законности и правопорядка в качестве *общегосударственной, общепартийной задачи*, принимают меры по совершенствованию советского законодательства, по более широкому использованию юридических норм для осуществления задач коммунистического строительства, по повышению авторитета советских законов, воспитанию всех в духе уважения к закону, к праву¹.

4. Главная закономерность развития социалистического права выражается прежде всего в тенденции *расширения сферы его действия в социалистическом обществе*.

Более чем полувековая история развития советского общества показала, что расширение сферы действия права есть объективный процесс, характерный для периода строительства социализма и коммунизма.

В прошлом нередко складывалось впечатление, что по мере строительства коммунизма будет наблюдаться общее и все более усиливающееся сокращение сферы правового регулирования. В этом иной раз усматривали чуть ли не главную линию развития права при социализме. На деле же выяснилось, что развитие правовой формы общественного регулирования не только не препятствует разрыванию объективных процессов, свойственных обществу, которое строит социализм и коммунизм, но и способствует этому.

В социалистическом обществе действует и встречающаяся тенденция — *сокращение* сферы правового регулирования.

Однако в самом соотношении указанных двух тенденций, следовательно, в особенностях содержания норм, которые имеют тенденцию к более широкому действию, и состоит прежде всего социальное значение расширения и углубления правовых начал в жизни социалистического общества.

Сокращение сферы правового регулирования касается в первую очередь, разумеется, тех отношений, которые по мере успехов социалистического и коммунистического строительства отпадают (например, отношений частной собственности в промышленности). Но самое существен-

¹ См. Л. И. Брежнев, Речь на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа г. Москвы 12 июня 1970 г., «Правда» от 13 июня 1970 г. № 164.

ное заключается в том, что в условиях коммунистического строительства происходит постепенное сужение сферы действия «жестких» мер. Под этим углом зрения следует рассматривать сокращение административного принуждения, исключение из области уголовного законодательства, например, ответственности за неосторожное легкое телесное повреждение, за понуждение к аборту, за неуплату налога и неисполнение различных повинностей в мирное время и др. По мере успехов коммунистического строительства, повышения уровня организованности общественных отношений, сознательности и культуры людей следует ожидать в дальнейшем сужения «жестких» мер воздействия (административных мер) и в некоторых других областях. Как записано в Программе КПСС, «в процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора и соответственно уменьшается значение административного регулирования взаимоотношений между людьми»¹.

В чем же состоит расширение сферы правового регулирования? Здесь, конечно, не имеется в виду частичное усиление принудительных мер воздействия, вызванное подчас временными затруднениями, сложной обстановкой. Главное заключается в том, что расширяются такие области и стороны правового регулирования, функционирование которых характеризует возрастание нравственных начал в жизни общества, усиление организованности общественных отношений, порядка и ответственности во взаимоотношениях между людьми.

Таким образом, первостепенный интерес для понимания социальной ценности социалистического права должен вызвать не сам по себе факт издания новых нормативных актов, введение правовой регламентации в новых областях общественной жизни, а то, как и в каких видах правового регулирования, как и с какой стороны права имеют тенденцию к развитию.

С этих позиций и следует рассматривать новое в законодательстве, появившееся за последние годы.

Так, принятый в 1960 году Закон об охране природы в РСФСР (и аналогичные законы в других союзных республиках) нацелены прежде всего на то, чтобы унорядочить

¹ «Материалы XXII съезда КПСС». Госполитиздат, 1962, стр. 410.

использование природных ресурсов, обеспечить их сохранность. В соответствии с этим законом объектами природы, подлежащими охране, и, следовательно, упорядочению при помощи права является не только земля, ее недра, леса, воды и так далее, но и типичные ландшафты, редкие и достопримечательные природные объекты, а также курортные местности, лесопарковые защитные пояса и пригородные зеленые зоны¹.

С целью упрочения бюджетных отношений в 1959 году принят Закон о бюджетных правах Союза ССР и союзных республик². С его помощью введены в четкие рамки взаимоотношения между различными органами, строго определены их права и обязанности, объем и содержание этих прав и обязанностей.

Изданными в 1968 году Основами земельного законодательства Союза ССР и союзных республик наряду с другими новыми положениями введен единый государственный земельный кадастр, призванный прежде всего упорядочить земельные отношения. На октябрьском Пленуме ЦК КПСС (1968 г.) подчеркивалось, что новый закон о земле призван навести строгий порядок в использовании земли. «В этом деле,— говорилось на Пленуме,— надо наконец навести строгий порядок. Важную роль здесь должен сыграть закон о земле...»³.

Аналогичный характер имеют также новые нормативные положения, установленные и в ходе кодификации гражданского законодательства, в том числе правовая регламентация отношений по научному открытию (ст. ст. 107—109 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. ст. 517—519 ГК РСФСР), юридическое опосредствование отношений по конкурсам (ст. ст. 439—443 ГК РСФСР) и др.

Принятые в 1970 году Основы трудового законодательства развили и расширили правовое регулирование отношений, связанных с применением труда, повышением трудовой дисциплины, охраной прав трудящихся.

¹ См. «Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1960 г. № 40, ст. 586.

² См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1959 г. № 44, ст. 221.

³ М. И. Брежнев, О ходе выполнения решений XXIII съезда и Пленумов ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 30 октября 1968 г., Политиздат, 1968, стр. 31.

Замечательно, что необходимость повысить организованность социалистических общественных отношений потребовала дальнейшего развития уголовного законодательства. Новые составы, введенные в уголовные кодексы, направлены на то, чтобы обеспечить уголовноправовую защиту политических прав советских граждан, усилить борьбу с антиобщественными элементами¹.

Тенденция к расширению сферы действия права далеко еще не исчерпала себя. И это подтверждается помимо прочего тем, что проблема обновления и совершенствования законодательства в ряде областей приобретает в настоящее время значительную общественную остроту. Так, все настоятельнее необходимость в дальнейшем развитии и упорядочении административного права (в частности, юридических норм по вопросам административной ответственности, государственной службы). Злободневной проблемой является задача развития и совершенствования хозяйственного законодательства, создание надежных правовых гарантий, обеспечивающих последовательное проведение в жизнь экономической реформы.

В настоящее время ведется подготовка ряда нормативных актов, призванных содействовать упорядочению общественных отношений и в ряде других областей жизни. Несомненно, что издание Собрания действующего законодательства СССР (а в перспективе — подготовка свода законов) явится основанием к дальнейшему развитию советского законодательства.

5. Повышение роли права и укрепление законности в жизни социалистического общества выражается и в качественной стороне правового регулирования, состоящей в *дальнейшем развитии подлинно социалистического, демократического и нравственного содержания права, его гуманистических принципов.*

Отмеченные выше особенности расширения сферы правового регулирования свидетельствуют о том, что в период строительства коммунизма происходит развитие не только сфер права, но и всех его институтов. За-

¹ См. Б. С. Никифоров, Новый уголовный кодекс РСФСР — важный этап в дальнейшем развитии советского уголовного законодательства, кн. «Новое уголовное законодательство РСФСР», Госюриздат, 1961, стр. 47, 49, 66—70.

крепленная в Программе КПСС линия на расширение сферы морального фактора и соответственно уменьшение значения административного регулирования ведет лишь к отпадению отдельных юридических установлений. В целом же эта линия проявляется и в самом праве; она характеризуется изменением качества правового регулирования в социалистическом обществе, постепенным преобразованием и обогащением его содержания.

В данной плоскости и следует рассматривать развитие социалистического права. Не преследуя цели дать исчерпывающую характеристику этого процесса, можно указать на следующие наиболее яркие и примечательные его проявления.

В современных условиях *повышается значение закона, общего нормативного регламентирования общественных отношений*. В законодательстве в ряде случаев наблюдается тенденция издания единых общесоюзных нормативных положений, призванных определить общие основы той или иной области права. На сессии Верховного Совета СССР в июле 1969 года, которая внесла изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, особо отмечалась необходимость решения вопросов, касающихся оснований и порядка предварительного заключения, в общесоюзном законодательстве, установления единых понятий (в частности, понятия опасного рецидивиста)¹.

Для развития советского законодательства на современном этапе характерно *четкое и строгое регламентирование возможности применения государственно-принудительных мер*, ограничение возможности использования административного принуждения. Существенное значение в этом отношении сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке»², который явился правовой основой для издания целого комплекса общесоюзных и республиканских нормативных актов, с необходимой определенностью регла-

¹ См. «Заседания Верховного Совета СССР седьмого созыва. Шестая сессия (10—11 июля 1969 г.). Степнографический отчет», М., 1969, стр. 128.

² См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1961 г. № 35, ст. 368.

ментирующих основания и порядок административных взысканий¹.

Одна из важных черт развития социалистического права в настоящий период состоит в *более подробном, детализированном и дифференцированном регламентировании охватываемых правом общественных отношений*. Именно в этом заключается особенность действующего уголовного и гражданского процессуального законодательства. Так, применительно к гражданским процессуальным действиям в новом законодательстве «несравненно более четкой и полной стала нормативная форма их выражения в сравнении с прежним гражданско-процессуальным законодательством»². Значительно большей детализированностью отличается новое законодательство о браке, семье и опеке, трудовое законодательство.

Современному развитию советского законодательства свойственно *повышение уровня юридических гарантий прав и свобод граждан*, выражающееся, в частности, в усилении их уголовноправовой охраны, дальнейшем совершенствовании процессуальных норм. Существенный шаг в этом направлении сделало новое уголовно-процессуальное и гражданско-процессуальное законодательство³, которое продолжает совершенствоваться и в настоящее время.

Значительный интерес в этом отношении представляют новые общесоюзные нормативные акты, принятые в июле 1969 года. — Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик и Положение о предварительном заключении под стражу. Принятие

¹ См. Д. П. Бахрах, Советское законодательство об административной ответственности, Пермь, 1969, стр. 201 и сл.

² В. М. Семенов, Понятие и система принципов советского гражданского процессуального права. Сборник ученых трудов Свердловского юридического института, вып. 2, Свердловск, 1964, стр. 192.

³ Как подробно показал И. Д. Перлов, новое уголовно-процессуальное законодательство не только развило демократические и гуманистические принципы социалистического процесса, но и отменило многие устаревшие положения, упрощавшие процесс. Автор правильно обращает внимание на то, что «новый кодекс вооружает всех нас для решительной борьбы с нигилистическим отношением к уголовно-процессуальному закону» («Новый уголовно-процессуальный кодекс РСФСР — важный этап в дальнейшем развитии советского уголовно-процессуального законодательства», кн. «Новое уголовное законодательство РСФСР», стр. 143).

этих актов направлено на дальнейшее укрепление социалистической законности, должно явиться еще одним звеном в системе правовых гарантий прав и свобод советских граждан. В частности, в Положении подробно регламентированы основания предварительного заключения (ст. 3), правовое положение лиц, содержащихся под стражей, их права (ст. ст. 6 и 9), их материально-бытовое и медицинское обслуживание (ст. 11), порядок содержания и освобождения из-под стражи, прокурорский надзор за соблюдением законности в местах предварительного заключения и др.

Тенденция, характеризующая качественные изменения в содержании советского права, в том числе и в области правового регулирования хозяйственных отношений, состоит в сокращении того, что называется «административными методами», — процесс, сопровождаемый развитием административно-правового регулирования, в частности его процессуальных форм.

Развитие советского права с качественной стороны выражается и в повышении его технико-юридического совершенства. В законодательстве последнего времени более полно и последовательно используются передовые средства и приемы юридической техники. Совершенствуется порядок подготовки проектов нормативных актов, применяются единые принципы их составления, все глубже внедряются в содержание законодательства данные юридической науки.

6. Повышение роли права и укрепление законности в жизни социалистического общества выражаются, наконец, в субъективной стороне правового регулирования, в правосознании населения, правовой культуре. В настоящее время в социалистическом обществе все более *повышается уважение к праву, развивается правовая культура, крепнет «чувство» законности.*

Право, его действие неотделимы от субъективного отношения людей к нему, от правосознания, правовой культуры общества. Эффективность права, его реальное значение и ценность прямо зависят от общественной атмосферы, в которой оно функционирует.

Основное, что в современных условиях характеризует субъективную сторону правового регулирования, состоит в неуклонном росте авторитета права и законности в глазах людей.

Положительную роль в этом отношении играет привлечение трудящихся к широкому участию в «юридических делах» — в борьбе с правонарушениями, охране общественного порядка, решения конфликтов и споров. В соответствии с этим укрепляется и то, что может быть названо «чувством» законности — нетерпимость ко всякому, даже малейшему неуважению закона, повышение авторитета органов милиции, суда, прокуратуры и др.

Рассматриваемый процесс проявляется в развитии юридической науки. Именно за последние годы юридическая наука сделала заметный шаг вперед, существенно продвинула теоретическую разработку важных проблем коммунистического строительства, укрепила связи с практикой. Возрос международный авторитет нашей науки в глазах прогрессивных общественных сил всего мира¹.

Бесьма знаменателен факт повышения общественного авторитета профессии юриста, значения юридического образования, его роли в подготовке не только высококвалифицированных юристов, но и работников советского административного и хозяйственного аппарата.

Существенную роль во всех этих процессах сыграло постановление ЦК КПСС, принятое в 1964 году, «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране», которое, подчеркнув возросшее значение юридической науки и юридического образования для решения задач коммунистического строительства, наметило меры по их дальнейшему совершенствованию и развитию.

В последнее время Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли новые важные решения, направленные на дальнейшее укрепление социалистической законности, улучшение деятельности судебных и прокурорских органов. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве» намечены меры по повышению уровня правовой работы и строгому соблюдению социалистической законности в деятельности предприятий и организаций, более широкому использованию правовых средств для успешного решения задач по повышению экономиче-

¹ Одним из свидетельств повышения международного признания нашей юридической науки является присуждение в 1968 году медали ООН советскому ученому профессору П. Е. Недбайло.

ской эффективности общественного производства, для укрепления государственной дисциплины, выполнения плановых заданий и договорных обязательств¹.

Важная роль в этом отводится образованному в 1970 году союзно-республиканскому Министерству юстиции, которое призвано обеспечить более высокий уровень государственного руководства органами юстиции, добиваться улучшения правовой работы в народном хозяйстве, совершенствования законодательства, повышения культуры судопроизводства, усиления правовой пропаганды и правового воспитания населения. Все это содействует дальнейшему укреплению авторитета социалистического права, расширению и углублению правовых начал в жизни социалистического общества.

7. Рассматривая расширение и углубление правовых начал в жизни социалистического общества как объективную закономерность, необходимо постоянно иметь в виду, что право представляет собой субъективный фактор общественного развития и принадлежит к области идеологических, надстроечных отношений. Указанное обстоятельство, как и некоторые другие факторы, обуславливает своеобразие действия главной закономерности развития социалистического права, ее проявления в качестве тенденции. Но все же ее следует характеризовать как *объективную* закономерность.

Использование этой закономерности, как и всякой иной объективной закономерности, способно принести значительный эффект, выигрыш в общественной жизни. Глубина лептеских идей о праве как необходимом социально полезном инструменте общественного развития в том и состоит, что использование правовой формы общественного регулирования, строгое проведение начал социалистической законности является требованием самой жизни, строительства социализма и коммунизма.

Напротив, недоучет требований главной закономерности развития социалистического права как требований и всякой иной объективной закономерности «метит за себя», порождает трудности, недостатки в общественной жизни, приводит к неоправданным издержкам и потерям. Весьма симптоматично, что отступления от принципов марксиз-

¹ СП СССР 1971 г. № 1, ст. 1.

ма-ленинизма, выразившиеся в культе личности, неизбежно были связаны с переоценкой права, с нарушением ленинских начал социалистической законности.

Ленинские принципы законности — неодолимое требование организации всей общественной жизни. Советский закон «обязателен для всех, его должны соблюдать все без исключения, независимо от положения, чина и ранга». В современных условиях Коммунистическая партия считает нетерпимым тот факт, что «есть еще отдельные люди, которые не воспитали в себе такого необходимого качества, как сознательное и неукоснительное соблюдение советских законов, правил социалистического общежития. С таким положением партия мириться не может и не станет»¹.

Объективные законы развития социалистического общества таковы, что повышение роли права и укрепление законности является неизбежным процессом общественного развития. М. С. Строгович правильно пишет, что «в условиях социализма и строящегося коммунизма законность всегда сильнее беззакония, законность всегда победит беззаконие, а нарушители законности всегда будут разоблачены и на самих себе испытают силу и непобедимость законности»².

Все это, разумеется, не говорит об автоматизме, фатальности действия данной закономерности или же о том, что ее осуществление не нуждается в целеустремленных активных действиях. «Объективность» рассматриваемой закономерности характеризует ее действие с точки зрения исторической перспективы: развитие социалистического общества неизбежно приводит к необходимости неуклонного и постоянного укрепления социалистической законности, расширения и углубления правовых начал во всех областях жизни³. На практике же, в повседневной жизни «в интересах социалистического государства и общества,

¹ Л. И. Брежнев, Речь на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа г. Москвы 12 июня 1970 г., «Правда» от 13 июня 1970 г. № 164.

² М. С. Строгович, Основные вопросы советской социалистической законности, стр. 72.

³ М. С. Строгович справедливо указывает, что «объективные закономерности развития социалистического общества, социологические, экономические, никогда не проявляются автоматически, а всегда предполагают активную, целеустремленную деятельность людей» («Основные вопросы советской социалистической законности», стр. 73).

всемерной охраны прав и свобод советских граждан требуется активная систематическая борьба за дальнейшее укрепление законности, за ликвидацию ее нарушений, совершенствование гарантий законности и устранение любых препятствий на пути полнейшего осуществления законности»¹.

Общая характеристика социальной ценности права в советском обществе. Аспекты проблемы

1. Рассмотрение права в качестве необходимого, социально полезного инструмента общественного развития по сути дела и является исходной основой для аксиологического подхода к нему, для характеристики его в качестве социальной ценности. Об этом же свидетельствует тенденция повышения роли права, расширения и углубления правовых начал в жизни социалистического общества, проявляющаяся как объективная закономерность.

Положение о социальной ценности права означает, что право при социализме должно быть признано в качестве *социального блага*, т. е. такого общественного явления, которое в силу своих свойств способно принести значительную пользу в общественной жизни, в решении задач социалистического и коммунистического строительства. А отсюда и сама проблема значения права при социализме необходимо перенести в новую плоскость: право в социалистическом обществе — это не только неизбежность, необходимость, но и своеобразный социальный «капитал», то, что нужно с максимальной эффективностью использовать, «пускать в дело» для решения наших задач. Такое изменение угла зрения при оценке социалистического права призвано способствовать более эффективному его использованию в коммунистическом строительстве, дальнейшему подъему его авторитета и престижа, утверждению права как великой человеческой и моральной ценности социализма. Это полностью соответствует современным задачам нашей общественной науки, которая должна руководствоваться тем, что «совершенствование социалистической демократии, подъем производительных сил, по-

¹ В. М. Чхиквадзе, Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность, «Юридическая литература», 1967, стр. 382.

литический и культурный прогресс, превосходство человеческих и моральных ценностей увеличивают воздействие социализма на трудящихся всего мира, упрочивают его позиции в имеющей всемирное значение борьбе против империализма»¹.

Рассмотрение социалистического права как социальной ценности, воплощающей начала гуманизма, справедливости, великие права и свободы личности, является одним из важных моментов, которые демонстрируют превосходство социалистического строя, увеличивают его притягательную силу для трудящихся, для всего прогрессивного человечества.

Положение о социальной ценности права означает, что право в жизни социалистического общества имеет *самостоятельное* значение. Его характеристику нельзя ограничить только тем, что оно выступает в качестве «средства», «инструмента» (например, средства для осуществления функций государства). Будучи таким «средством» (и это неизбежно, если брать право как элемент всей цепи общественных явлений, в частности, в его связи с государством), право вместе с тем выполняет свои, специфические функции, соответствующие его месту в общественной жизни, содержанию и свойствам.

2. Ценность права, как и ценность иных социально-политических институтов, может быть правильно понята лишь в том случае, если рассматривать его в качестве составной части данной системы социально-классовых, политических отношений.

В. И. Ленин обращал внимание на то, что «марксисты заимствуют безусловно из теории Маркса только драгоценные приемы, без которых невозможно уяснение общественных отношений, и, следовательно, критерий своей оценки этих отношений видят совсем не в абстрактных схемах и т. п. вздоре, а в верности и соответствии ее с действительностью»². Ленин потому и характеризовал вопросы социалистического права главным образом под углом зрения законности, что это сразу же давало возможность оценить право не как некую «абсолютную правовую идею», а как реальную общественную силу, зна-

¹ «Международное Советское коммунистическое и рабочих партий. Документы и материалы», Политиздат, 1969, стр. 303.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 197.

ценности которой определяется объективными потребностями общественного развития.

Данный пункт является решающим для понимания того своеобразного подхода к проблеме ценности права, который органически вытекает из марксистско-ленинской правовой доктрины. Это своеобразие состоит не в том, что марксизм-ленинизм отрицает ценность права вообще (как силится «доказать» буржуазные идеологи), а в том, что социалистическая правовая наука отрицает «абсолютную ценность» права¹.

Идея об «абсолютной ценности права» (или просто «идея права»), усиленно пропагандируемая буржуазной идеологией, имеет фальшивый характер. Она как раз и представляет собой ту «абстрактную схему», «вздор», о которых писал В. И. Ленин. Туманная и неопределенная по содержанию она претендует на то, чтобы изобразить право в качестве чудодейственного, всенцеляющего средства. Реакционная классовая сущность такого рода «идеи права» состоит в том, что эта идея рассчитана на отвлечение трудящихся от революционных форм борьбы. В то же время своим практическим бессилием она порождает неверие в право, фактически приводит к обесценению его, а для государственных органов служит идеологическим основанием «надзаконной», а по сути противозаконной деятельности.

Напротив, положение о праве как реальной и в этом смысле относительной ценности дает возможность на подлинно научных основаниях определить фактическую «силу права», его возможности и тем самым отвести ему действительное, вполне достойное место среди всей системы средств и форм общественного регулирования при социализме.

Право функционирует в рамках политической организации социалистического общества. Ее особенности, специфика соотношения структурных частей — все это, разумеется, предопределяет своеобразие положения и ценности права при социализме. Принципиально важна здесь характеристика права в связи с руководящей ролью Коммунистической партии — направляющей силы всей системы политической организации социалистического общества. Ценность и сила права прямо зависят от того,

См. В. М. Ч х и к в а д з е, указ. работа, стр. 143—144.

насколько полно и последовательно выражается в нем политика Коммунистической партии, насколько действительно оно обеспечивает бесперебойное функционирование всего механизма политической организации социалистического общества.

Здесь нужен конкретный, исторический, последовательно классовый, марксистский подход.

В обстановке острой классовой борьбы, в сложных условиях общественного развития Коммунистическая партия путем непосредственной организационной и идеологической работы, а также через систему государственных органов и общественных организаций обеспечивает живое, творческое оперативное руководство общественными процессами, быстрое решение и практическую реализацию сложных социальных проблем.

Вместе с тем руководящая роль Коммунистической партии в политической организации социалистического общества необходимо предполагает функционирование такой формы, которая бы обеспечивала высокую организованность всей социальной жизни, осуществление государственного управления на твердых постоянных основах, единство и порядок в общественных отношениях. А этих целей можно достичь при помощи широкого использования нормативно-правовой формы общественного регулирования.

Руководство Коммунистической партии обеспечивает глубокую научность управления общественными делами, целеустремленное развитие общества к коммунизму, в ходе которого претворяются в жизнь ленинские принципы социалистической законности, ленинские идеи о социалистическом праве как необходимом, социально полезном инструменте общественного развития.

Вот почему КПСС в современных условиях рассматривает развитие социалистического права и укрепление социалистической законности в качестве не только общегосударственной, но и *общепартийной задачи*¹.

3. Вопрос о ценности права в социалистическом обществе нельзя освещать абстрактно также потому, что необходимо учитывать особенности, различные стороны пра-

¹ См. Л. И. Брежнев, Речь на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа г. Москвы 12 июня 1970 г., «Правда» от 13 июня 1970 г. № 164.

ва и, следовательно, подходить к его характеристике дифференцированно.

Главное и решающее в праве — его классово-волевая сущность. По своей сущности оно представляет собой возведенную в закон государственную волю (в обществе с антагонистическими классами — государственную волю господствующего класса), надстроечное явление, обусловленное в конечном счете экономическим базисом общества.

По своей классовой сущности социальная ценность права является однопорядковой с ценностью других социально-политических институтов и учреждений, существующих в данной системе классовых отношений. Ценность социалистического права состоит в том, что оно служит интересам рабочего класса и всех трудящихся, выступает в качестве мощного политического инструмента в борьбе против эксплуататоров, за построение социализма и коммунизма. В историческом плане социальная ценность социалистического права выразилась в том, что оно выполняло (вместе с другими средствами политического властвования) великую историческую миссию — уничтожение эксплуататорских классов. В период завершения строительства социализма, в условиях временного обострения классовой борьбы оно служило мощным орудием охраны и утверждения социалистического строя, инструментом борьбы с антисоциалистическими силами.

Такая ценностная характеристика права является исходной и решающей в марксистско-ленинской юридической науке. В связи с этим необходимо отметить теоретическую несостоятельность мнения тех авторов, которые сочли возможным признать общеправовое право бесклассовым¹.

Конечно, после полной и окончательной победы социализма право, как и государство, перестает быть орудием классового, политического господства. Но классово-воле-

¹ См., например, Г. П. Задорожный, Мирное сосуществование и международное право, изд-во «Международные отношения», 1964, стр. 339. Убедительная критическая оценка этой позиции дана Р. Я. Бобровым в книге «Основные проблемы теории международного права» (изд-во «Международные отношения», 1968, стр. 173—175). Применительно к общеправовому государству о классовости в условиях строительства коммунизма см. А. И. Денисов, Советское государство. Возникновение, развитие, сущность и функции, изд-во МГУ, 1967, стр. 123 и сл.

вая сущность права выражается не только в том, что при его помощи осуществляется классовое господство. После победы социализма право, перестав выполнять функции орудия классового господства, остается классово-политическим явлением потому, что имеет определенное значение в осуществлении классовых задач социалистического государства на внешней арене¹ и в то же время действует в классовом обществе, где рабочий класс осуществляет руководящую роль, а также потому, что в соответствии с экономическим строем и классовой структурой общества победившего социализма обладает *антиэксплуататорским* содержанием.

Даже в условиях, когда уничтожены эксплуататорские классы, социалистическое право направлено против угнетения и эксплуатации человека человеком, против всех язв и пороков эксплуататорского общества. Подчеркнем: *антиэксплуататорское* — это не просто не эксплуататорское. Общественное социалистическое право по своему строю, по своему содержанию представляет собой явление, не совместимое с эксплуатацией и угнетением.

Отсюда — необходимость строгого классового содержания социалистического права, которое не должно давать возможности, простора для оживления и развития антисоциалистических сил, каких-либо проявлений эксплуатации, угнетения человека человеком.

Со стороны направленности правового регулирования классово-политическое содержание социалистического права выражается в том, что оно нацелено на построение коммунизма. А построение коммунизма по своему историческому источнику и социальному содержанию является задачей рабочего класса и всех трудящихся, т. е. исторически классовой задачей. И хотя в этом случае «классо-

¹ На социалистическое право распространяется сформулированное И. П. Фарберовым в отношении социалистического государства положение о том, что последнее «на внешней арене выступает как детине международного пролетариата, проводит классовую политику в интересах рабочего класса и всех трудящихся, ведет борьбу с прощками мировой буржуазии, защищает права всех народов на национальную независимость, свободу, демократию и социальный прогресс» (см. кн. «Проблемы Советского социалистического государства и права в современный период. Некоторые теоретические вопросы» под ред. В. М. Ч х п к в а д з е, «Наука», 1969, стр. 54—55).

вость» общеправового права понимается иначе, нежели классовость права в обществе с антагонистическими классами, рассмотрение права как классово-политического явления и в данном отношении имеет принципиальное методологическое значение, в том числе и для понимания права как социальной ценности.

Именно в том, что право в социалистическом обществе служит задачам построения коммунизма, и состоит *высшая социальная ценность права* как политического, классового явления.

4. Отправляясь от классово-волевой сущности, при ценностной характеристике права необходимо вместе с тем учитывать все стороны его содержания¹.

Содержание права образует объективированная в системе общеобязательных норм *государственная воля*². Право каждого государства представляет собой прочное единство, обусловленное единством требований экономического базиса, единством политической организации общества³.

В то же время по своему содержанию право — явление многогранное, разностороннее. Рассматривая процесс формирования права, различные его связи и опосредствования, можно путем научных абстракций выделить в едином содержании права отдельные стороны или даже, огорив условность подобного выделения, обособить разные «содержания» права.

При таком подходе в праве можно условно различать: классово-волевое содержание (т. е. ту сторону содержания права, которая непосредственно выражает его «сущность, классовые цели и задачи»); фактическое содержание (т. е. то, что дано регулируемым фактическими отношениями, характеризует реальное содержание норм, факти-

¹ А. Ф. Шебанов пишет: «Содержание права каждой общественной формации выражает классовую сущность этого права и в то же время конкретизирует ее» («Форма советского права», «Юридическая литература», 1968, стр. 16).

² См. Н. Г. Александров, Право и законность в период разветвленного строительства коммунизма, Госюриздат, 1961, стр. 207; О. С. Иоффе, О форме и содержании социалистического права, «Вестник Ленинградского университета» 1959 г. № 11, стр. 84; Д. А. Керимов, Свобода, право и законность в социалистическом обществе, Госюриздат, 1960, стр. 200; А. Ф. Шебанов, Форма советского права, стр. 17 и сл.

³ См. Д. А. Керимов, указ. работа, стр. 192.

ческое, конкретное содержание прав и обязанностей); интеллектуальное содержание и др. Кроме того, думается, есть достаточные основания для того, чтобы выделить ту сторону единого содержания права, которая может быть названа специфическим, специально-юридическим (или имманентно «правовым») содержанием.

Право — это не вся и не всякая государственная воля. Политическая диктатура господствующего класса может в принципе осуществляться и вне права, неправовыми методами политического господства (разовыми индивидуальными велениями, фактическими организационными действиями, мерами непосредственного насилия). Поэтому, строго говоря, сама по себе классовая диктатура организационно не обуславливает надобности в праве. Нормативно-правовое регулирование является здесь одним из методов политического властвования — более целесообразным, эффективным, но и только.

Для того чтобы стать правом, государственно-властная воля должна быть «возведена в закон». Возведение же в закон — не просто способ правообразования; приведенная формула выражает также место и значение права в жизни общества. Слово «возвести» дает представление о праве, как о чем-то таком, что «приподнято», перемещено в более высокую плоскость. Здесь государственно-властная воля приобретает то, что в наибольшей степени присуще именно «закону», — всеобщность и устойчивость юридических предписаний.

Право является устойчивой, стабильной нормативной системой классового регулирования, выраженной в такой системе общеобязательных норм, в соответствии с которой субъекты правоотношений обладают известной самостоятельностью, имеют комплекс субъективных прав, должны действовать в согласии с началами господствующей справедливости¹.

Своеобразие права с точки зрения его специфического (имманентно «правового») содержания было раскрыто К. Марксом в работе «Дебаты по поводу закона о краже

¹ О необходимости более широкого подхода к определению права, о связи права с идеалами справедливости см. Т. ПонашкУ, А. М. Пашица, к вопросу о сущности социалистического права, кн. «В. И. Ленин о социалистическом государстве и праве», «Наука», 1969, стр. 313.

леса»¹. Отдельные выдержки из этого произведения довольно часто цитируются в юридической литературе, однако не обращается должного внимания на то общее, глубинное, решающее, что лежит в основе положений о процессуальном и материальном праве, о форме и содержании в праве вообще, о гарантировании его государством от всяких случайностей и др.

Между тем Маркс говорит здесь о специфическом содержании права.

Он противопоставляет частным, необузданным интересам лесовладельцев, т. е. групповым интересам эксплуататорского господствующего класса, «правовое содержание», присущие ему процессуальные формы. «Судебные формы представляются алчному, беспокойному частному интересу тягостными и излишними препятствиями, которые ставит перед ним педантичный правовой этикет»².

«Почву права» частный интерес рассматривает как «неизбежное зло». В области процессуальных форм «наталкиваются на самое право, как на препятствие необузданному проявлению частных интересов, и право расценивается как препятствие»³.

Именно потому, что существует специфическое (имманентно «правовое») содержание, Маркс пишет: «Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности»⁴.

Право как самостоятельная ценность проявляется в связи со своим специфическим содержанием. К. Маркс указывает на необходимость «проведения правовой точки зрения», на «чувство права и законности»⁵. Более того, он прямо говорит о *правовом содержании*, отмечая, что в борьбе с необузданными, алчными частными интересами нужно «уделять в настоящий момент свое главное внимание *правовому содержанию*, чтобы у нас в конце концов не осталась одна только пустая маска»⁶. Вслед за этим и приводятся слова, которые часто цитируются в нашей

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 119—160.

² Там же, стр. 157.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 158.

⁵ Там же, стр. 159, 160.

⁶ Там же, стр. 158—159.

литературе: «Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания»¹.

Надо заметить, что особенности специфического содержания права отражаются в принятой терминологии. С этимологической стороны наименование права «правом» оправдано именно потому, что правовая форма общественного регулирования предполагает наличие определенных, гарантированной системы субъективных прав, правомочий. Оно оправдано также потому, что юридические нормы воплощают в себе господствующие моральные принципы, начала справедливости. Отсюда — и близость по смысловому значению слов «правовое», «правос», «справедливое», «праведное». Пронесение русского слова «право», несомненно, связано с тем общим смыслом, который объединяет приведенные слова².

Специфическое содержание права согласуется с его объективными свойствами. По сути дела эти свойства (в частности, присущая праву нормативность) выражают специфическое содержание права, обеспечивают его действие как классового регулятора, который на началах господствующей морали, справедливости, предполагает наличие известной системы субъективных прав.

Специфическое содержание права, взятое в единстве с его объективными свойствами, и является основой ценностной характеристики права в новом, весьма важном

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 159.

Как представляется, в «новом прочтении» нуждаются положения о связи материального и процессуального права. Известные высказывания К. Маркса по этому вопросу используются обычно в литературе для обоснования вывода, согласно которому каждая отрасль права имеет «свои» процессуальные формы. Между тем Маркс говорит здесь не об отраслях, а скорее о типах права, о связи специфического («внутреннего») содержания с формами процесса. Он пишет: «Как в китайском праве обязательно упорядочена попытка; как с содержанием средневекового уголовного процесса — подобно этому гласный, свободный судебный процесс составляет необходимую принадлежность гласного по своей природе содержания, продиктованного свободой, а не частным интересом. ... Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни» (там же, стр. 158).

² Эта терминологическая особенность наименования права характерна не только для русского языка.

для науки и практики аспекте. Именно с этой стороны право раскрывается как такая общественная форма, которая в соответствии с интересами господствующего класса направлена на утверждение единой упорядоченной системы общественных отношений, ее устойчивости, стабильности. Здесь право выступает в качестве общественного режима, противостоящего режиму произвола и беззакония. В. А. Туманов подчеркивает: «Как ценность право противопоставляет режиму произвола и беззакония. Хотя на протяжении веков в право отнюдь не всегда вкладывалось содержание, отвечающее нуждам прогресса, но вместе с тем без права нельзя утвердить принципы демократии, равенства, свободы»¹.

С учетом специфического содержания и объективных свойств права раскрывается его значение в качестве человеческой и моральной ценности, воплощающей прогрессивное, поступательное движение человеческой мысли, демократические и гуманные завоевания общества — прогрессивные элементы культуры, наследниками которой, как указывал В. И. Ленин, являются коммунисты².

Специфическое содержание права нельзя отрывать от его классовой сущности. Она предопределяет природу данного типа права, фактическое содержание правового регулирования. Но для того чтобы стать «правом», это фактическое содержание должно быть отлито в формах, присущих его специфическому содержанию, и выражено в нормативных предписаниях, конструируемых законодателем в соответствии с объективными свойствами права. Специфическое содержание права, а затем и его объективные свойства являются тем «материалом», через который должна преломиться воля господствующего класса и в котором она воплощается в виде общеобязательных юридических норм.

Буржуазная правовая идеология стремится изобразить специально-юридическое содержание права как явление, якобы присущее только буржуазному строю, буржуазной

¹ В. А. Туманов, Современный антимарксизм и теория права, «Советское государство и право» 1969 г. № 4, стр. 62.

² На эту особенность права, его общего понятия обратил внимание С. Н. Братусь (см. «Некоторые спорные вопросы общего понятия права», кн. «Вопросы современного развития советской юридической науки», изд-во ЛГУ, 1968, стр. 16, 17).

демократии, пресловутому «свободному» обществу. Буржуазные теории «господства права», «правового государства» в той или иной степени опираются на подобного рода представление. В них верно лишь одно: в буржуазном праве в противовес режиму произвола и беззакония феодального общества получили определенное, соответствующее условиям капиталистического товарного хозяйства развитие такие специфические черты содержания права, как формальное равенство, закрепление некоторых прав личности и др. Но с самого начала буржуазное право выступило в качестве средства осуществления диктатуры буржуазии, и это сразу же придало указанным чертам строго классовую направленность. В то же время буржуазия в период империализма во все более широких масштабах использует неправомерные методы политического господства, что служит одним из выражений перехода от буржуазной демократии к реакционным, фашистским по-литическим режимам.

В социалистическом праве такие черты его содержания, как права личности, начала справедливости и другие, впервые в истории поставлены на службу народу, интересам трудящихся. Отсюда следует, что именно социалистическое право характеризуется наиболее полным развитием того собственно «правового», которое выражает человеческие и моральные ценности, социальный прогресс, демократические и гуманные завоевания общества. Особо ярко это своеобразие проявляется после полной и окончательной победы социализма. Общепризнанное право — нормативная система, которая призвана с максимальной полнотой выразить в своем содержании развертывание социалистической демократии, дальнейшее развитие прав личности, высокие принципы подлинной свободы трудящихся, идеалы социалистической справедливости.

*Право и организация отношений в советском обществе.
Право и личность*

1. Самым общим образом значение права как социальной ценности состоит в том, что оно выражает, закрепляет и обеспечивает организованность отношений в социалистическом обществе.

А. С. Алексеев

Определенная организация общественной жизни — это одна из наиболее отличительных черт человеческого общества. Общество не есть простая сумма индивидов. На всех стадиях своего развития оно представляет собой органическое целое, обусловленное в конечном счете единством экономического базиса, данного способа производства. Организация же общественной жизни выражается в том, что существуют урегулированность и порядок в общественных отношениях. «Урегулированность и порядок, — писал К. Маркс, — являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола»¹.

Качественно новый характер приобрела организованность общественной жизни в условиях социализма. Общественная собственность на средства производства, устранение и ограничение действия стихийных экономических законов, объективная потребность целенаправленного руководства общественным развитием, задачи строительства принципиально нового социального строя — социализма и коммунизма — обуславливают необходимость и возможность высокой организации всех сторон жизни социалистического общества. Это подкрепляется и тем, что сама цель развития — коммунистическое общество — рассматривается марксистско-ленинской теорией в качестве социальной системы, отличающейся высшей степенью организованности складывающихся в ней отношений.

Таким образом, организованность (урегулированность и порядок) — это необходимая форма существования и функционирования общественных отношений; от ее характера и особенностей, от ее соответствия потребностям общественного развития прямо зависит «упрочение» данного способа производства, направление и темпы развития общественных отношений.

Конечно, значение права для организации общественной жизни не может рассматриваться в качестве его специфической черты. Существует система способов выражения, закрепления и обеспечения организованности общественных отношений (в социалистическом обществе — руководство со стороны Коммунистической партии, государственное руководство, деятельность общественных ор-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 356—357.

ганизаций, функционирование неправовых социальных норм и пр.).

Однако указание на значение права для организации общественной жизни дает возможность определить область, в которой проявляется ценность права в качестве социального блага. Ценность права, как и ценность иных способов налаживания урегулированности и порядка, по своим главным чертам соответствует значению организованности (урегулированности и порядка), ее роли в обеспечении существования, функционирования и развития общества в соответствии с его объективными потребностями.

Следовательно, указание на значение права для организации общественных отношений позволяет выявить человеческие потребности, прежде всего потребности общества в целом, которые удовлетворяются социалистическим правом, и тем самым установить главный объективный показатель, характеризующий социальную ценность права в социалистическом обществе¹.

2. Организованность — это упорядоченность общественных отношений, их согласованность, слаженность, регулярность, подчиненность единым началам.

Право по своей природе, присущим ему свойствам таково, что в значительной степени приспособлено как раз для выражения, закрепления и обеспечения урегулированности и порядка в общественной жизни, налаживания нормального, основанного на единых началах, гармоничного, строго определенного существования и функционирования общественных отношений.

Характеризуя право как основу нормального, «естественного» функционирования и развития общественного организма, необходимо исходить из особенностей общества как *единой организационной системы*.

¹ П. М. Рабинович, отметивший эту сторону ценностной характеристики социалистического права, пишет: «Право удовлетворяет универсальную потребность человеческого общества в конституировании и поддержании необходимой формы связи его субъектов — в определенных общественных отношениях, характеризующихся упорядоченностью, согласованностью, структурно-системной определенностью» («Социалистическое право как ценность», кн. «Проблемы социалистической законности на современном этапе развития Советского государства. Межвузовская научная конференция», Харьков, 1968, стр. 21).

Общество как сложная органичная система состоит из множества подсистем, социальных элементов, из которых складывается экономическая, политическая, духовная жизнь. Но для того, чтобы эти подсистемы и элементы функционировали и развивались как части целого организма, они должны определенным образом «связываться» в единую систему. В социальном организме существует ряд таких организующе-функциональных звеньев; среди них важнейшее значение принадлежит праву.

Слаженность, гармоничность, равномерность функционирования и развития социальных подсистем, социальных элементов, всего сложного общественного организма во многом зависят от четко отработанных правовых установлений, строгого правопорядка, последовательной законности. На современном этапе развития общества право является не только неизбежным, но и надежным, высокоэффективным инструментом, обеспечивающим связывание всех подсистем, всех элементов общества как целого в единый организм, создание условий для его беспрепятственного гармоничного функционирования, ликвидации помех и нарушений в его развитии.

В связи с этим необходимо отметить несостоятельность такого представления о ценности права, когда его роль в обществе связывается главным образом с необходимостью борьбы с преступностью, с антиобщественными элементами.

Ничуть не умаляя охранительной функции права, надо со всей определенностью подчеркнуть, что в социалистическом обществе оно *прежде всего* направлено на положительное регулирование, призванное обеспечить организацию социалистических общественных отношений, их поступательное целенаправленное развитие¹.

¹ М. И. Байтин, разграничивая в работе всех звеньев механизма социалистического государства «правовую» и «чисто фактическую» деятельность, считает, что «чисто фактическую деятельность» целесообразнее называть «организационной»; в соответствии с этим он различает «правовые» и «организационные» формы осуществления функций государства («О формах осуществления функций социалистического государства», «Ученые записки Саратовского юридического института», вып. 18, 1969, стр. 263, 267 и сл.). Однако такого рода наименования неприслельны потому, что «правовые» формы — это тоже «организационные» формы (имеющие, пожалуй, большее значение в обеспечении организа-

В. И. Ленин связывал право именно с задачей обеспечения организованности и порядка, дисциплины и ответственности в поведении людей. Широко известно высказывание, в котором он ставит на одну плоскость законность, организованность и порядок: «Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую немедленно используют враги трудящихся»¹. Это важно подчеркнуть потому, что, как указывал В. И. Ленин, в ходе социалистической революции «к задачам разрушения прибавляются новые, перлыхаппой трудности задачи — организационные»². Вот почему марксисты-ленинцы всегда видели органическое единство между социалистической революцией, с одной стороны, и задачами укрепления законности, с другой. Само социалистическое право, подчеркивал П. И. Стучка, возникшее путем революции, является одним из средств проведения революции, а именно для реорганизации общественных отношений в интересах победившего класса³.

Анализ содержания действующего советского права, как и права других социалистических стран, с убедительностью свидетельствует о том, что оно по своему главному содержанию, основной массе нормативных постановлений вовсе не направлено на то, чтобы «покарать», «принудить» и т. д. Меры государственно-принудительного, карательного порядка применяются в качестве вторичных, в качестве санкций за виновное, да к тому же, как правило, грубое нарушение юридических обязанностей, обеспечивающих организованность и порядок в жизни социалистического общества. В целом же социалистическое право прежде всего регламентирует права и обязанности участников общественных отношений, определяет рамки и условия осуществления этих прав и обязанностей и т. д. Такая направленность правового регулирования, выражающая главное в его социальной ценности, находит определенное отражение даже в формулировках нормативных положений в законодательных актах, характере и существе излагаемых в этих актах правил.

ции общественных отношений, пожелл «чисто фактическая» деятельность органов государства).

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 156.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 6.

³ См. П. И. Стучка, Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права, стр. 131.

Возьмем, например, статью 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (и соответствующую статью ГК РСФСР). Существо правил, закрепленных в этой статье, конечно, состоит не только и не столько в том, чтобы установить штраф, налагаемый судом на нарушителя чести и достоинства гражданина или организации (хотя, разумеется, это существенный момент в правовом регулировании соответствующих общественных отношений). Правила ст. 7 нацелены прежде всего на то, чтобы установить строгий порядок, который обеспечивал бы интересы потерпевшего (он вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь и достоинство сведений) и в то же время гарантировал добросовестные действия других лиц (лицо, распространившее сведения, которые касаются чести и достоинства гражданина или организации, не обязано их опровергать, если докажет, что эти сведения соответствуют действительности). Штраф же на нарушителя возлагается лишь в том случае, если решение суда не выполнено. Такая направленность гражданского законодательства прямо вытекает из содержания преамбул Основ и кодексов общего положения, согласно которому «советское гражданское законодательство является важным средством дальнейшего укрепления законности в области имущественных отношений и охраны прав социалистических организаций и граждан».

В ряде формулировок Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик подчеркивается, что соответствующие нормативные положения преследуют цель обеспечить организованность общественных отношений. Например, введение земельного кадастра, его данные «служат целям организации эффективного использования земель и их охраны, планирования народного хозяйства, размещения и специализации сельскохозяйственного производства, мелиорации земель и химизации сельского хозяйства, а также осуществления других народнохозяйственных мероприятий, связанных с использованием земель» (ст. 46. Разрядка моя.— С. А.). Точно так же «задачами государственного землеустройства являются организация наиболее полного, рационального и эффективного использования земель, повышение культуры земледелия и охрана земель» (ст. 47. Разрядка моя.— С. А.).

3. Значение социалистического права для организации общественных отношений реально выражается в его функциях.

Весьма знаменательно, что в настоящее время в советской юридической науке единодушно признана ведущая и определяющая роль регулятивных функций. Рассмотрение права как регулятора общественных отношений и есть по сути дела оценка его в качестве фактора, способствующего налаживанию и обеспечению надлежащей организации отношений социалистического общества.

Это убедительно подтверждается тем, что самое правовое регулирование определяется в нашей юридической науке как такое воздействие на общественные отношения, которое обеспечивает упорядочение данных отношений, введение их в определенные рамки, дальнейшее развитие в соответствии с задачами коммунистического строительства. Ведь «упорядочение», «введение в рамки» в сущности и представляют собой определенные стороны организации общественной жизни.

Вот почему представляется в принципе плодотворной позиция В. Г. Смирнова. Рассматривая положительное правовое воздействие, он обращает внимание на то, что «советское право в настоящее время осуществляет прежде всего функцию организации социалистических общественных отношений, которая по мере продвижения нашего общества и государства по пути коммунистического строительства занимает все более и более доминирующее положение»¹. Правда, в приведенном соображении есть терминологическая неточность: правоохранительная функция также связана с организацией общественных отношений, поэтому едва ли оправдано ограничение, хотя бы терминологическое, роли права в организации обществен-

¹ В. Г. Смирнов, *Функции советского уголовного права*, изд-во ЛГУ, 1965, стр. 9. Развивая приведенное положение, автор далее отмечает: «Подавляющее большинство норм советского социалистического права своим возникновением обязано не необходимости применить государственное принуждение как определенное стимулирующее средство и способ осуществления тех или иных предписаний, а необходимости упорядочить социалистические общественные отношения в соответствии с правильно понятыми объективными закономерностями развития социалистического общества и государства» (там же, стр. 11).

ных отношений только областью положительного регулятивного воздействия¹. Однако сама идея о возрастании роли права в организации общественных отношений заслуживает поддержки.

Прав В. Г. Смирнов и в том, что положительное регулятивное воздействие имеет своим предметом нормальные общественные отношения², выражающие «естественное» и обычное развитие общественных процессов в соответствии с объективными экономическими законами. Оно призвано способствовать прогрессивному развитию нормальных общественных отношений, исключению случайных отклонений от нормального хода в этом развитии. Здесь следует исходить из природы правового регулирования, осуществляемого, в частности, гражданским правом, роль которого «в сущности сводится к тому, что оно санкционирует существующие, при данных обстоятельствах нормальные, экономические отношения между отдельными лицами»³.

Особенности правового регулирования при положительном воздействии на общественные отношения в конечном счете тоже зависят от их роли в организации общественных отношений. С одной стороны, право призвано закрепить существующие нормальные общественные отношения (статическая регулятивная функция), т. е. обеспечить статику, утвердить господствующие общественные отношения в качестве «организованных». С другой стороны, правовое регулирование нацелено на то, чтобы обеспечить нормальное функционирование общественных отношений и, следовательно, «организовать» их движение, динамику (динамическая регулятивная функция). Правда, в конкретных правовых институтах обе регулятивные функции нередко совмещаются: многие юридические нормы одно-

¹ По мнению В. Г. Смирнова, наименование положительного правового воздействия регулятивной функцией должно быть признано неточным потому, что «право как регулятор общественных отношений выступает и в качестве организатора и в качестве обеспечивающего (охраняющего) средства общественных отношений» (указ. работа, стр. 9). Но еще более неточно именовать положительное правовое воздействие «функцией организации», ибо с организацией общественных отношений связана также охранительная функция.

² См. там же, стр. 10.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 311.

временно направлены и на закрепление общественных отношений и на обеспечение их развития. Все же своеобразные задачи, связанные с организацией общественных отношений, приводит к тому, что каждой из указанных регулятивных функций соответствует «свой» специфический по юридическим признакам тип регулирования, выраженный, в частности, в особенностях двух основных типов регулятивных правоотношений — правоотношений активного и пассивного типов¹.

Существенную роль в организации общественных отношений играет и охранительная функция права. С ее помощью в той или иной степени устраняются отступления от нормальных процессов в социалистических общественных отношениях, предупреждаются случаи возможных отклонений и аномалий в будущем.

В советской литературе само понятие вреда, приносимого правонарушением, вполне справедливо связывается с нарушением организации общественных отношений. С указанных позиций любое правонарушение причиняет «нематериальный» вред и этот вред состоит в том, что противоправное действие вносит дезорганизацию в общественные отношения, подрывает общественную дисциплину и авторитет права, препятствует нормальным процессам в функционировании и развитии социалистических общественных отношений².

Отсюда трактовка юридической ответственности как средства государственно-принудительного воздействия, которое направлено не только на то, чтобы покарать правонарушителя, оказать на него штрафное, карательное воздействие, но и на то, чтобы в необходимых случаях восстановить нарушенное состояние (такую роль играют гражданско-правовые санкции — возмещение убытков, уплата многих неустоек и др.). Да и само карательное, штрафное воздействие не является самоцелью; оно также направлено на то, чтобы предупредить в будущем возможность дезорганизации социалистических общественных отношений.

В советском праве получают все большее развитие государственно-принудительные меры, которые вообще не

¹ См. гл. III.

² См. О. Э. Лейст, Санкции в советском праве, Госюриздат, 1962, стр. 65—67.

преследуют цель оказать штрафное, карательное воздействие (они лишь в ряде случаев достигнут такого результата «попутно»). Это — *меры защиты*, всецело направленные на то, чтобы восстановить нарушенное (или нарушаемое) состояние или же обеспечить исполнение юридических обязанностей. Основанием их применения являются отклонения от нормального порядка — «правовые аномалии» (категория, которая трактуется более широко, нежели правонарушение¹). Меры защиты либо дополняют юридическую ответственность, либо применяются самостоятельно. Они широко используются в гражданском, административном, трудовом и других отраслях права².

4. Значение социалистического права для организации общественных отношений выражается и в особенностях предмета правового регулирования, а также в структуре (системе) права.

Социалистическое право регулирует различные по своей природе и содержанию отношения, складывающиеся и функционирующие в обществе. Однако характерно, что в любой отрасли права могут быть найдены *организационные* отношения.

Правда, до недавнего времени довольно широко была распространена концепция, согласно которой организационные отношения представляют собой специфический предмет административного права.

Но впоследствии выяснилось, что подобная трактовка предмета административно-правового регулирования делает его безграничным, лишенным внутренней определенности. Все большее число авторов стало склоняться к признанию предметом административного права главным образом организационно-властных, управленческих отношений. Наконец, в последние годы было убедительно доказано, что определенный круг организационных отношений присущ и предмету гражданского права, которое в рассматриваемой плоскости обычно противопоставляется административному праву (обязательства по заклю-

¹ См. В. Д. Ардашкин, Меры защиты (пресечения) в советском административном праве, автореферат канд. дисс., Томск, 1968, стр. 7—8.

² О мерах защиты подробнее см. С. П. Кожеников, Меры защиты в советском праве, автореферат канд. дисс., Свердловск, 1968, стр. 4 и сл.

чению договоров, контрольные и информационные отношения и др.)¹.

Конечно, наличие в предмете всех отраслей права известного круга организационных отношений не дает оснований к далеко идущим выводам о составе общественных отношений, опосредуемых той или иной отраслью права. Едва ли, в частности, оправданы попытки ввести в предмет гражданского права наряду с имущественными и личными неимущественными отношениями в качестве самостоятельного «структурного элемента» также организационные. В сфере гражданского права и ряда других отраслей «организационные отношения — лишь неотъемлемый элемент иных общественных отношений (имущественных, процессуальных и т. д.) и в качестве самостоятельного предмета (объекта) правового регулирования выступать не могут»².

Привлекает к себе внимание другое обстоятельство. Организационные отношения имеют в праве *всеобщее* значение. Именно потому, что социалистическое право выражает, закрепляет и обеспечивает организованность общественных отношений, последние необходимо включают в себя «организационный элемент». Это выражается и в том, что каждое общественное отношение, регулируемое правом, может под определенным углом зрения рассматриваться как «организованное» и, следовательно, как включающее организационные элементы. В то же время в процессе правового регулирования обособляются организационные отношения в строгом смысле («организующие» связи), которые опосредствуют активное воздействие права на общественную жизнь.

Указанное обстоятельство отражается также в структуре (системе) права. В ряде отраслей права (например, гражданском, трудовом и др.) относительно обособившиеся организационные отношения, не образуя самостоятельного предмета регулирования, выступают в качестве одного из промежуточных моментов в становлении и развитии имущественных, трудовых и иных отношений. Но и в дан-

¹ См. О. А. Красавчиков, Гражданские организационно-правовые отношения, «Советское государство и право» 1966 г. № 10, стр. 50 и сл.

² Г. К. Толстой, Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961—1965 гг.), автореферат докт. дисс., изд-во ЛГУ, 1970, стр. 7.

пом случае в пределах соответствующих отраслей права формируются относительно самостоятельные институты и субинституты, призванные регламентировать организационные отношения.

Наряду с этим в пределах социалистического права в целом обособляется регулирование одной из важнейших разновидностей организационных отношений, организационно-властных отношений, которое опосредствует организующую деятельность «администрации» — органов социалистического государства — и, следовательно, наиболее ярко демонстрирует значение социалистического права в налаживании высокой организованности всей общественной жизни.

5. Необходимо особо подчеркнуть ту сторону ценностной характеристики права в социалистическом обществе, которая выражает его значение для закрепления и обеспечения положения *личности*.

Правда, здесь тоже проявляется организующая роль права. При помощи правового регулирования вовсе не «создается», не «даруется» мера социальных возможностей, которыми обладает личность. И в данном случае право выполняет закрепительную и охранительную функцию, создает («организует») с юридической стороны условия, обеспечивающие возможности, которые predeterminedены данным общественно-экономическим строем.

Однако социальное значение права для личности требует особого рассмотрения, потому что в классовом обществе правовые формы служат не только необходимым, эффективным и целесообразным средством выражения и «организации» положения личности в обществе, но и «социальными инструментами», без которых человек как личность вообще не может проявлять себя. Следовательно, здесь может быть выявлен еще один относительно самостоятельный аспект человеческих потребностей, которые обеспечивают право. Дело в том, что человек в классовом обществе выступает в качестве личности лишь постольку, поскольку он обладает правами и свободами¹. В условиях классового общества эти права и свободы необходимо должны получить юридическое выражение и закрепление.

¹ Одной из важнейших философских предпосылок, дающих возможность раскрыть ценность права для личности, являются положения о соотношении права и свободы. См. по этому вопросу Д. А. Керимов, указ. работа.

Вот почему «личность» и «право» нераздельно связаны (в дальнейшем будет показано, что формирование права вообще сопряжено с выделением в общественной жизни обособленных личностей)¹. В классовом обществе мера свободы определенных общностей, а значит и их отдельных представителей, всегда фиксировалась, «отмерялась» в соответствующих правовых институтах, нормах права. Поэтому в определенном смысле можно сказать, что при ближайшем формальном рассмотрении именно нормы права выступали своеобразным источником свободы (или несвободы) личности, хотя, разумеется, ни на мгновение нельзя забывать, что свобода, «отпущенная» индивиду данной правовой нормой, предопределена в конечном счете уровнем развития всего общества². Право имеет определяющее значение как при обеспечении «прав и свобод для» (для активных собственных и чужих действий), так и при обеспечении «свободы от» (от вмешательства других лиц в сферу жизнедеятельности данной личности)³.

В социалистическом обществе личность обладает высшей социальной свободой, источником которой является свобода от эксплуатации и угнетения. Значение права в этой сфере общественной жизни состоит в том, чтобы юридически закреплять, охранять и развивать те общественные условия, которые с материальной стороны предопределяют высшую социальную свободу и справедливость труженников социалистического общества, их великие права. Вместе с тем права и свободы граждан при социализме нуждаются и в непосредственном юридическом выражении и закреплении. Поэтому социальная ценность права как надежного инструмента, обеспечивающего высокую организованность отношений социалистического общества, основывается также на том значении, которое имеют правовые формы в закреплении и обеспечении прав и свобод личности (см. гл. III).

¹ Значение права для личности показано в ряде работ Д. А. Керимовым, П. Е. Недбайло, М. С. Строговичем, Н. В. Витруком, Н. А. Матузовым и др. С точки зрения аксиологического анализа данная проблема поставлена Н. М. Рабиновичем (см. указ. статья, стр. 20-23).

² См. Н. М. Рабинович, Н. В. Витрук, Социалистическое право и личность, «Правоведение» 1970 г. № 3, стр. 18.

³ См. там же, стр. 24.

Глава вторая

**Свойства права и их социальная ценность
в регулировании общественных отношений**

Объективные свойства права

1. Возможности права как существенной социальной ценности заложены в его свойствах. Свойства права имеют объективный характер.

Правильное понимание объективности права, в том числе и объективности его свойств, важно не только для последовательного проведения материалистического подхода в этой области общественных отношений, но и для определения той основы, которая позволяет с твердых научных позиций установить социальную ценность права в социалистическом обществе.

Понятие «объективное» (в его соотношении с «субъективным») имеет не одинаковое содержание и смысловое значение.

Решающим и исходным в марксистско-ленинской науке является рассмотрение права в плоскости *соотношения общественного бытия и общественного сознания*, материальных и идеологических отношений. Право в этой плоскости относится к области субъективного — к идеологическим отношениям, представляет собой субъективный фактор общественного развития. Существование и действие права неотделимо от общественного сознания, опосредствуется в системе волевых отношений.

Признание права явлением, относящимся к области субъективного, и, следовательно, субъективным фактором общественного развития выражает то главное, определяю-

пес, что характеризует диалектико-материалистический подход при его исследовании. Здесь праву отводится совершенно точное место во всей системе общественных явлений, фиксируется его обусловленность общественным бытием, определяются возможности права как активного фактора в развитии общественных отношений.

Право можно рассматривать и в другой плоскости соотношения объективного и субъективного — отношения права к *индивидуальному сознанию* (а также к науке, морали и другим формам общественного сознания). В этой плоскости само право выступает как специфическая социальная (объективная) реальность. И дело не только в том, что все, находящееся вне данного индивидуального сознания, является фактами реальной действительности. В. И. Ленин подчеркивал, что «мысль и материя «действительны», т. е. существуют»¹. Главное состоит в том, что право представляет собой такое социальное явление, которое как бы отделяется от сознания индивидов, получает относительно независимое от них существование. «Познание... — писал В. И. Ленин, — находит перед собой истинное сущее как независимо от субъективных мнений... наличную действительность»². Поэтому любое лицо, которому приходится изучать или применять право, имеет перед собой юридические нормы как «наличную действительность», т. е. как нечто данное, непосредственно не зависящее от его индивидуального сознания. Юридические нормы как бы отрываются и от сознания лиц, которые участвовали в их подготовке, формулировании и издании. Для них юридические нормы — тоже «наличная действительность».

Разумеется, право неизменно остается продуктом сознания людей, возведенной в закон волей государства (опосредствующей волю господствующего класса или всего народа). Но люди могут повлиять на существование права, его свойства и закономерности лишь одним путем — путем издания новых, отмены или изменения действующих юридических норм. А это значит, что здесь индивидуальное сознание должно преломиться через призму государственной воли и, следовательно, проблема вновь

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 257.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 197.

переключается в ранее рассмотренную плоскость — плоскость соотношения общественного бытия и общественного сознания.

Таким образом, право признается специфической объективной реальностью *после того*, как в соответствии с общей классификацией общественных отношений на материальные и идеологические оно уже отнесено к сфере субъективного. Речь идет об объективном характере субъективного фактора общественного развития — действующей в обществе системы юридических норм, т. е. о том, что этот субъективный фактор — «наличная действительность». В. И. Ленин писал: «... Противоположность матери и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного эмпириологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»¹.

Из изложенного следует, что рассмотрение права в качестве специфической социальной реальности вовсе не приводит к тому, что идеологические отношения приравниваются к материальным, отождествляется «объективное» в том и другом случаях².

Правда, здесь есть трудность терминологического порядка. Придание различного смысла одним и тем же терминам — «объективное», «объективная реальность» — нельзя признать желательным, так как это может приве-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 151.

² Этого не учитывают Г. Н. Полянская и Р. Д. Сапир, когда выступают против признания права специфической объективной реальностью (см. «Соотношение объективного и субъективного в праве», «Советское государство и право» 1969 г. № 6, стр. 22—26). Впрочем, критические замечания Г. Н. Полянской и Р. Д. Сапира представляются понятными, так как они придают взглядам критикуемых ими авторов такой смысл, который действительно (если бы это было так) требует опровержения. Они, в частности, полагают, что, с точки зрения автора настоящей работы, право не зависит от сознания вообще и является столь же объективно реальным, как от человека не зависящий базис (указ. статья, стр. 23). Но таких взглядов в советской литературе никто никогда не высказывал. Во всех, без исключения случаях, когда говорилось о праве как «объективной реальности», оно рассматривалось в качестве такового лишь по отношению к индивидуальному сознанию, к науке, к лицам, изучающим и применяющим право. Более того, в литературе были сделаны и прямые разъяснения о том, какой смысл

ти к смещению различных плоскостей, в которых характеризуется соотношение объективного и субъективного в праве. С данной точки зрения следует считать неточным употребление без дополнительных объяснений термина «объективная реальность» (по отношению к праву эта терминологическая неточность допускалась в прежних работах и мной). Но в таком словоупотреблении нет ничего методологически неверного, так как существование права — реальный факт и по отношению к индивидуальному сознанию оно носит объективный характер. Нужно лишь, видимо, добавлять применительно к праву «специфическая реальность» или же ограничиваться выражением «социальная реальность»¹.

Но как бы ни были значительны терминологические трудности, характеристика права в качестве специфической объективной (социальной) реальности — «наличной действительности» — представляется методологически важной, теоретически необходимой. И не только потому, что отрицание объективного характера права неизбежно ведет к его субъективистской трактовке, при которой право сводится к психическим переживаниям и сознанию людей.

Значение последовательного материалистического истолкования права проявляется и во многих других отношениях. Применительно к теме настоящей работы нужно отметить, что только признание объективного характера права позволяет рассматривать его как такое социальное явление, которое обладает определенными объективными свойствами. А это в свою очередь предопределяет объективные предпосылки социальной ценности права.

Как справедливо отмечено в литературе по вопросам аксиологии, ценностная характеристика неизбежно долж-

нужно вкладывать в термин «объективная реальность» (см. в частности, С. С. Алексеев, Общие теоретические проблемы системы советского права, Госюриздат, 1961, стр. 7—9, 82). Данные разъяснения не учтены авторами статьи. И это тем более вызывает огорчение потому, что и они в конечном счете вынуждены признать объективный характер права (указ. статья, стр. 24).
¹ Это и сделано мной в работе «Общая теория социалистического права» (вып. IV, Свердловск, 1966). В том месте, где суммированы высказанные ранее положения о праве как специфической объективной реальности, использован термин «социальная реальность» (стр. 199—200).

на исходить из особенностей свойства объекта — носителя ценности, являющихся объективным фактором (предпосылкой) ценностного отношения¹.

2. К. Маркс обращал внимание на то, что «свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении»². Это положенно имеет принципиальное методологическое значение. Только в отношении данного явления к другим могут быть обнаружены существо и характер его свойств³.

Непосредственное значение для понимания правовых свойств принадлежит особенностям положения права в системе надстройки классового общества и в первую очередь его связи с государством.

Право и государство — наиболее близкие друг к другу части надстройки, звенья целостной системы обеспечения политического властвования в классовом обществе. Рассмотрение права и государства в единстве, во взаимодействии служит одной из важнейших методологических предпосылок, обеспечивающих подлинно научное их понимание в соответствии с диалектико-материалистическим мировоззрением.

Право — явление, в широком смысле, государственное. Оно исходит от государства, воплощает его волю, в которой заключена воля господствующего класса или всего народа; государственные органы непосредственно издают или санкционируют юридические нормы. Государственный аппарат гарантирует эти юридические нормы, обеспечивает в случае необходимости их реальное, фактическое проведение в жизнь.

Государственная воля, объективированная в системе общеобязательных норм, представляет собой *общую основу* всех свойств права. Непосредственно эта общая основа выражается в принудительности права. Но она проявляется и во всех иных свойствах — нормативности, формальной определенности, динамизме, придает им такие черты, которые и делают их правовыми. Иными словами, государственная воля может быть охарактеризована в ка-

¹ См. В. А. Васпленко, указ. статья, стр. 45, 47.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 67.

³ «Каждая вещь, — пишет А. Е. Фурман, — имеет свою определенную форму связей свойств, свой порядок их обнаружения» («Материалистическая диалектика», изд-во МГУ, 1969, стр. 182).

честве общего и главного структурного элемента права, соединяющего все другие его элементы — свойства.

Определяющее значение государства (государственной воли) для права состоит не только в том, что оно выступает в качестве властной принудительной силы (в обществе с антагонистическими классами — органа классовой политической диктатуры, машины классового подавления), но и в том, что оно выполняет «общие дела».

Маркс указывает, что государство наряду со специфически классовыми задачами неизбежно должно выполнять и определенный круг «общих дел, вытекающих из природы всякого общества»¹. Государство, будучи органом классового, политического властвования, одновременно с этим выступает в качестве единой политико-территориальной организации, суверенной политической организации, единого «публично-правового» союза². В классовом обществе государство является не только необходимой, но и единственно возможной политической формой организации для выполнения ряда «общих дел»³. Применительно к праву эта сторона в деятельности государства играет существенную роль.

Не случайно в государствоведческой литературе обращается внимание на то, что регулирование общественных отношений при помощи юридических, общеобязательных норм представляет собой функцию государства именно как организации, обладающей суверенитетом⁴. Если в таком свойстве права, как принудительность, преимущественно выражается значение государства как властной принудительной общественной силы, то в особом качестве нормативности, присущем праву, в значительной степени

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 422.

² См. Л. С. Мамут, К. Маркс о государстве как политической организации общества, «Вопросы философии» 1968 г. № 7, стр. 35—36.

³ См. С. Л. Фукс, К теории общенародного государства, кн. «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. Тезисы докладов и научных сообщений», Харьков, 1962, стр. 9. Интересные положения по этому вопросу высказаны Л. П. Васком («Функции и структура государства», изд-во ЛГУ, 1969, стр. 17 и сл.).

⁴ См. В. С. Петров, Сущность и формы советского социалистического государства, кн. «Актуальные проблемы Советского государства в период строительства коммунизма», изд-во ЛГУ, 1967, стр. 35—37.

проявляется суверенность государственной власти, необходимость «публично-правового» регулирования общих дел, вытекающих из природы всякого общества.

3. Первичными объективными свойствами права являются: *нормативность, формальная определенность, принудительность и динамизм.*

Свойства права находятся в единстве, диалектическом взаимодействии и сочетании. Более того, только в этом единстве они могут существовать и проявляться в качестве *правовых* свойств и, следовательно, характеризовать социальную ценность права.

Иными словами, нормативность, формальная определенность, принудительность и динамизм являются свойствами права как *целостной* системы. Их обособленное рассмотрение возможно лишь в результате теоретической абстракции. В действительности же каждое из них (как *правовое* свойство) выражает взаимосвязь со всеми другими свойствами¹.

Указывая на взаимообусловленность правовых свойств, необходимо отметить их известную противоречивость.

Нормативность предполагает максимально широкий охват общественных отношений и отсюда повышение уровня обобщений; формальная определенность — напротив, максимальную детализацию нормативных предписаний, конкретность содержания юридических норм. Известная противоречивость присуща нормативности и формальной определенности, с одной стороны, и способности права выражать назревшие потребности общественного развития (динамизм) — с другой.

В преодолении этих противоречий, нахождении таких оптимальных юридических форм, которые одновременно обеспечивали бы высокую нормативность и последовательную формальную определенность, устойчивость и динамизм правовой системы, и состоит один из моментов собственно-правового развития, определяющий своеобразие данной системы права с внешне юридической стороны.

¹ В философской литературе подчеркивается, что «свойства предмета суть результат характерной для него целостной структуры» (И. В. Блауберг, Проблема целостности в марксистской философии, изд-во «Высшая школа», 1963, стр. 56; см. также Н. Ф. Овчинников, Качество и свойство, «Вопросы философии» 1960 г. № 6, стр. 130—131).

Реальное значение взаимообусловленности правовых свойств выражается в том, что она позволяет «взаимно погасить» некоторые отрицательные стороны отдельных правовых свойств. Так, динамизм, сохраняя стабильность права, позволяет устранить возможность превращения его в закостенелую, оторванную от реальных жизненных потребностей систему правового регулирования. При помощи нормативности и формальной определенности оказывается возможным обеспечить применение государственного принуждения в соответствии с классово определенными принципами демократии, гуманности, справедливости.

В реальных жизненных отношениях единство свойств права выражается в *общеобязательности* и *властности* юридических норм.

Общеобязательность — это как бы собранные в едином фокусе нормативность и принудительность права. Здесь право одновременно характеризуется как нормативная система регулирования общественных отношений (общий характер норм) и как обязательная система, осуществляемая независимо от того, каково субъективное отношение к нормам участников общественных отношений. Синтетический характер общеобязательности позволяет использовать данное свойство в качестве одной из наиболее отличительных черт правовых норм¹.

Властность — еще более общая черта права, выражающая в единстве все его свойства. И дело тут не только в принудительности права. В целом оно во всех своих свойствах выступает в качестве властной, дисциплинирующей силы. Авторитет и мощь права в социалистическом обществе основаны не только на том, что оно обладает прогрессивным содержанием, отвечающим воле и интересам всего народа, но и на свойствах права, являющегося властным инструментом общественного регулирования. Большинство граждан, не задумываясь над содержанием юридических норм, строго и неукоснительно их соблюдают. И происходит это не потому, что в каждом случае «срабатывает» угроза государственного принуждения (хотя, конечно, в отношении отдельных лиц такой стимул оказывается в современных условиях еще необходимым),

¹ См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, Госюриздат, 1961, стр. 129—130.

а потому, что сам факт существования норм поведения как юридических и, следовательно, властных делает их в глазах большинства граждан неукоснительно обязательными к исполнению.

4. Уяснение значения свойств права требует того, чтобы они были рассмотрены с точки зрения философской категории «форма»¹.

Философская категория «форма» многозначна, она имеет различные грани и оттенки. Вместе с тем в марксистско-ленинской науке главным, что позволяет раскрыть суть категории «форма», является ее неразрывная связь с категорией «содержание»². В этом отношении важно обратить внимание на понимание категории «форма» в таком аспекте, в котором она выражает *организацию содержания* — способ связи элементов, образующих содержание, ее структуру³.

В рассматриваемой плоскости существенное значение приобретают различия между внутренней формой (структурой) и внешней формой. Если освещать внутреннюю и внешнюю формы применительно к одному явлению, т. е. брать их по отношению к единому содержанию, то они представляют собой способ организации и внешнего выражения этого единого содержания. Иными словами, содержание существует и внешне выражается, лишь будучи «отлитым» в известные формы; причем внутренняя организация содержания (структура) нуждается в определенном выражении вовне и с этой стороны выступает в качестве внешней формы.

¹ В работе «Общая теория социалистического права» (вып. III, 1965, стр. 12) значение философских категорий «форма» и «содержание» для теоретического исследования правовых явлений мной недооценивалось. Критические замечания, сделанные по этому вопросу (см., например, А. А. Ушаков, О диалектике содержания и формы в праве, гносеологической функции права и категорий правового познания, «Ученые записки Пермского государственного университета» 1968 г. № 199, стр. 314), справедливы.

² См. А. М. Минасян, Категории «содержание» и «форма» и их взаимопереход, «Вопросы философии» 1962 г. № 6, стр. 63 и сл.; его же, Категории содержания и формы, Ростов-на-Дону, 1962.

³ См. В. П. Тугариков, Соотношение категорий диалектического материализма, изд-во ЛГУ, 1956, стр. 13; В. И. Свидерский, О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании, Соцэкгиз, 1962, стр. 12.

В юридической литературе к внутренней форме нередко относят систему права, а внешней формой признают источники права — нормативные акты¹.

Думается, однако, что подразделением юридических норм по отраслям (а также по институтам и др.) характеристика внутренней формы права, т. е. его структура, не ограничивается.

Здесь важен угол зрения, под которым рассматривается категория «структура».

Если структуру права освещать не как строение «материализованной системы», а с более широких позиций — в качестве способа, закона связи элементов содержания, то при таком подходе внутренняя форма права (структура) раскрывается через его общие свойства. В философской литературе справедливо подчеркивается, что можно постигнуть специфичность элементов и внутренней структуры, наблюдая их общие свойства². Организация содержания права обеспечивается его общими свойствами, которые и делают государственную волю «правом»³.

В данном аспекте свойства права могут быть охарактеризованы в качестве элементов его структуры, внутренней формы; причем каждый из этих элементов, выражаясь вовне, выступает в виде соответствующего элемента внешней формы — нормативных юридических актов.

Так, нормативности права соответствует нормативный характер актов правотворчества; формальной определенности — их документальное, словесно-языковое выражение; принудительности — официальный, государственно-властный характер актов; динамизму — их значение в качестве активной силы, способной производить определенные изменения в действующей правовой системе.

Основное же состоит в том, что в праве вырабатываются известные приемы, своеобразные средства, которые приспособлены для наиболее полного выражения того

¹ См., например, А. Ф. Шебанов, Форма советского права, стр. 22—23.

² См. В. И. Свидерский, указ. работа, стр. 12 и сл.

³ По мнению Н. Ф. Овчинникова, «переход от системы целостных свойств к структуре может быть осуществлен при условии, если найдены элементы и их устойчивые отношения, которые связаны с природой этих свойств, что и позволяет объяснить эти свойства» («Структура и симметрия». «Системные исследования». Ежегодник, «Наука», 1969, стр. 113).

или иного правового свойства. Например, динамизм права обеспечивается при помощи особых правил, регламентирующих действие законов во времени, правил юридической техники, основания и порядка применения аналогии и др. В ряде случаев они нацелены на то, чтобы «смягчить» некоторые отрицательные стороны данного правового свойства, не устраненные его взаимообусловленностью с другими (таковы, скажем, исключения из формально строгих правил, опровержимость презумпций и другие — по отношению к формальной определенности права).

Следовательно, рассмотрение правовых свойств не может замкнуться характеристикой их роли для внутренней организации права. Здесь необходимо учитывать и особенности внешней формы, выработанные в праве приемы и средства выражения и закрепления соответствующих свойств.

Поэтому в последующем изложении анализ каждого свойства права в той или иной мере охватывает и особенности внешней формы — нормативных юридических актов, — выработанные в праве приемы и способы опосредствования государственной воли¹.

Нормативность права

1. Основоположники научного коммунизма, характеризующие правовое регулирование, неизменно подчеркивали его

¹ Вопрос о соотношении в сфере права таких категорий, как «внутренняя форма», «система», «свойства», «структура», «элемент структуры», требует дальнейшего изучения. Думается, что ключом к решению этого вопроса является то, в какой из двух плоскостей рассматривать «структуру» (внутреннюю форму) — в плоскости способа, закона связи между элементами системы, или же в плоскости строения неоднородной «материализованной системы» (см. об этом Р. А. Зобов, О разработке некоторых новых категорий материалистической диалектики в советский период. «Вестник ЛГУ» 1968 г. № 5, стр. 50—51). При анализе структуры права как «материализованной системы» предметом исследования становится строение права, его система и другие структурные подразделения. При анализе же структуры права как способа, закона связи элементы внутренней формы характеризуются через правовые свойства. Под этим углом зрения и само строение права (его система) может быть квалифицировано в качестве правового свойства (оно не освещается в настоящей работе только потому, что непосредственно не предопределяет ценностную характеристику права).

нормативность. Право рассматривалось ими в качестве «закона», возведенной в закон государственной воли, которая имеет всеобщее значение.

«... Законы, — писал Маркс в одном из своих ранних произведений, — это положительные, ясные, всеобщие нормы...»¹. Энгельс указывал, что потребности гражданского общества «проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение»². Обязательность и властность классовой воли, выраженной в праве, отмечал В. И. Ленин: «Воля, если она государственная, должна быть выражена как закон, установленный властью»³.

Значительный интерес представляют сформулированные Марксом и Энгельсом теоретические положения, в соответствии с которыми нормативная форма общественного регулирования необходима для утверждения «общих условий» существования господствующего класса «и притом в виде условий, имеющих силу для всех»⁴.

Подчеркнув, что господствующие при данных отношениях индивиды «должны придать своей воле, обусловленной этими определенными отношениями, всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона», они указывают, что господствующие при данных отношениях индивиды «проводят свою собственную волю в форме закона, делая ее в то же время независимой от личного произвола каждого отдельного индивида среди них»⁵.

Таким образом, всеобщность воли, выраженной в праве, основоположники научного коммунизма рассматривали как существенную черту правового регулирования. А всеобщность воли и есть нормативность правовой формы общественного регулирования.

2. Юридические нормы представляют собой одну из разновидностей социальных норм. Поэтому социальная ценность нормативности в праве вытекает прежде всего из того значения, которое имеют социальные нормы в жизни общества.

«Цель нормативного регулирования, — пишет Е. А. Лукашева, — упорядочение общественных отношений,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 63.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 310.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 340.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 323.

⁵ Там же, стр. 322.

внесение единообразия и стабильности в социальную жизнь путем установления общих правил»¹.

Социальные нормы, будучи правилами человеческого поведения, являются социально-волевыми целенаправленными суждениями, обращенными к практической деятельности людей². В этом качестве они выступают как образцы, модели, масштабы поведения и, следовательно, служат критерием для того, чтобы определить, какими должны быть человеческие поступки с точки зрения данного коллектива — организации, класса, общества. Они программируют и направляют поведение людей в соответствии с заложенной в норме идеальной моделью общественного отношения³.

Эта черта социальных норм дает возможность раскрыть их значение для налаживания организованности общественных отношений, для внесения в систему этих общественных отношений урегулированности и порядка. Но еще большая роль принадлежит другой особенности социальных норм, состоящей в том, что они являются правилами поведения *общего* характера.

Общий характер социальной нормы означает, что она рассчитана на то, чтобы программировать и направлять поведение людей во многих, заранее не фиксированных случаях в рамках отношений данного вида. Поэтому социальная норма непрерывно находится как бы в «боевой готовности», вступая в действие всякий раз, как повторяются, возникают соответствующие общественные отношения. Отсюда неперсонифицированность (неконкретность) ее адресатов. В принципе она обращена не к данному, строго определенному, а к любому и каждому лицу, которое сейчас и в будущем (пока действует норма) окажется в ситуации, предусмотренной ее содержанием.

При помощи социальных норм достигается целенаправленная, в известной степени управляемая *общность* в регламентации общественных отношений, система *типовых* масштабов, охватывающая тот или иной вид обществен-

¹ «Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. Некоторые теоретические вопросы», стр. 177.

² См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, указ. работа, стр. 121—122.

³ См. Л. М. Архангельский, О характере морального сознания, «Вопросы философии» 1969 г. № 5, стр. 83—84.

ных отношений, а затем и целую совокупность этих отношений.

Социальные нормы имеют такие объективные свойства, которые позволяют решить *коренные* вопросы в налаживании и обеспечении организованности общественных отношений. Они представляют собой необходимый и целесообразный регулятор общественных отношений, непрерывно действующий механизм, способный обеспечить на единичных началах их организованность в соответствии с требованиями экономического базиса, объективных экономических законов.

Поэтому нормативное регулирование и рассматривается в марксистско-ленинской теории как необходимость, результат объективных потребностей производства, обмена, распределения, усложняющихся общественных отношений. Ф. Энгельс писал, что «на известной, весьма ранней ступени развития общества возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена»¹.

3. Нормативность в праве, сохраняя все достоинства нормативного общественного регулирования, приобретает ряд особых черт, которые и придают ей характер *правового* свойства.

Раскрывая особенности нормативно-правового регулирования, необходимо иметь в виду единство и взаимосвязь всех свойств права. В его нормативности, как и в других свойствах, проявляется то, что содержание права образует *государственная* воля. Это и позволяет сделать волю, содержащуюся в праве, всеобщей, общеобязательной, властной.

Своеобразие, принципиальные особенности нормативно-правового регулирования с предельной четкостью были раскрыты К. Марксом при анализе фабричного законодательства.

Как показал Маркс, основные социальные результаты развития фабричного законодательства по вопросам рабочего дня состоят именно в том, что оно содействует *внесению* в общественные отношения *единообразия*. Изменения в способе производства вызывают в качестве

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 272.

одного из последствий общественный контроль, «в законодательном порядке ограничивающий рабочий день с его перерывами, регулирующий его и вносящий в него единый образ»¹. Законодательство «делает всеобщими» определенные экономические процессы, принуждает отдельные мастерские «к единообразию, регулярности, порядку...»².

Маркс прямо указывает на то, что единое нормативное решение вопросов законодательства обладает особыми преимуществами. Отметив, что французский фабричный закон, принятый в результате февральской революции, является неудовлетворительным, Маркс пишет: «Несмотря на это, французский революционный метод обнаруживает и свои особые преимущества». Эти особые преимущества состоят в том, что закон «одним ударом... диктует всем мастерским и фабрикам без различия один и тот же предел рабочего дня...»³.

Обратим внимание — «одним ударом диктует всем!» Это как раз и есть яркая характеристика достоинств нормативно-правового регулирования, его всеобщего характера, власти, общеобязательности, роли, которую оно способно выполнить в налаживании и обеспечении организованности общественных отношений.

Для того чтобы стало возможным утвердить в обществе общие условия поведения людей и притом в виде условий, «обязательных для всех», право должно быть властным инструментом общественного регулирования, опирающимся в случае необходимости на возможность применения принудительной силы государства. Содержащаяся в праве государственная воля и придает нормативности такое качество, которого нет ни у одного из видов неправовых социальных норм. Как правильно пишет А. Б. Венгеров, в праве масштаб (мера) поведения «в силу возможности государственного принуждения становится обязательным для лиц и организаций. Нормативность права проявляется в диалектическом единстве таких свойств правил поведения, как обобщенность и обязательность»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 307.

² Там же, стр. 512.

³ Там же, стр. 309.

⁴ А. Б. Венгеров, О применении конституционных норм судебными органами СССР, «Советское государство и право» 1969 г. № 10, стр. 42.

Конечно, это не означает, что неправовые социальные нормы являются нормами «худшего сорта». Каждая из разновидностей социальных норм выполняет в системе общественного нормативного регулирования свои функции и задачи, и их свойства (включая нормативность) приспособлены к осуществлению именно этих специфических задач¹. Если, например, нормативность нравственности так или иначе ограничена определенной социальной средой, то это вызвано своеобразием нравственного регулирования, которое призвано глубже, чем иные нормы, проникнуть в содержание личных отношений между людьми и поэтому может функционировать лишь в данной области отношений. Но именно в силу природы соответствующих неправовых социальных норм, особенностей выполняемых ими задач их нормативность характеризуется известной ограниченностью действия.

В праве усиливаются, «возводятся в степень» социально-полезные черты, свойственные социальным нормам вообще.

Во-первых, правовым нормированием охватывается в принципе *какой угодно* объем общественных отношений, которые могут быть предметом права. Юридические нормы в принципе способны регулировать все общественные отношения, которые могут быть подвергнуты внешнему контролю и обеспечены в процессе своей реализации силой государственного принуждения². Это значит, что право призвано регулировать общественные отношения, не связанные какой-либо конкретной социальной средой, т. е. общественные отношения из самых различных сфер социальной жизни, лишь бы по своим свойствам они могли быть охвачены юридической регламентацией. Конечно, государство, определяя такой круг общественных отношений, исходит из объективных потребностей развития, объективно обусловленных классовых задач. Определенную роль может сыграть и субъективный фактор (включая и то, в какой мере понята необходимость регулирования данных отношений). Кроме того, природа,

¹ О системе нормативного регулирования см. В. И. Ниженецк, Правовое регулирование как разновидность нормативного регулирования, кн. «Вопросы теории и истории государства и права», Иркутск, 1969, стр. 29 и сл.

² См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, указ. работа, стр. 87—88.

содержание общественных отношений далеко не всегда требуют всеобъемлющего регулирования. Поэтому практически в нормативных актах установлены границы в объеме регулируемых отношений.

Но все дело в том, что при помощи права *возможно* охватить максимально широкий круг отношений, лишь бы эти отношения допускали опосредствование при помощи юридических норм. Например, в силу нравственных принципов только ближайшие родственники — и то, очевидно, не всегда — могут иметь моральное право на имущество умершего лица. Законодатель же в принципе может придать юридическое значение самым разнообразным связям между лицами (в том числе весьма далеким родственным отношениям, совместному ведению хозяйства, иждивенно и др.).

Во-вторых, юридические нормы могут действовать *как угодно долго* и во времени. Конечно, здесь разнообразные факторы практически определяют временные границы функционирования тех или иных норм. К тому же сам по себе факт неопределенно долгого существования когда-то принятых юридических норм еще ни о чем не говорит (он может свидетельствовать и о том, что законодательство устарело, уже не соответствует изменившимся условиям общественной жизни).

Однако представляется несомненным, что и в данном случае право являет значительные преимущества: оно способствует созданию не только единой, но и длительной во времени, устойчивой системы урегулированности и порядка — единой и устойчивой организованности общественных отношений.

Таким образом, в праве значительно возрастает ценность свойств, присущих социальным нормам. При этом надо также иметь в виду, что всеобщий характер права (и по предмету и во времени) подкрепляется его обязательностью, категоричностью, властностью.

Нормативность права делает возможным создание экономичной, единой, непрерывно действующей, общесобязательной системы типовых масштабов поведения, обеспечивающей целенаправленное и гармоничное функционирование и развитие всего социального организма в соответствии с объективными потребностями классового общества. Это дает *значительный выигрыш в организации* общественных отношений.

4. Роль права в жизни общества, его эффективность во многом зависят от того, насколько полно и последовательно проявляется в нем свойство нормативности.

Уровень нормативности обусловлен прежде всего полнотой урегулирования в юридических нормах общественных отношений, требующих правовой регламентации. Кроме того, качество нормативности отдельных видов юридических норм неодинаково.

Действие одних норм в принципе распространяется на всю территорию страны и на всех лиц (общие нормы¹). Другие же нормы имеют ведомственный характер (ведомственные нормы) или действуют только на определенной, строго ограниченной территории (местные нормы).

Конечно, вопрос о сфере действия, юридической силе и характере правовых норм требует конкретного решения, обусловленного целым рядом факторов. Существует, в частности, необходимость дифференцировать в правовом регулировании имущественные, трудовые и некоторые иные отношения. Однако развитие права, его совершенствование, усиление эффективности связаны с более широким применением общих норм и, следовательно, с повышением уровня нормативности, позволяющим обеспечить единую организованность общественных отношений.

Высокий уровень нормативности права обеспечивается в первую очередь при помощи законов — ведущей разновидности нормативных юридических актов, содержащих общие нормы². Не случайно поэтому, подчеркивая норма-

¹ Здесь и в дальнейшем термин «общая норма» употребляется только в том смысле, который указан в тексте (так как каждая норма — это общее правило).

² Существует определенная зависимость между степенью нормативности и иерархией (системой) нормативных юридических актов. Однако эта зависимость не абсолютная. Например, и в законах могут закрепляться ограниченные в сфере и во времени действия нормы. В то же время некоторые ведомственные акты обладают внешним действием — в принципе распространяются на всех лиц. Но это не устраняет того, что законы являются наиболее целесообразной и эффективной формой выражения и закрепления общих норм. По справедливому мнению Л. С. Явича, в законах «нормативный характер правового регулирования общественных отношений выкристаллизовывается наиболее рельефно» («Закон и государственная власть (к вопросу о характере связи между государством и правом)», кн. «Ленинская теория социалистического государства и права и современность», Казань, 1970, стр. 47). Наряду с законом существенное значение для выражения и закрепления общих норм имеют и акты высших исполнительно-распо-

тивность права, его всеобщность, основоположкини научного коммунизма нередко прямо говорили о законе, ставили в ряде случаев всеобщность права и закон на одну плоскость, рассматривая их как однопорядковые, совпадающие явления.

Закон потому и является ведущим источником права, что призван регламентировать основные вопросы общественной жизни, возводить в ранг всеобщих наиболее устойчивые правила поведения.

С таким пониманием закона связано и значение *законности*. Нормативно-правовая регламентация общественных отношений, выраженная в форме законов, является одной из предпосылок строгого проведения начал законности в обществе. В. И. Ленин писал: «Законность должна быть повышена (или строжайше соблюдается), ибо основы законов РСФСР установлены»¹. Наличие общих норм (законов) служит необходимым условием, которое делает возможным постановку вопроса о законности.

Здесь, таким образом, мы сталкиваемся еще с одной причиной, объясняющей, почему в работах В. И. Ленина, в документах Коммунистической партии правовые вопросы характеризуются как вопросы законности. Если порядок представляет собой результат претворения в жизнь требований законности, то сама законность есть не что иное, как реализуемое право — право под углом зрения требований, выражающих его всеобщность (равенство всех перед законом, устойчивость и стабильность правового регулирования, гарантированность субъективных прав и др.).

В советской литературе вполне обоснованно законность все чаще определяется в качестве специфического правового режима общественной жизни. Закон является наиболее эффективным средством общей, устойчивой организации социальной жизни на единых началах. И такая организация представляет собой особый режим — режим законности.

5. Одна из сторон, выражающих нормативность права, его значение как всеобщего регулятора общественных от-

рядительных органов — правительств (в СССР постановления и распоряжения Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик).

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 129.

пошений, состоит в том, что правовая регламентация поведения людей является обобщенной, в известном смысле абстрактной.

Общая тенденция развития права — переход от казуальности к абстрактности, к повышению уровня нормативных обобщений¹ (хотя, как будет показано в последующем, казуальная форма выражения нормативности сохраняет в определенных пределах значение и в настоящее время).

Тенденция повышения уровня нормативных обобщений объясняется рядом причин. Одна из них заключается в том, что развитие и усложнение общественных отношений требуют все большей дифференциации их правового регулирования, а это в свою очередь приводит к необходимости встречной линии развития — издания общих норм, которые обеспечили бы единство правового регулирования. Существенную роль здесь играет также развитие юридической культуры, все большее влияние на совершенствование права юридической науки. Да и сама объективно обусловленная потребность все шире и последовательнее использовать нормативную форму общественного регулирования отношений классового общества предполагает необходимость максимально полного охвата регулируемых отношений — задача, которая может быть решена только путем применения нормативных обобщений.

Повышение уровня нормативных обобщений приводит к весьма существенным преобразованиям в структуре права. Это выражается в выделении самых разнообразных видов норм, каждая из которых в обобщенном виде «специализируется» на регламентировании определенной стороны общественных отношений или отдельной «операции» в процессе правового регулирования. Так, выделились и стали играть значительную роль правоохранительные нормы, нормы, определяющие правовое положение субъектов, порядок исполнения действий, сроки, и т. д. Ввиду этого право превратилось в неоднородный, сложный по своему строению нормативный механизм общественного регулирования.

¹ На указанную тенденцию обратили внимание авторы монографии «Общая теория советского права» («Юридическая литература», 1966, стр. 8).

Надо думать, что в правовых системах, отличающихся высоким уровнем нормативных обобщений, а следовательно, сложной внутренней структурой, в какой-то мере преобразуется само свойство нормативности. В качестве неотъемлемого свойства оно становится присущим системе в целом. Поэтому в праве существуют обобщающие положения, которые как таковые (т. е. рассматриваемые изолированно) лишены признаков нормы в общепринятом смысле. Но и они представляют собой органические частицы правовой системы в целом, выражают ее нормативность, в составе системы участвуют в правовом регулировании и, таким образом, являются *правовыми* положениями.

В частности, особую роль в правовой системе играют преамбулы к законам, где формулируются общие принципы отрасли права либо отдельных ее институтов. Такого рода преамбулы участвуют в правовом регулировании (например, для применения ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, устанавливающей, что гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма, необходимо обратиться к преамбуле Основ, которая говорит о задачах гражданского права и, стало быть, о назначении гражданских прав). Поэтому, по мнению О. С. Иоффе, выраженные в преамбулах общие принципы, которые «стоят над институтами и предопределяют их непосредственное содержание», существуют в правовой системе вполне самостоятельно наряду с юридическими нормами и институтами¹.

Аналогичный взгляд высказан Е. И. Аюевой, полагающей, что право «состоит не только из совокупности норм, но и из общих положений и принципов, не представляющих собой правовых норм в общепринятом смысле»².

К приведенным соображениям надо добавить следующее. Существование общих положений и принципов может быть правильно понято с учетом ведущего свойства

¹ См. О. С. Иоффе, Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права), «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 4, 1968, стр. 46.

² Е. И. Аюева, Взаимодействие единичного, общего и особенного в правовых явлениях, «Советское государство и право» 1969 г. № 3, стр. 12.

права — его нормативности. Наличие таких принципов и положений не только не умаляет значения нормативности в праве, но, напротив, непосредственно выражает высокий уровень нормативных обобщений. Более того, в связи с развитием нормативности и другие частицы правовой системы, которые в целом подпадают под признаки нормы в общепринятом смысле, нередко приближаются к общим положениям и принципам (это касается, в частности, конституционных норм, которые закрепляют отдельные стороны общественного и государственного строя). Высокий уровень нормативных обобщений приводит к тому, что каждая из конкретных норм (предписаний) принимается как бы «усеченный» вид, так как отдельные элементы оказываются выведенными из ее структуры и возведенными в самостоятельные нормы, общие положения и принципы. Поэтому, чтобы сконструировать данную норму в полном виде, представить эту норму в качестве обособленного, самостоятельного регулятора общественных отношений, в большинстве случаев приходится собирать ее из ряда нормативных предписаний, положений, принципов, из которых реально складывается право.

С рассматриваемых позиций представляет значительный интерес выдвинутое А. В. Мицкевичем положение о правовых предписаниях. По мысли автора, под правовым предписанием имеется в виду «то или иное логически завершенное положение, прямо сформулированное в тексте акта государственного органа и содержащее обязательное для других лиц, организаций решение государственной власти»¹. Правда, А. В. Мицкевич отличает правовые предписания от юридических норм, рассматривает их только в виде «самого текста статьи» или других логически и грамматически завершенных частей нормативных актов². Между тем есть все основания видеть в правовых предписаниях *реальные частицы права*. Не случайно в цитируемой работе А. В. Мицкевич приводит конкретный юридический анализ не в отношении абстрактно рассматриваемых и конструируемых юридических норм, а в отношении реально существующих правовых предписаний.

¹ А. В. Мицкевич, Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР, «Юридическая литература», 1967, стр. 34.

² См. там же.

Таким образом, юридические нормы со всеми элементами и атрибутами оказываются по сути дела мысленно конструируемыми, абстрактными построениями. Вот почему, несомненно, правы те авторы — сторонники взгляда о трехчленной структуре всякой юридической нормы, — которые считают, что при указании на гипотезу, диспозицию и санкцию как на обязательные элементы нормы в ее структуре «речь идет о логической структуре нормы и логических ее элементах»¹.

Конструирование норм со всеми элементами и атрибутами имеет познавательный интерес (тем более, что согласуется с общепринятыми формулировками права и других правовых явлений). Но это не снимает необходимости анализировать реальные частицы права — правовые предписания, свойственную им реальную структуру².

6. Главная закономерность развития социалистического права — усиление его роли, расширение и углубление правовых начал в жизни общества — проявляется в объективной необходимости последовательно и широко использовать нормативно-правовую форму в интересах строительства социализма и коммунизма.

Как уже отмечалось, в законодательных и иных нормативных актах последнего времени обнаруживается тенденция к более подробному и всестороннему, детализированному и дифференцированному нормативному урегулированию вопросов, которые ранее решались самым общим образом.

Характерная особенность нормативных актов настоящего времени, свидетельствующая о более широком использовании свойства нормативности, состоит также в неуклонном повышении уровня нормативных обобщений. Все крупные нормативные акты снабжены преамбулами, в ко-

¹ П. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм, Госюриздат, 1960, стр. 67. См. также А. В. Мицкевич, указ. работа, стр. 39—40.

² Распространенное в юридической литературе противопоставление юридических норм и статей нормативных актов (точнее — правовых предписаний) основано на противопоставлении внешней и внутренней форм права. Между тем они образуют единство: внутренняя организация нормы, обращенная вовне, это — уже внешняя форма. Отсюда следует, что если в тексте нормативных актов обособились правовые предписания, то им неизбежно соответствуют аналогичные частицы в самой реальной правовой матери.

торых сформулированы важные общие принципы данной отрасли. Резко возросло количество дефиниций и иных общих положений. В частности, в Гражданском кодексе РСФСР содержатся определения юридического лица (ст. 23), представительства (ст. 62), исковой давности (ст. 78) и др. Наряду с «общими положениями» ко всему Кодексу в нем содержатся «общие положения» и к одному из крупнейших разделов — обязательственному праву (гл. гл. 15—20). В Кодексе «выведены за скобки» и получили самостоятельную нормативную регламентацию также специальные и в то же время общие вопросы, как исчисление сроков (ст. ст. 71—77) и пр.

Повышается удельный вес нормативных обобщений и в других нормативных актах. Так, в Кодексе торгового мореплавания Союза ССР содержатся дефиниции «торгового мореплавания» (ст. 1), договора морской перевозки (ст. 118) и т. п. В Кодексе можно встретить довольно своеобразный прием нормативного обобщения, когда характер обязательности норм определяется по главам. Например, в ст. 168 говорится: «Правила, содержащиеся в настоящей главе, применяются в тех случаях, когда соглашением сторон не установлено иное». Здесь же есть оговорка тоже общего значения: «Однако соглашения сторон, ограничивающие права пассажира, предусмотренные в настоящей главе, недействительны». Подобные общие нормативные предписания даны и в других главах (ст. ст. 188, 195, 233).

Повышение уровня нормативности социалистического права — тенденция, которая имеет перспективу дальнейшего развития.

Главное здесь — это дальнейшее совершенствование законодательства и прежде всего общесоюзных кодифицированных законодательных актов, обеспечивающих развитие нормативных обобщений, закрепление проверенных наукой и практикой общих норм.

Конечно, вопрос о том, необходимо ли в данном случае издание общесоюзного или республиканского закона либо можно ограничиться принятием подзаконного акта, требует тщательного, особого в каждом отдельном случае изучения. В законодательной форме нуждаются те юридические нормы, которые имеют принципиальное значение для правовой системы, призваны регламентировать общественные отношения на длительное время, касаются важ-

ных социально-политических сторон жизни социалистического общества.

С этой точки зрения заслуживают серьезного внимания результаты изучения опыта последней кодификации уголовного и гражданского законодательства и сделанные на их основе предложения о необходимости подготовки общесоюзного Уголовного кодекса¹ и общесоюзного Гражданского кодекса².

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве» подчеркивается необходимость развития общесоюзного законодательства в области хозяйственных отношений³ — в той области общественной жизни, где нормативно-правовое регулирование призвано сыграть особо существенную роль. При решении проблем хозяйственной реформы вполне основательно был выдвинут вопрос об установлении не просто юридических гарантий, а гарантий законодательных. Издание общесоюзных законов по основным вопросам хозяйственной жизни (правовому положению предприятий, материально-техническому снабжению и т. д.) независимо от того, будут ли эти законы объединены в систематизированный акт или же они будут существовать в качестве обособленных нормативных актов, связанных с общим гражданским и административным законодательством, является важнейшей задачей в деле дальнейшего укрепления ленинских начал законности в социалистическом хозяйстве, повышения принципов дисциплины и организованности, эффективности хозяйственных процессов.

Представляется целесообразным обратить внимание на необходимость общесоюзных законодательных актов по транспортному праву. Принятие в законодательном порядке Транспортного кодекса будет способствовать преодолению отголосков ведомственных тенденций, выражающихся в ряде случаев юридически привилегированное положение транспортных организаций.

В некоторых областях общественных отношений повышение уровня нормативности может быть выражено и в

¹ См. С. А. Домохин, Развитие и совершенствование системы советского уголовного законодательства, кн. «Актуальные проблемы Советского государства и права в период строительства коммунизма», стр. 391.

² См. Г. К. Толстой, указ. работа, стр. 26—28.

³ СП СССР 1971 г. № 1, ст. 1.

издании общих норм, которые не обязательно должны принять форму законодательных актов. Так, очевидно, было бы важным издание единого общесоюзного положения или республиканских положений, регламентирующих порядок учета заявлений и распределения жилой площади в домах местных Советов. Жилье является настолько существенным социальным благом, которое касается первейших жизненных потребностей граждан, что единое нормативное регулирование его распределения, развивающее принципы ст. 56 Основ гражданского законодательства (ст. 296 ГК РСФСР), представляется настоятельной необходимостью.

7. Нормативность является *ведущим и определяющим* свойством правовой формы общественного регулирования. Именно с нормативностью (в том ее виде, в каком она присуща праву) связано главное, что характеризует социальную ценность правового воздействия на общественные отношения¹. При помощи нормативности достигается решающее, наиболее важное в их организации — всеобщность и устойчивость, их функционирование в качестве единой, непрерывной во времени, общеобязательной системы. Осуществление права вполне справедливо рассматривается в юридической литературе как процесс, состоящий в «переводе нормативности права в упорядоченность общественных отношений...»².

Значение нормативности среди иных свойств, а также в понимании социальной ценности правового регулирования является достаточным основанием для того, чтобы признать вполне оправданным принятое в нашей науке нормативное понятие права.

Нормативное, но не узконормативное! И дело не только в том, что нормативность необходимо рассматривать в единстве с иными свойствами права, что нужно делать

¹ Замечательно, что и в отношении близкой к праву сферы общественной жизни — морального сознания — все более крепнет мысль, в соответствии с которой доминирующее значение в структуре образующих мораль элементов принадлежит нормативности. «Центральным пунктом в структуре морали, — пишет Л. М. Архангельский, — средоточием всех ее элементов являются нормы поведения, лежащие в основе морального регулирования...» (указ. статья, стр. 87).

² В. М. Горшенин, Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства, автореферат докт. дисс., Свердловск, 1969, стр. 10.

ударение на классовой сущности и классово-волевом со-
держании юридических норм, но и в том, чтобы самую
нормативность представлять в том виде, в каком она при-
суща праву, т. е. в качестве нормативности особого рода.

Может быть, характеристика права через нормативность
«вообще» и породила представления о том, что такой под-
ход при формулировании общего понятия права является
узким. Если это верно, то авторов, критикующих норма-
тивную трактовку права (А. А. Пионтковского, С. Ф. Ке-
чекьяна и др.), вполне можно понять. Только поиски для
преодоления подобного рода узости пошли в направлении,
которое лишь усложнило решение проблемы. Объедине-
ние в одном понятии таких разноплоскостных, по своим
свойствам несоединимых явлений, как система норм и
правоотношения, науке и практике ничего дать не может
(тем более, что для рассмотрения права в действии есть
другие научные категории — «социалистическая закон-
ность», «механизм правового регулирования»). В то же
время рассмотрение юридических норм и правоотношений
в «одном ряду» неизбежно ведет к умалению норматив-
ности права, ее значения среди других свойств¹.

Между тем преодоление известной узости нормативной
характеристики права, как это ни парадоксально, заклю-
чается не в том, чтобы охватить понятием права наряду
с нормами и иные явления, а в том, чтобы выявить осо-
бенности нормативности в праве, полнее показать значе-
ние этого свойства, что и ведет в процессе последующего
анализа к раскрытию других, весьма существенных сто-
рон понятия права.

Выделение нормативности (в том виде, в каком она
присуща праву) важно потому, что это указывает на то
главное, что предопределяет социальную ценность права.
Уже здесь наглядно видно, что для права характерны
единая упорядоченность общественных отношений, стро-
гая гарантированность всей социальной системы, ее ус-

¹ Думается, в этом смысле нужно понимать содержащееся в
партийной печати указание на то, что «всякое отрицание или
приращение нормативного значения права в корне противоречит
задачам укрепления законности и охраны прав граждан» («Ком-
мунист» 1956 г. № 11, стр. 23). Против приращения нормативно-
сти права высказывались Н. Г. Александров, Д. А. Керимов, Н. Е.
Недбайло, О. С. Иоффе, И. С. Самощепко, Л. С. Явич, А. Ф. Ше-
банов и др.

тойчивость и стабильность, обеспечение нормального, правильного функционирования и развития всего общественного организма. Нормативность как ведущее объективное свойство права выражает (отчасти в скрытом виде) специфические черты его содержания и основные требования социалистической законности. Таким образом, полная и всесторонняя характеристика нормативности права позволяет углубить наши общие представления о нем, полностью раскрыть его содержание и тем самым выявить новые стороны его социальной ценности.

Формальная определенность права

1. Одним из существенных свойств права является *определенность его содержания*, которая в единстве со своей внешней формой выступает как *формальная определенность*.

Строгая определенность содержания — такая особенность права, которая вытекает из его природы и роли в регулировании общественных отношений. К. Маркс подчеркивал, что законы представляют собой не только всеобщие, но и *ясные* нормы. Правовое регулирование потому и стало объективно необходимым, что в силу своеобразия отношений классового общества, особенностей развивающихся связей в области производства, распределения, обмена возникла потребность не только сообщить известным правилам всеобщий характер, но и внести в регулирование максимальную определенность по содержанию.

Содержание права является определенным, если должное или возможное поведение субъектов выражено в нем с нужной полнотой и точностью. Полнота содержания означает закрепление в праве всего объема регламентированного поведения, его признаков, тех субъектов, на которых оно распространяется, условий и обстоятельств, при которых оно осуществляется, порядка совершения действий и т. д. Точность содержания — это конкретность и необходимая детализированность регламентации общественных отношений, его четкость и ясность.

По степени определенности содержания право существенно отличается от норм нравственности. Нравственное регулирование выражается в основном в принципах

поведения, которые неотделимы от моральных воззрений людей и в соответствии с этим претворяются в жизнь с учетом не только конкретных фактических связей, но и состояния данных моральных воззрений, характера социальной среды и др. Нравственные нормы не выполняют своей роли регулятора общественных отношений, непосредственно связанных с духовным миром человека, его моральными воззрениями, если не будут выражены в виде общих критериев, позволяющих оценить поступки людей с точки зрения принятых в данной среде представлений о добре, зле, справедливости и т. д.

Например, моральная обязанность по оказанию помощи, в том числе материальной, близким людям не имеет да и не может иметь строго фиксированного содержания. Поэтому если возникла объективно обусловленная необходимость возложить на определенных лиц обязанность по оказанию материальной помощи, которая бы имела строго определенное содержание (алиментирование), то такого рода обязанность неизбежно должна получить юридическое выражение.

Вместе с тем строгая определенность содержания характерна не только для права. Довольно высокой степенью определенности (к тому же закрепляемой формально) могут отличаться нормы общественных организаций. Поэтому сама по себе определенность содержания не является свойством лишь права.

В праве определенность содержания, как и нормативность, приобретает особые черты и именно поэтому может рассматриваться в качестве *правового* свойства.

2. Решающим обстоятельством, предопределяющим особое качество определенности права, является его содержание — то, что право выражает государственную волю, представляет собой властный и вместе с тем всеобщий регулятор общественных отношений. В соответствии с этим право необходимо должно иметь такие особенности в своем содержании, которые обеспечивали бы строгое и последовательное осуществление всех его требований, четкое и бесперебойное регулирование поведения людей, неуязвимое проведение в жизнь правовых предписаний.

В наиболее общем виде эти особенности в своем единстве могут быть определены как *категоричность* содержания, свойственная праву. Определенность содержания как

бы содержит в себе элемент общезначительности, власти.

Категоричность содержания права выражается в том, что его определенность имеет *формальный* характер и, следовательно, выступает в виде формальной определенности. Значит, определенность содержания доведена до такой степени, что оно существует лишь в формально закреплённом виде. Таким образом, формальная определенность права есть его неотъемлемое свойство, существенный элемент его внутренней организации. И поэтому едва ли правильно, как делается, например, в литературе по уголовному праву, обозначать рассматриваемое свойство термином «формализм», который во всех своих оттенках характеризует то, что имеет чисто внешнее значение, нередко оторванное от реального содержания.

Наиболее полное и последовательное формальное закрепление юридические нормы получают в нормативных актах, которые всегда выражены в документальном виде. Это обстоятельство является одним из оснований, которое обуславливает абсолютно преобладающую роль нормативных актов среди источников социалистического права¹.

Формальная определенность права имеет широкий характер. Охватывая прежде всего юридические нормы, она проникает и в область правоприменительной деятельности. В советской литературе отмечается, что «формальная определенность права в объективном смысле предполагает формальную определенность и в правоприменительной деятельности, где она проявляется в строгой регламентации порядка применения норм, определения правоприменительной компетенции субъектов, определения самих субъектов и т. д.»².

Формальная определенность охватывает также область юридических фактов, в том числе тех, которые выражают волю участников регулируемых общественных отношений. Казалось бы, предоставляя субъектам возможность «саморегулирования» — самостоятельного определения условий своего поведения, право не должно существенно связывать формальными определениями волю субъектов. И закон действительно предусматривает максимально

¹ См. А. Ф. Ш е б а п о в, Форма советского права, стр. 46—48.

² В. К. Б а б а е в, Презумпции в советском праве, автореферат канд. дисс., Свердловск, 1969, стр. 11.

широкий диапазон форм выражения воли — устная, письменная, фактическими действиями и даже молчанием (ст. ст. 42—44 ГК РСФСР). Вместе с тем законодатель и здесь стремится к тому, чтобы волеизъявление лиц получило максимально точное и ясное закрепление. Поэтому молчание является формой выражения воли лишь в случаях, особо предусмотренных законом, а устная форма в принципе допускается только в отношении тех сделок, которые исполняются в момент заключения (тем более, что регулирующее значение сделок, исполняемых в момент заключения, довольно ограничено)¹.

3. Формальная определенность наряду с нормативностью характеризует право как социальную ценность.

Речь при этом идет о формальной определенности, *присущей праву*. В нем формальная определенность достигает такого развития, такого специфического выражения, которых нет в иных видах социальных норм. Обычай, несмотря на свой детализированный, конкретный характер, отличается все же неопределенностью. Содержание норм общественных организаций более определено, оно получает формальное, документальное закрепление, но в соответствии с особенностями внутрисоюзных отношений, регулируемых этими нормами, последние не нуждаются в той высокой степени детализации и формализации, которая свойственна юридическим нормам. Вот почему следует признать обоснованным сделанный в юридической литературе вывод, согласно которому «нормы права в отличие от остальных социальных норм обладают в высшей степени формальной определенностью»².

Присущая праву формальная определенность и позволяет при надлежащем ее использовании достигнуть полезного эффекта, существенного выигрыша в организации социалистических общественных отношений.

В. И. Ленин подчеркивал, что необходимо экономическую политику закреплять «законодательно в наибольшей

¹ Интересно, что по гражданскому законодательству Казахской ССР устно заключенная сделка между социалистическими организациями все же должна получить документальное закрепление — покупатель по такой сделке обязан получить документ, удостоверяющий оплату (ч. II ст. 43 ГК Казахской ССР).

² В. И. Подкученко, Нормы права в системе социальных норм советского общества в период развернутого строительства коммунизма, автореферат канд. дисс., М., 1965, стр. 6.

степени для устранения всякой возможности отклонения от нее¹. Отсюда следует, что достоинства права, юридических форм, помимо прочего, состоят в установлении ясных, четких границ, твердых рамок для осуществления непосредственно хозяйственной оперативной работы. Максимальное использование в экономической области достоинств правового регулирования (законодательное закрепление экономической политики «в наибольшей степени») создает такой порядок в хозяйственной жизни, который устраняет «всякую возможность» отклонения от экономической политики Советского государства.

Обратимся к ряду других высказываний В. И. Ленина. Известно, что при подготовке проектов нормативных актов Владимир Ильич постоянно требовал предельной точности в формулировании нормативных предписаний. Он резко выступал против таких законопроектов, в которых формулировки грешат размахистостью, абстрактностью, неделовитостью². В связи с подготовкой одного из декретов Ленину отмечал в записке Малому СНК: «Я отказался подписать, ибо размахисто и неясно»³. «Это совсем произвольно, — писал он по поводу норм премирования в проекте соответствующего Положения. — Нельзя ли точнее?»⁴.

Весьма характерно, что В. И. Ленин требовал не просто точности и ясности при формулировании проектов, а юридической точности и ясности. В связи с подготовкой Декрета о продовольственной диктатуре он писал: «... Юридически точнее формулировать новые права комиссара продовольствия...»⁵.

Насколько большое значение Владимир Ильич придавал «формальной стороне» законопроектов, видно из следующего его высказывания: «... Не допустить ни в коем случае того, что было бы наиболее опасно и вредно в настоящее время и на что легко могут сбиться власти на местах, именно: излишней и неудачной, скороспелой, не проверенной опытом регламентации»⁶. «Лучше, — говорил он, — отложить и дать местным работникам внимательно

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 244.

² См. Ленинский сборник XXXV, стр. 107.

³ Там же, стр. 137.

⁴ Там же, стр. 106—107.

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 316.

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч. т. 45, стр. 132.

обдумать и строже требовать от составителей законов...»¹. Ознакомившись с проектом Гражданского кодекса РСФСР, В. И. Ленин написал: «Считаю более осторожным и правильным ограничиться сейчас декларативным заявлением, а самый кодекс подработать детальнее»².

Чем же объяснить такое внимание В. И. Ленина к «формальной стороне», к юридической точности формулировок? Представляется, что приведенные высказывания имеют более глубокий смысл, чем только указание на необходимость высокой требовательности к языку законов, форме их изложения. Юридически точные, проверенные на опыте формулировки — существенная ценность, имеющая значение для самого содержания общественного регулирования.

Глубокое значение ленинских положений о юридической точности формулировок нормативных актов заключается в том, что от формальной определенности и точности зависит содержание правовой регламентации. При помощи *формальной* точности и четкости достигается высокая *определенность содержания* общественного регулирования.

Социальная ценность формальной определенности права состоит в том, что его надлежащее использование дает возможность в процессе правотворчества с максимальной точностью, ясностью и категоричностью закрепить содержание юридических норм, а в процессе реализации права — выявить это содержание.

Таким образом, и с точки зрения своей формальной определенности нормативно-правовое регулирование решает ряд существенных вопросов, связанных с *организацией* социалистических общественных отношений. Если нормативность права позволяет создать экономичную, единую в стране, непрерывно действующую систему типовых масштабов поведения, то посредством формальной определенности оказывается возможным сделать определенной эту систему и по содержанию.

Формализация права, следовательно, оказывается вовсе не формализмом в том смысле, какой обычно вкладывается в это слово (т. е. застывшей формой, нередко оторванной от своего содержания). Формальная определен-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 115.

² Ленинский сборник XXXV, стр. 337.

ность права выступает в качестве носителя содержания и отсюда необходимого дополнения к его нормативности, обеспечивающего содержательность нормативно-правового регулирования в соответствии с объективными потребностями классового общества, точные границы прав и обязанностей субъектов, рамки, в которых может и должна осуществляться их деятельность. Нормативность и формальная определенность как присущие праву свойства тесно связаны, дополняют друг друга, направлены на устойчивость и определенность организации общественных отношений, на создание таких условий, которые исключали бы всякую возможность отклонения от политики Коммунистической партии и социалистического государства, выраженной в нормах права.

Формальная определенность права — необходимое условие для строгого и последовательного проведения в жизнь требований социалистической законности. Именно поэтому В. И. Ленин придавал столь большое значение формальному — формальному «в смысле законного порядка и прав»¹.

Если в нормативных актах с достаточной полнотой и точностью закреплены права и обязанности участников общественных отношений, предусмотрены гарантии их реального осуществления, то это устраняет формальные возможности для произвольных действий, для обхода требований юридических норм. Как правильно отмечается в литературе, «социалистическая законность создает формальные рамки, основанные на устоях социалистического общества, в пределах которых протекает деятельность органов государственной власти, должностных лиц, граждан и общественных организаций по выполнению правовых предписаний, благодаря чему достигается повсеместное и единообразное претворение их в жизнь»².

Теоретическое положение о том, что нормативные акты через свои формальные постановления полно и точно выражают содержание юридических норм, играет немалую практическую роль. Оно ориентирует практику на уважение к «форме» права, к «формализации», к «формальным» постановлениям, в которых заключается его единое и единственное содержание.

¹ Ленинский сборник XXI, стр. 202.

² П. Е. Педбайло, Применение советских правовых норм, стр. 180.

Недоучет значения формальной определенности права приводит к попыткам обнаружить содержание правового отношения и его элементов помимо формальных предписаний нормативных юридических актов. Так, К. Ф. Тихонов, стремясь, по его словам, преодолеть «формализм» в практическом решении вопроса о виновности, полагает, что на практике нужно не только устанавливать умысел или неосторожность лица, но и выяснять факт отрицательного отношения его к интересам социалистического общества¹. Между тем отрицательное отношение лица к интересам социалистического общества образует сущность вины, а не ее содержание. Оценка социально-политической сущности фактов дана в самом законе, и только закону суд обязан следовать. «Установив в деянии субъекта форму и содержание вины, — пишет П. С. Дагель, — суд не должен доказывать наличие сущности вины (отрицательного отношения к интересам общества), поскольку именно в них и выражается отрицательное отношение лица к интересам общества»².

Положение о социальной ценности формальной определенности права все более утверждается в нашей юридической науке. Так, в литературе по уголовному праву отмечается: «Формализм содержания в уголовном праве неизбежен... Формализм содержания в уголовном праве полезен. Он есть господство над изменчивым. Он есть свобода от случая»³.

Здесь необходимо лишь одно уточнение. Рассматривая формальную определенность права в качестве полезного свойства, нужно видеть и то, что эта полезность является относительной.

¹ См. К. Ф. Тихонов, Субъективная сторона преступления. Проблема социального содержания вины в советском уголовном праве, Саратов, 1967, стр. 67—70.

² П. С. Дагель, Книга о социальном содержании вины, «Советское государство и право» 1968 г. № 10, стр. 161. Автор правильно отмечает, что позиция, отстаиваемая К. Ф. Тихоновым, не вытекает из закона, более того, она «противоречит ему и может повлечь нарушения законности» (там же).

³ В. М. Котган, Логико-юридическая структура советского уголовного закона, Алма-Ата, 1966, стр. 25; см. его же, К вопросу о формализации отрасли права, кн. «Кибернетика и право», «Наука», 1967, стр. 104; Е. А. Фролов, Объект и преступные последствия при посягательствах на социалистическую собственность. Сборник научных трудов Свердловского юридического института, вып. 8, 1968, стр. 151.

Для обеспечения максимальной устойчивости и определенности в организации общественных отношений формализация при регулировании отдельных общественных отношений может быть доведена до предела. Это, конечно, имеет известные отрицательные стороны, поскольку иногда не позволяет в процессе регулирования учитывать особенности той или иной конкретной ситуации. Таков, например, порядок одновременного вступления нормативных актов в силу (независимо от того, стало ли его содержание известно соответствующим лицам) или порядок наступления дееспособности и деликтоспособности начиная с определенного возраста (в общем независимо от того, какова конкретная степень понимания лицом значения совершаемых им действий). Но законодатель все же идет на установление строгих формальных критериев, потому что выигрыш, наступающий в результате их применения, намного превосходит возможные отрицательные последствия. К тому же в праве устанавливаются меры, которые должны свести к минимуму или даже исключить указанные отрицательные последствия. Так, в законодательстве устанавливается порядок признания лица недееспособным и невменяемым и после того, как по строго определенным возрастным критериям лицо признается дееспособным и деликтоспособным (ч. III ст. 13, ст. ст. 15 и 16 ГК РСФСР).

4. Ряд правовых систем эксплуататорских государств в том числе буржуазных, отличается довольно высокой степенью внешнего совершенства, в частности, со стороны их формальной определенности. Однако, если в условиях относительно прогрессивного развития буржуазного общества это формальное совершенство имело известное прогрессивное значение для обеспечения организованности общественных отношений, например для утверждения начал законности, то в период империализма его роль становится реакционной. Формальное «совершенство» правовых систем современных империалистических государств служит защите отжившего капиталистического строя, борьбе против революционных, прогрессивных сил.

«Формально правильно, а по существу издевательство» — эта ленинская оценка полностью распространяема на современный «совершенный» правопорядок империалистических государств.

Вместе с тем реакционный характер содержания буржуазного права, резко усиливающийся в период империализма, неизбежно отражается и на его формальной определенности. В условиях империализма в нормативных актах буржуазных государств существенно возросло количество «каучуковых формулировок», общих, расплывчатых, туманных выражений, ничего не значащих деклараций. Таким путем нередко сводятся на нет вырванные трудящимися в результате ожесточенной классовой борьбы частичные уступки, формально закрепляемые шагами в сторону реформ. В то же время «каучуковые формулировки», туманные и расплывчатые положения призваны расширить рамки произвола судебных и административных органов, легализовать отход буржуазии от ранее провозглашенных принципов законности. То же наблюдалось в дореволюционной России, где законодательство было громоздким и запутанным, широко применялись туманные, расплывчатые выражения, при перечислениях часто стояли добавления типа «и т. п.», «и т. д.», которые, как отмечал В. И. Ленин, «наглядно показывают всевластие русских чиновников, полное бесправие народа перед ними» — режим, при котором «администрация может запретить все, что ей угодно»¹.

Для советского права характерна тенденция к достижению высокого уровня формальной определенности. Проявление этой тенденции связано с развитием правовой культуры, разработкой вопросов юридической техники, а также осуществлением ряда организационных мероприятий, обеспечивающих реальное претворение в нормативных актах рекомендаций юридической науки. Правотворческая практика последнего времени наглядно свидетельствует, что именно в таком направлении идет развитие советского законодательства.

Вместе с тем советскому праву органически чужды формализм, слепое преклонение перед буквой закона. Разумеется, до тех пор, пока нормативные акты не отменены или не изменены, они должны неуклонно проводиться в жизнь. Советская правовая доктрина отвергает идею отказа от законности по мотивам целесообразности, в том числе по мотивам устарелости нормативного акта (хотя проблемы, возникающие в этом случае, довольно слож-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 285.

ны¹). Но как бы то ни было, социалистическая законность предполагает уважение к «формальному» не ради самой формы, а ради заключенного в ней содержания. Это значит, что в любом случае применение норм социалистического права должно быть не только формально правильным, но и законным, обоснованным, справедливым.

Подчеркивая необходимость дальнейшего развития формальной определенности социалистического права, нужно видеть и те объективные пределы, которые ограничивают ее действие.

Прежде всего следует отметить, что границы формального обусловлены самим содержанием права. Формализация права необходима и полезна лишь в той мере, в какой это требуется для полного и точного закрепления его содержания (к тому же с учетом выполняемых им идеологических, воспитательных задач). Подобная граница представляется совершенно очевидной, ее существование логически вытекает из того понимания формально-определенного, которое обосновывалось в предшествующем изложении. Но здесь возникают специальные вопросы, нуждающиеся в особом рассмотрении.

Одни из них — пределы формально-определенного в связи с необходимостью предусмотреть в праве возможности для индивидуального регулирования, известного «усмотрения» правоприменительных органов. В. И. Ленин обращал внимание на то, что «сочинить такой рецепт или такое общее правило... которое бы годилось на все случаи, есть нелепость. Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться»². Рассматривая проблему индивидуального регулирования с точки зрения формальной определенности права, важно отметить следующее.

Необходимость творческого, самостоятельного и ответственного решения конкретных вопросов компетентными органами вызвана в значительной мере невозможностью наперед предусмотреть в общих правилах все особенности

¹ См. по этому вопросу Л. С. Галесник, *Нормы права и практика коммунистического строительства*, кн. «Вопросы общей теории советского права», Госюриздат, 1960, стр. 37; Н. Е. Недбайло, *Вопросы обоснованности и целесообразности применения норм советского права*, кн. «Вопросы общей теории советского права», стр. 333.

² В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 41, стр. 52.

конкретной обстановки, своеобразие возможной ситуации¹. Иными словами, предоставление государственным органам возможности для индивидуального регулирования в значительной степени имеет «вынужденный» характер.

Отсюда следуют по крайней мере два существенных вывода.

Во-первых, в той степени, в какой это возможно, пределы, основания и направления усмотрения должны быть точно и полно определены в нормативных актах.

Прежде всего здесь требуется точное и исчерпывающее определение компетенции органов, которые осуществляют индивидуальное регулирование. Далее, правовое регулирование и в данном случае опирается на общие («охватывающие») нормы, включая нормы, содержащиеся в общих частях кодексов или иных систематизированных нормативных актов. Наконец, законодатель предусматривает некоторые общие критерии, исходные оценочные категории, которые должны определить основные направления регулирования.

По мнению К. И. Комиссарова, соответствующие нормы «можно было бы назвать ситуационными, поскольку их действие зависит от конкретной ситуации»². На существование такого рода нормативных положений обращается внимание и в литературе по уголовному праву, где они рассматриваются с точки зрения «оценочных категорий», в соответствии с которыми субъект «не только сравнивает... явление с некоторым общим понятием, но и формулирует, определяет в известных пределах содержание самого этого общего понятия»³. Таковы, например, употребляемые в законодательстве категории: «примерное поведение», «особая жестокость», «существенный ущерб».

¹ К. И. Комиссаров отмечает существование правоотношений, каждое из которых «хотя и является частным случаем некоторой родовой общности, но обладает настолько существенной спецификой, что требует индивидуального подхода к себе. В связи с этим законодатель лишен возможности детально регламентировать их» («Судебное усмотрение в советском гражданском процессе», «Советское государство и право» 1969 г. № 4, стр. 51).

² Там же.

³ В. Н. Кудрявцев, О программировании процесса применения норм права, кн. «Вопросы кибернетики и право», «Наука», 1967, стр. 96.

«крупный ущерб», а также «уважительные причины», «производственное ущемление» и т. д.

Во-вторых, по мере развития социалистического права происходит известное сужение пределов усмотрения правоприменительных органов, замена оценочных категорий исчерпывающим регулирующим в нормативных актах. Конечно, это — только тенденция. Полное устранение оценочных категорий невозможно¹. Но там, где в процессе совершенствования права выясняется, что законодатель в состоянии детально регламентировать данные общественные отношения, дальнейшее развитие формальной определенности права следует признать вполне закономерным процессом.

Кроме того, представляется важным обратить внимание на необходимость совершенствования самих оценочных категорий, практики их применения. Так, оправдала себя в жизни линия на твердое истолкование оценочных понятий в подзаконных актах, в постановлениях пленумов Верховных судов². Проверка выработанных практикой и закрепленных в подзаконных актах критериев, на основании которых применяются оценочные понятия, может в последующем привести к исчерпывающей регламентации соответствующих вопросов в законе. Совершенствования оценочных понятий можно добиться также путем установления непосредственно в законе или в подзаконном акте примерного перечня случаев, подпадающих под это понятие³.

5. Достижение высокого уровня формальной определенности социалистического права, обеспечивающего полное,

¹ По мнению Е. А. Фролова, «в тех случаях, когда нет опасности в более или менее существенно различном толковании, когда эти понятия (оценочные.— С. А.) предполагают наличие разрозненных, не сводимых к однозначно определяемым критериям явлений (например, когда эти явления можно раскрыть только казуистично-описательным путем), когда эти признаки относятся к нравственно-этической сфере и т. п., — во всех этих случаях сохранение в уголовном законодательстве оценочных понятий представляется вполне оправданным и, более того, необходимым» (указ. статья, стр. 158).

² См. Е. А. Фролов, указ. статья, стр. 157.

³ См. М. И. Бару, Гарантии законности в трудовых отношениях при осуществлении задач хозяйственной реформы. Тезисы научной конференции «Хозяйственная реформа и трудовое право», М., 1969, стр. 18.

точное и ясное закрепление в его формальных постановлениях государственной воли советского народа, требует решения целого ряда организационных и научных проблем. Многие из них касаются вопросов юридической техники, которая в последнее время привлекает все большее внимание советских ученых.

Актуальная задача сегодняшнего дня — выработка на основе накопленного опыта и данных юридической науки наиболее прогрессивных организационно-технических приемов и правил подготовки проектов нормативных актов, изложения юридических норм, техники признания нормативных актов полностью или частично утратившими силу, внесения в них изменений и дополнений и т. д.¹

Другая группа вопросов, призванных обеспечить совершенствование социалистического права со стороны его формальной определенности, затрагивает проблемы языка и стиля изложения содержания нормативных актов. В данном отношении следует признать вполне обоснованной постановку вопроса о разработке советской законодательной стилистики².

Все эти вопросы нуждаются в самостоятельной углубленной разработке, при которой должны быть широко использованы также данные неюридических наук.

Вместе с тем разработка указанных вопросов окажется плодотворной, если постоянно иметь в виду, что формальная определенность представляет собой объективное свойство права, которое проявляется в единстве и сочетании с другими его свойствами и прежде всего с нормативностью.

Необходимость формальной определенности права в ряде случаев оказывается настолько острой, что в самом характере изложения правовых предписаний, их построении проявляется «формальное», строго фиксированное. Именно поэтому, например, повышение уровня нормативных обобщений сочетается с использованием в тех или иных пределах казуистических приемов изложения нормативных предписаний.

¹ По этому вопросу см., например, «Законодательная техника» под ред. Д. А. Керимова, изд-во ЗГУ, 1965; А. С. Пигольки и П. Подготовки проектов нормативных актов, «Юридическая литература», 1968.

² См. А. А. Ушаков, Очерки советской законодательной стилистики, Пермь, 1967.

Так, Устав железных дорог Союза ССР в принципе освобождает железную дорогу от имущественной ответственности за утрату, недостачу, порчу или повреждение груза при отсутствии вины в наступлении указанных вредоносных последствий. В ст. 148 говорится, что дорога не несет ответственности, если вредоносные последствия произошли вследствие обстоятельств, которые железная дорога не могла предотвратить и устранение которых от нее не зависело...». Далее идут слова: «... в частности, вследствие...» и перечисляется ряд конкретных обстоятельств: вина клиента, особые свойства груза, определенные недостатки тары и др. (Интересно отметить, что в ранее действовавшем Уставе — 1935 года — вообще приводился только конкретный перечень обстоятельств, которые свидетельствовали о невинности перевозчика в утрате, порче, недостатках или повреждении груза).

Это, несомненно, казуистический прием. Но, во-первых, каждое из обстоятельств, конкретно указанных в ст. 148, также представляет собой определенное обобщение (речь идет о вине клиентов вообще, вообще об особых естественных свойствах груза). Во-вторых, в действующем законодательстве этот перечень не является исчерпывающим, а конкретизирует более общую формулу.

Примеров подобного рода можно привести много. Они свидетельствуют не только о том, что нормативные обобщения требуют четких, ясных, недвусмысленных формулировок, исключающих возможность кривотолков, но и о том, что сам абстрактный способ изложения нормативных предписаний дополняется (корректируется) более конкретными, индивидуализированными, казуистическими приемами. Более того, хотя в современных правовых системах и не встречается казуистическое изложение в таком виде, в каком оно было распространено в древних системах права, вряд ли было бы правильным полагать, что этот прием уходит в прошлое. В нашем праве действуют нормативные предписания, построенные на замкнутом перечне, например, ст. 17 Основ законодательства о труде дает перечень конкретных обстоятельств, порождающих право администрации предприятия или учреждения расторгнуть трудовой договор.

И это — вполне закономерное явление. Оно выражает своеобразное сочетание высокого нормативного уровня права и его четкой формальной определенности, которое

препятствует превращению права в отвлеченные, чисто абстрактные положения. Следовательно, разумно используемые казуистические приемы изложения имеют известную ценность: удобнее, легче и надежнее решать юридические дела, руководствуясь перечнем конкретных обстоятельств, нежели одной обобщенной формулировкой. Разумеется, если казуистическое изложение не сопровождается более высоким нормативным обобщением, то его достоинства не устраняют свойственного ему коренного недостатка: как бы ни был совершенен исчерпывающий перечень конкретных обстоятельств, он не может охватить всех фактов данного рода.

Таким образом, необходимость строгой формальной определенности нередко как бы сдерживает тенденцию к повышению уровня нормативных обобщений, а в некоторых случаях (например, при использовании замкнутых исчерпывающих перечней) в определенной степени является даже преобладающей, доминирующей.

Не затрагивая некоторых иных специфических приемов регулирования, ярко выражающих значение, ценность формальной определенности (например, использование неопровержимых презумпций и фикций в праве¹), необходимо обратить внимание и на другую сторону проблемы. Нормативные обобщения в праве не только нуждаются в строгой форме изложения, корректируемой разумно используемым казуистическим методом, но как бы приходят сами к себе на помощь. В праве сложились такие виды нормативных обобщений и «структур», которые способствуют строгому проведению требований формальной определенности.

К подобного рода нормативным обобщениям относятся прежде всего *дефинитивные положения* (определения правовых категорий). Существование дефиниций в самой материи права объясняется не только проникновением в нее данных науки, повышением уровня нормативных обобщений. Главная причина, вызвавшая их к жизни, — внесение необходимой точности и ясности в используемую законодателем терминологию, общие понятия. Например,

¹ См. В. К. Бабаев, указ. работа, стр. 10—12. Автор пишет: «Законодатель, воспринимая в правовых нормах презумптивные положения, может придавать им неопровержимый характер, что обуславливается особым свойством права — его формальной определенностью» (стр. 5).

в ранее действовавшем гражданском законодательстве понятие «непреодолимая сила» использовалось без каких-либо пояснений (см. ст. 48 ГК РСФСР 1922 г.). Это создавало возможность ее произвольного толкования, вносило известную неопределенность при решении довольно сложных юридических дел¹. В новом ГК РСФСР при перечислении оснований, приостанавливающих течение срока исковой давности (ст. 85), прямо указывается на существо соответствующих фактов — «чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях событие». Но так как вслед за этим в скобках поясняется, что в данном случае имеется в виду «непреодолимая сила», то приведенное указание имеет характер правовой дефиниции, непосредственно влитенной в ткань нормативного материала.

Достижению необходимой определенности содержания правового регулирования содействуют *правовые конструкции*. Они выражают внутреннее построение нормативного материала, «образцы», «типовые схемы», в которые облекаются юридические нормы (таковы разнообразные конструкции составов преступлений, виды и типы договорных обязательств, конструкции «присутствующих и отсутствующих» субъектов и т. п.).

Следовательно, правовые конструкции представляют собой своеобразные типовые обобщающие «структуры». Их использование не только позволяет облегчить формулирование юридических норм, придает всему нормативному материалу логическую стройность и завершенность, но и — что самое главное — способствует определенности и четкости правового регулирования.

Таким образом, повышение уровня нормативных обобщений сопряжено с развитием специфических, свойственных именно праву обобщений и «структур», которые вполне согласуются с необходимостью его надлежащей формальной определенности.

Принуждение в праве

1. Объективным свойством права наряду с нормативностью и формальной определенностью является его *при-*

¹ Думается, поэтому в Уставе железных дорог данное понятие было заменено более конкретизированным — «явления стихийного характера» — пояснением путем приведения конкретного перечня: «аварии, заносы, наводнения».

нудительность. Здесь сразу же нужно указать на следующие две характерные черты.

Во-первых, праву свойственно не просто принуждение (которое в той или иной мере можно найти во всяком человеческом общежитии¹), а *государственное* принуждение, осуществляемое специальным аппаратом — компетентными государственными органами. Именно в государственно-принудительном характере права наиболее непосредственно, «зримо» выражается то, что право — явление, в широком смысле государственное. А отсюда следует, что присущее ему принуждение может выступать в наиболее жестком, «непреклонном» виде. Если всякое принуждение можно рассматривать как утверждение воли властвующего, воздействие на поведение подвластного, то для государственного принуждения благодаря свойственной государству мощной организованной силе характерны безусловность, категоричность. Государственное принуждение, выраженное в праве, — это внешнее воздействие на поведение, основанное на организованной силе государства, на наличии у него «вещественных» орудий власти и направленное на внешне безусловное (непреклонное) утверждение государственной воли.

Нормы нравственности, обычаи и в особенности нормы общественных организаций также обладают принудительностью, могут в известной степени действовать вопреки воле тех или иных лиц. Но принудительность ни одного из видов неправовых норм не имеет такой непреклонности, категоричности, которая присуща принуждению в праве. Если нормы нравственности, обычаи, нормы общественных организаций по существу обладают лишь силой «психического принуждения»² (при котором возможно «насилие» индивида над своей собственной волей³), то принуждение в праве, будучи по своей основе государственным, может носить характер внешнего, даже физического воздействия. Это придает более жесткие черты и психическому воздействию, а отсюда и свойству принудительности права в целом.

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 439.

² См. А. И. Королев, А. Е. Мушкин, Государство и власть, «Правоведение» 1963 г. № 2, стр. 21—24.

³ См. Т. В. Суворова, Об особом характере государственного принуждения в СССР, кн. «Государство и коммунизм», Госюриздат, 1962, стр. 41.

Реально принуждение в праве выражается в принудительных мерах, применяемых компетентными государственными органами. При помощи этих мер оказывается возможным в категорическом порядке утвердить волю социалистического государства. Сюда относятся меры юридической ответственности — уголовной, административной, дисциплинарной, материальной и другой, а также меры защиты (пресечения).

Государственное принуждение на разных стадиях своей реализации связано с разнообразными действиями государственных органов, посящими подчас только подготовительный или сопутствующий характер. Поэтому не все эти действия сами по себе выражают государственное принуждение. Таковы, например, действия государственных органов по расследованию правонарушений или по наблюдению за правомерностью поведения. И. С. Самощенко, придерживающийся иного взгляда, полагает, что наблюдение за правомерностью поведения относится к государственному принуждению, так как оно «является важным психологически-понуздительным фактором»¹. Между тем «побудительный эффект» может быть вызван и организационными действиями, которые не являются принудительными (даже если исходят от государственных органов). Действия следователя или государственного контролера выступают в качестве государственных принудительных мер лишь тогда, когда лица не выполняют юридических норм, правомерных требований следственных и контролирующих органов. Аналогичным образом нужно подходить к характеристике действий государственных органов, которые квалифицируются в науке и на практике как принудительное лечение, принудительный осмотр автотранспорта, освидетельствование и др. И здесь государственное принуждение применяется только в случае, если те или иные лица добровольно не исполняют юридических обязанностей.

Во-вторых, государственное принуждение в праве не выступает непосредственно. Государственное принуждение как таковое выражается в непосредственной оперативной деятельности государственных органов, в фактических актах прямого воздействия на поведение людей, их волю. Правовые же нормы независимо от своей клас-

¹ «Общая теория советского права», стр. 384.

совой природы всегда предполагают возможность добровольного их исполнения. Непосредственно право выступает как властная, общеобязательная система норм, но не как общественная форма, которая с самого начала сразу же проявляет себя в качестве принудительной силы.

Коренной недостаток ранее господствовавшего в нашей науке общего определения права состоял не столько в том, что в нем преувеличивалась роль принуждения в ущерб убеждению¹, сколько в том, что вообще был смещен акцент — право трактовалось как непосредственно принудительная сила, система правил, «осуществляемых в принудительном порядке»². Между тем присущее ему свойство принудительности выражает лишь *возможность* применения государственно-принудительных мер в тех случаях, когда лица не исполняют возложенных на них юридических обязанностей, когда возникают препятствия в осуществлении субъективных юридических прав. Иначе говоря, в праве принуждение как бы находится на втором плане, существует до известного времени в «скрытом виде». Реально оно выражается главным образом в индивидуальных актах применения юридических норм, совершаемых компетентными государственными органами, — в мерах ответственности, защиты (пресечения).

Свойство принудительности права имеет разное значение в эксплуататорских и социалистической формациях. Конечно, и в эксплуататорском обществе, в том числе буржуазном, право во всех случаях остается возведенной в закон волей господствующего класса. Поэтому в условиях империализма буржуазия ломает свою собственную законность, все шире применяет методы непосредственного, внеправового насилия. Но тенденция к режиму произвола и беззакония, к приоритету для спасения эксплуататорского строя прямых насильственных мер неизбежно выражается и в самом буржуазном праве, в его институте, практике их применения. Все большую роль играют государственно-принудительные меры, выполняющие в основном устрашающую функцию, возводятся в ранг «за-

¹ См. подробнее И. С. Самощенко, Содержание убеждения и принуждения в социалистическом государстве, «Советское государство и право» 1967 г. № 2, стр. 11.

² «Основные задачи науки советского социалистического права», М., 1938, стр. 155, 183.

конных» непосредственная репрессия, в рамках «законных» процессуальных форм осуществляется расправа в отношении революционных активистов, прогрессивных людей.

В социалистическом обществе одним из руководящих начал общественного управления является приоритет убеждения над принуждением. Ленинский принцип — «мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить»¹ — вытекает из самой природы социалистического строя, из подлинно народного характера социалистического государства, которое на всех этапах своего развития есть государство трудящихся, руководимых Коммунистической партией.

Вместе с тем надо учитывать, что ленинское указание о первенстве убеждения над принуждением относится в целом к общественному регулированию при социализме. Оно касается всей системы средств общественного воздействия. Между тем одни средства используются главным образом для убеждения, другие — для принуждения. Социалистическое право относится к таким общественным формам, которые в большей степени по сравнению с другими связаны с принуждением, призваны в случае необходимости обеспечить применение государственно-принудительных мер².

Поэтому нельзя согласиться с высказанными в свое время положениями, согласно которым в социалистическом праве якобы появились нормы, уже не охраняемые принудительной силой государства³, а также с мнением о целесообразности при определении общеправового права указать на то, что исполнение норм «прежде всего» основывается на убежденности советских людей в их необходимости и справедливости⁴. Если первое из упомяну-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 54.

² «Суд и некоторые другие государственные органы имеют своей основной функцией принуждение; другие государственные органы — убеждение. Лишь в целом, в масштабе деятельности всего механизма государства, убеждение первенствует над принуждением» (И. С. Самощенко, Содержащие убеждения и принуждения в социалистическом государстве, «Советское государство и право» 1967 г. № 2, стр. 11).

³ См., например, С. А. Голупский, К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права, «Советское государство и право» 1961 г. № 4.

⁴ См. А. Ф. Шебанов, Программа КПСС и вопросы совершен-

тых воззрений вообще нельзя признать правильным (нормы, не охраняемые государством, терпят качество юридических), то второе, верное по существу, не оттенит особенности права как специфической формы общественного регулирования.

Возможность применения государственного принуждения остается необходимым свойством и социалистического права, в том числе в условиях, когда оно переросло в общественное регулирование при социализме, для которого характерен приоритет убеждения над принуждением, отражается на праве. И дело не столько в том, что подавляющее большинство граждан исполняют правовые нормы добровольно (необходимость государственно-принудительной охраны норм в результате этого не уменьшается), сколько в особенностях присущего праву принуждения, в его целях, воспитательных функциях, в органическом сочетании государственно-принудительных и воспитательных мер, мер общественного воздействия².

2. Исходным и решающим для последующего анализа служит положение о том, что *само по себе* государственное принуждение не является правовым свойством и, следовательно, элементом, который характеризует социальную ценность социалистического права.

И это, разумеется, вовсе не потому, что государственное принуждение не имеет социального значения в социалистическом обществе. В условиях социализма оно не только необходимо, но и в ряде областей общественной жизни полезно, способно принести положительный эффект (оборона страны, защита ее безопасности, охрана

ствования советских правовых норм, «Советское государство и право» 1962 г. № 6, стр. 39.

¹ См. Л. И. Каск, Г. И. Шатков, Сущность советского социалистического права, кн. «Актуальные проблемы Советского государства и права в период строительства коммунизма», стр. 158—159. Авторы отмечают по поводу упомянутой выше позиции А. Ф. Шебанова: «Нельзя согласиться с А. Ф. Шебановым не потому, что он считает нужным подчеркнуть, что соблюдение норм советского права основывается на убеждении советских людей в справедливости и необходимости этих правовых норм, а потому, что он предлагает «прежде всего» подчеркнуть этот признак советского общественного права» (стр. 158).

² О ряде существенных особенностей государственного принуждения в социалистическом обществе см. Т. В. Суворова, указ. статья.

общественного порядка, преодоление пережитков прошлого в быту и сознании). Однако само по себе государственное принуждение характеризует значение политического, государственного регулирования в целом, связь права с государством, а не права как такового.

Социальная же ценность принуждения *в праве* заключается главным образом в том, что оно выступает как *возможность*, проявляющаяся *в связи* с другими его объективными свойствами. Отсюда — две основные плоскости социальной ценности принуждения в праве.

Во-первых, возможность государственного принуждения, непосредственно выражая государственно-волевое содержание права, в известной степени предопределяет своеобразие других его свойств — нормативности, формальной определенности. Так, несомненно, высокая степень нормативности, свойственная праву, обусловлена не только тем, что государство представляет собой единую политико-территориальную организацию страны, но и тем, что оно способно придавать своим велениям общеобязательное значение, подкрепляя их в случае необходимости возможностью государственного принуждения.

Конечно, здесь нет прямой зависимости. Например, степень нормативности права не обусловлена уровнем и силой государственно-принудительных мер. Для существования высокой нормативности и формальной определенности достаточно известного минимума возможности государственного принуждения, т. е. такого ее уровня, который бы позволял с юридической стороны гарантировать реальное осуществление правовых норм.

Таким образом, социальная ценность принуждения в праве имеет прежде всего опосредованный характер. Вот почему нельзя признать правильным положение, по которому «вся ценность права состоит в возможности его принудительного осуществления»¹. Нормативно-правовая форма общественного регулирования обладает существенным значением в организации общественных отношений и независимо от того, происходит или нет в данном слу-

¹ «Гражданское право», т. 1. «Юридическая литература», 1969, стр. 253.

Взгляд о том, что истечение срока исковой давности погашает «само» субъективное право (а не одно из его свойств), как раз и опирается на переоценку принуждения в праве.

чае принудительное осуществление правовых предписаний.

Во-вторых, возможность принуждения, присущая праву, способна психологически побудить к определенному поведению и, следовательно, оказать стимулирующее воздействие. При этом право оказывает стимулирующее влияние в первую очередь как властный регулятор общественных отношений, действующий через механизм правовой дисциплины, через привычку соблюдать юридические нормы¹.

В праве стимулирование поведения приобретает особые черты, вызванные не только тем, что принуждение здесь носит государственный характер, но и тем, что оно проявляется в связи с другими правовыми свойствами — нормативностью, формальной определенностью. Всеобщий и конкретный характер принуждения и позволяет в определенных пределах воздействовать на формирование личности государственного принуждения в соответствии с интересами², на стимулирование поведения людей в соответствии с объективными экономическими законами.

Следовательно, право — это такая система общественных регулятивных в классовом обществе, которая способна не только содействовать единству и слаженности общественных отношений, их надлежащей определенности, но и в известной степени влиять на их движение, динамику.

3. Реальное значение государственного принуждения и, следовательно, стимулирующей роли права во многом

¹ См. Д. Н. Бахрах, указ. работа, стр. 7. Подчеркивая, что такое действие права «можно назвать правовой дисциплиной, привычкой соблюдать закон», автор далее пишет: «Такой автоматизм исполнения особенно необходим в армии, на транспорте, а также во всех иных случаях, когда нужно быстрое исполнение управленческих команд, когда у субъекта управления нет времени разьяснять смысл команды, а у подчиненного — обдумать назначение команды».

² Значение «интересов» в механизме воздействия права на общественные отношения обосновано в последнее время В. М. Чхиквадзе (см. указ. работа, стр. 305—308). Вместе с тем нужно заметить, что положения о роли категории «интерес» для понимания механизма воздействия права на общественные отношения существенно дополняют научную разработку вопросов механизма правового регулирования, но не заменяют и не снимают другой проблемы — характера и способов волевого опосредствования этого механизма.

зависит как от этапа развития социалистического общества, так и от области общественных отношений, а точнее от характера поведения, которое необходимо обеспечить при помощи юридических норм. С этой точки зрения важно различать два основных ракурса проблемы: а) обеспечение при помощи юридических норм пассивного поведения (воздержание от определенных действий) и б) обеспечение при помощи юридических норм активного поведения.

В первом случае (обеспечение пассивного поведения) юридические нормы содействуют формированию в психике людей сдерживающих мотивов. Достигается эта задача главным образом путем установления общих запретов, т. е. запрещающих норм, предусматривающих обязанности по воздержанию от совершения действий определенной рода.

В данной области общественных отношений значение права как стимулятора имеет сравнительно постоянную величину.

Это наглядно можно проследить, например, по правонарушениям (самовольная без надобности остановка поезда стоп-краном, самоповарение), за совершение которых уголовная ответственность в начале 1950-х годов была заменена административной. Такая замена, как выяснилось в дальнейшем, не оправдала себя на практике, и за указанные деяния впоследствии вновь была введена уголовная ответственность.

Думается, что помимо иных оснований восстановление уголовной ответственности в данном случае объясняется тем, что она как раз нацелена на обеспечение ряда общих запретов, стимулирующих формирование сдерживающих мотивов поведения. Надо заметить, что в начале 1950-х годов вообще была намечена линия на замену многих составов, влекущих уголовную ответственность, административной и дисциплинарной ответственностью. В ст. 8 Указа Президента Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. говорилось о целесообразности «заменить уголовную ответственность за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка...». Однако законодательство последующих лет не пошло далеко по этому пути и, как представляется, потому, что в современных условиях еще сохраняется необходи-

мость использовать все возможные правовые средства, в том числе и уголовноправовые, для обеспечения общих запретов, стимулирующих формирование сдерживающих мотивов.

Чем объяснить сравнительно постоянное значение права для обеспечения пассивного поведения?

При обеспечении общих запретов кроме права нет иных средств, которые с равноценной силой стимулировали бы поведение людей в тех случаях, когда влияние духовных и иных факторов (а также правового «автоматизма») оказывается недостаточным. Более того, при помощи права как раз и возможно все более утверждать и развивать моральные начала поведения людей, а также привычку соблюдать юридические нормы. Известные положения В. И. Ленина о том, что со временем люди привыкнут к соблюдению элементарных правил поведения, касаются в первую очередь сферы общих запретов — обеспечения пассивного поведения. Поэтому сохранение довольно строгой юридической ответственности за нарушение запретов является условием для постепенного возрастания моральных факторов и силы привычки, их роли в обеспечении поведения людей.

Какую же роль играет право в формировании побудительных мотивов — мотивов к активному поведению?

И здесь значение права как стимулятора в ряде областей общественных отношений также может быть охарактеризовано в качестве сравнительно постоянной величины. Это — налоговые отношения, отношения по организации формирования государственных органов, отношения, связанные с осуществлением гражданами воинских обязанностей, и некоторые другие. В указанных областях наряду с высокой сознательностью граждан социалистического общества властно-правовые методы регулирования, опирающиеся на возможность государственного принуждения, оказываются на данном этапе неизбежностью, объективной необходимостью.

По-иному должен быть решен вопрос о ценности права как стимулятора активного поведения в тех случаях, когда может быть использован другой, не менее эффективный по силе воздействия стимул — материальная заинтересованность людей в результатах своих действий. В подобных случаях, касающихся прежде всего сферы имущественных, трудовых, колхозных отношений, объектив-

ная необходимость применения властно-правовых методов более ограничена; она определяется в основном еще непреодоленными трудностями в экономике, недостатками организационного порядка и др. Следовательно, в данной области общественной жизни значение права как стимулятора в известной мере является величиной переменной, подвижной.

Существует, правда, такой участок общественной жизни, где право выполняет решающую роль в стимулировании как активного, так и пассивного поведения людей. Речь идет об отношениях, складывающихся в связи с применением самих мер государственного принуждения, — возложение юридической ответственности, фактическое исполнение санкций и т. д. Однако очевидно, что это — специфический участок общественной жизни, который в известном смысле имеет вторичный характер. Здесь правопорядок как бы «работает на себя» — на обеспечение реальности и эффективности тех государственно-принудительных средств воздействия, которые возлагаются на лиц в случае совершенных правонарушений.

4. Ценностная характеристика стимулирующей роли права должна основываться на учете особенностей регулируемых общественных отношений. Вместе с тем при решении рассматриваемого вопроса нужно иметь в виду и соображения более общего характера.

Революционное насилие, осуществляемое пролетариатом, трудящимися в ходе завоевания власти и гражданской войны, направлено на уничтожение старого строя. Насильственная сторона диктатуры пролетариата связана с суровыми условиями классовых битв, ожесточенным сопротивлением эксплуататорских классов. Марксизм-ленинизм рассматривает насилие, государственно-властное принуждение в ходе социалистической революции в качестве неизбежности. В. И. Ленин подчеркивал, что в идеале коммунистической теории нет места насилию над людьми: «... Все развитие идет к уничтожению насильственного господства одной части общества над другой»¹.

Поэтому в социалистическом обществе использование государственно-властного принуждения для стимулирования поведения людей носит ограниченный характер. Правда, в прошлом нарушение ленинских принципов государ-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 122.

ственного и правового строительства было сопряжено с известной переоценкой роли принуждения в деятельности социалистического государства, верой в то, что при помощи принуждения, власти можно сделать все¹. Однако Коммунистической партией приняты решительные меры по дальнейшему утверждению ленинских принципов государственного и правового строительства. В современных условиях в Советском Союзе, в других социалистических странах государственно-властные принудительные методы стимулирования применяются в ограниченных масштабах, в полном соответствии с ленинским принципом приоритета убеждения над принуждением.

Таким образом, *ценность права как стимулятора поведения людей в условиях социалистического общества является ограниченной.*

Указывая на ограниченное значение права как стимулятора поведения людей, необходимо подчеркнуть, что эта оценка не затрагивает других сторон правового регулирования — обеспечения при помощи права действия иных, вненравовых стимулов. Когда, например, речь идет о стимулирующем значении поощрительных норм, норм, обеспечивающих простор для развертывания личной заинтересованности работников, то на самом деле здесь стимулятором поведения выступают начала материальной заинтересованности, т. е. вненравовые факторы, а право обеспечивает юридические возможности для их действия.

В большинстве случаев использование чисто правового стимулирования поведения людей в условиях социалистического общества следует рассматривать лишь как необходимость, как вынужденное явление. По своему социальному значению чисто правовое стимулирование, связанное с применением властно-правовых методов, и выражает административное регулирование, на тенденцию сокращения которого указывает Программа КПСС.

Вместе с тем в ряде областей общественных отношений, надо полагать, стимулирующая роль права имеет и более значительную ценность. Это касается, как уже говорилось, роли права в обеспечении общих запретов. Кроме того, материальные стимулы и стимулы чисто правовые могут

¹ См. по этому вопросу Н. С. Самощеико, Содержание убеждения и принуждения в социалистическом государстве, «Советское государство и право» 1967 г. № 2, стр. 11.

не только конкурировать (тогда тенденция состоит в развитии начал материальной заинтересованности за счет сокращения административного регулирования), но и сочетаться, взаимопроникать. В ряде случаев государственно-принудительные меры имеют материальный характер, выступают в качестве имущественных санкций. Тогда при надлежащем урегулировании условий, размера и порядка применения имущественных санкций государственно-правовое воздействие способствует развитию начал материальной заинтересованности.

Следовательно, стимулирующую роль права необходимо рассматривать с учетом существования всей системы духовных, моральных, материальных стимулов поведения людей в социалистическом обществе. В современных условиях действие права в качестве стимулятора поведения органически сочетается с действием всех иных стимулов, которые для большинства людей являются определяющим основанием, формирующим сдерживающие и побудительные мотивы поведения. Как общее правило, правовые стимулы в современных условиях не выступают в чистом виде. Они являются лишь более или менее необходимыми элементами в составе сложного механизма стимулирования поведения людей, действуют в органическом единстве и взаимообусловленности с духовными, моральными и материальными стимулами.

5. Как уже отмечалось, в праве государственное принуждение проявляется в *связи* с другими его свойствами и прежде всего нормативностью и формальной определенностью. Это позволяет не только придать государственному принуждению всеобщий и конкретно-определенный характер и, следовательно, сделать его более эффективным, действенным, но и сообщить ему такие черты, которые соответствуют ленинским принципам социалистической законности, подлинной справедливости. «Принуждение в социалистическом государстве применяется строго в рамках социалистической законности. Это — не бесконтрольное насилие, а основанная на праве и обусловленная им деятельность по принуждению — правовое принуждение!».

¹ П. Стайнов, А. Ангелов, Административное право Народной Республики Болгарии, Госюрвиздат, 1960, стр. 352.

Существование правового принуждения предполагает наличие развитого законодательства, регламентирующего принципы, основания, пределы и порядок возложения юридической ответственности во всех ее разновидностях, а также мер защиты и иных средств государственно-принудительного воздействия. В этих условиях государственно-принудительная деятельность компетентных государственных органов (и по их уполномочию — органов общественности) выражается в применении юридических норм и осуществляется в пределах особых охранительных правоотношений, охватывающих права и обязанности компетентных государственных органов и лиц, к которым применяются государственно-принудительные меры.

Представляется, что наиболее общими признаками правового принуждения являются следующие¹:

а) подчинение государственного принуждения общими принципам социалистического права, выражающим его демократическое содержание, антиэксплуататорский характер, подлинный гуманизм, прежде всего принципам ответственности за вину, исключения всякого произвола из деятельности правоприменительных органов, справедливости государственно-принудительных мер и др.;

б) единство, всеобщность государственно-принудительных мер — начало, в соответствии с которым такие меры применяются на единых основаниях ко всем лицам на

¹ Ряд признаков правового принуждения отмечен Д. П. Бахрахом. По его мнению, правовое принуждение «применяется на строго правовой основе, как правило, специально уполномоченными государственными органами, только к конкретным субъектам права, в связи с их неправомерными действиями, путем принятия актов применения права» (указ. работа, стр. 19). Следует, однако, заметить, что признаки, приведенные автором, не равноценные, они в значительной мере относятся к государственному принуждению вообще. Между тем главная задача состоит в раскрытии того, что автор называет «правовой основой» государственного принуждения. Он правильно пишет: «Нормы права регулируют, какие меры, при каких условиях, в каком порядке и какими органами могут применяться. Четкая правовая регламентация принудительного воздействия за неправомерные действия является конкретизацией и правовой гарантией провозглашенных Советской Конституцией принципов неприкосновенности личности, жилища и личной собственности граждан» (стр. 17). Эти положения очень важны, но они характеризуют не один из признаков правового принуждения (у автора по счету третий), а самую его суть, его важнейшие особенности, каждая из которых требует выделения в самостоятельный признак.

территории всей страны; причем содержание и характер различных видов юридической ответственности и иных государственно-правовых мер согласованы между собой;

в) строгая регламентация объема и пределов государственного принуждения, его «дозировка» в зависимости от конкретных обстоятельств; при этом не обязательно, чтобы в нормативном порядке были с абсолютной определенностью установлены юридические санкции: достаточно и того, чтобы они имели относительно-определенный характер (однако в данном случае порядок их последующей индивидуализации должен быть строго регламентирован);

г) установление в нормативном порядке оснований для применения государственно-принудительных мер, в частности признаков правонарушения (состава правонарушения) как основания юридической ответственности и прежде всего принципа ответственности за вину;

д) строгая регламентация порядка и процедуры применения мер государственно-принудительного воздействия, воплощающих необходимые гарантии личности, ее прав и предусмотренных Конституцией свобод, в том числе недопустимость ареста без законных оснований, презумпция невиновности, недопустимость обратного действия закона, и т. д., а также наличие у лица, к которому применяются государственно-принудительные меры, известной суммы прав, гарантирующих применение к нему санкции в строгом соответствии с законом.

Социальная ценность государственного принуждения, когда оно приобрело правовые черты, значительно возрастает. Именно в пределах права наиболее полно достигаются те задачи, которые обеспечиваются при помощи государственного принуждения. Право является «ограниченным механизмом», способным обеспечить применение государственно-принудительных мер в тех пределах, которые вызваны объективными потребностями социального общества. Это — одна из важных гарантий, предупреждающих возможность произвола в деятельности органов, которые осуществляют властно-принудительные функции. Вместе с тем правовое принуждение способствует развёртыванию социалистической демократии, дальнейшему утверждению великих прав и свобод граждан

социалистического общества, моральных и человеческих ценностей социализма.

Правовое принуждение является наиболее развитой и ценной разновидностью государственного принуждения, полностью соответствующей гуманистической природе социалистического общества, ленинским принципам государственного и правового строительства. Вот почему дальнейшее развитие социалистической законности в нашей стране выражается во все большем утверждении *правового* принуждения.

В советской юридической литературе общепризнано, что успехи социалистического и коммунистического строительства приводят к изменению соотношения убеждения и принуждения в пользу повышения удельного веса мер убеждения. Существование такого рода закономерности — очевидный факт, органически вытекающий из теории и практики марксизма-ленинизма и подтвержденный опытом государственноправового строительства в странах социализма.

Однако едва ли правильно сводить действие указанной закономерности только к сокращению *сферы* государственноправового принуждения. Более того, факты свидетельствуют о том, что в современных условиях коммунистического строительства резкого сокращения сферы принуждения не происходит, да и не должно происходить. Усиление и укрепление правовых начал в жизни социалистического общества требует сохранения в качестве относительно постоянной величины возможности государственного принуждения. Необходимость в дальнейшем укреплении государственной дисциплины, развертывании некоторых форм материальной стимулирования и возрастающая требовательность ко всеобщему соблюдению правовых начал могут вызвать в будущем даже некое расширение сферы применения государственно-принудительных мер.

Значит, дело не в сфере принуждения. Есть все основания считать, что повышение удельного веса убеждения происходит и в настоящее время. Но проявляется эта закономерность не столько в сокращении сферы государственного принуждения, сколько в изменении его качества, в его внутреннем преобразовании. Важнейшим выражением такого внутреннего преобразования государственного принуждения в условиях строительства коммунизма на-

ряду с усилением роли общественности и является все большее утверждение его как *правового* принуждения, т. е. принуждения, которое при социализме само по себе включает в качестве необходимого компонента то, что свойственно убеждению.

Правовое принуждение убеждает не только устранением, но и целесообразностью и гуманностью, справедливостью и уважением к правам личности¹.

Думается, и в данной области развитие правового регулирования пойдет в будущем преимущественно не по пути «сокращения сферы», а, как и в иных областях, по пути его постепенного перерастания в гибкие и эффективные формы общественного воздействия, основанного, в частности, на общественном принуждении в различных его формах².

б. Существование и развитие правового принуждения связано с *процессуальной формой*, в которую облекается деятельность компетентных государственных органов, органов общественности, граждан.

В последнее время в литературе получила известное распространение теоретическая позиция, согласно которой процесс представляет собой общую форму не только правоприменительной, но и правотворческой деятельности. Так, В. М. Горшенев полагает, что «процедурно-процес-

¹ Как представляется, факты, которые приводятся в подтверждение мысли о сокращении сферы принуждения, связаны главным образом не с тем, что развитие общественных отношений приводит к устранению необходимости государственно-принудительного воздействия, а с тем, что ранее установленные меры оказались чрезмерно жесткими, но оправданными условиями социалистического общества (с этих позиций, например, следует, по-видимому, рассматривать отмену ответственности за утрату трудовой книжки, за самоаборты и др.). Что же касается таких фактов, как отмена аналогии в уголовном праве, увеличение возраста, с которого лица привлекаются к ответственности, то они выражают в основном процесс развития характерных черт, свойственных как раз правовому принуждению.

² В советской литературе описаны разнообразные, весьма эффективные и перспективные формы сочетания юридической и общественной ответственности, в том числе и такая своеобразная форма их сочетания, как общественно-юридическая ответственность (см. А. И. Петелин, Соотношение правовой и общественной ответственности в социалистическом обществе, автореферат канд. дисс., Свердловск, 1968; его же, Развитие правовой ответственности в общественной, «Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1965 год», Свердловск, 1966).

суальные формы и нормы, их регламентирующие, в области положительной деятельности органов государства имеют не менее важное, чем в области юрисдикционной, а, пожалуй, более существенное значение» и что оправдывается в «какой-то степени возможностью обозначения процедурно-процессуальными нормами правил, регламентирующих правотворческую деятельность органов Советского государства...»¹. Аналогичные взгляды высказаны и другими авторами².

Конечно, применение права в большинстве случаев представляет собой деятельность, которая длится во времени и которая, следовательно, в этом смысле может быть обозначена словом «процесс». Верно и то, что правоприменительная деятельность нуждается в строгой правовой регламентации, направленной на такую ее организацию, при которой бы «ее результаты достигались эффективно, быстро и с максимальным удобством для всех, кого это касается»³. Тщательная и строгая регламентация процедуры совершения юридических действий (в том числе народнохозяйственного планирования, служебных действий должностных лиц и др.) — актуальная задача во многих отраслях права. С этой точки зрения вполне обосновано конструирование обобщающей теоретической категории «юридическая процедура», охватывающей все виды правовой регламентации длящихся во времени юридических действий, включая действия государственного аппарата и должностных лиц в области правотворчества и реализации юридических норм.

Однако не всякая урегулированная правом процедура совершения юридических действий может быть признана *процессом* в том специальном юридическом смысле, который исторически сложился и принят в законодательстве, на практике, в науке⁴. И дело не только в сложном харак-

¹ В. М. Горшенев, указ. работа, стр. 25—30.

² См., например, В. Д. Сорокин, Проблемы административного процесса, «Юридическая литература», 1968, стр. 71—72.

³ В. М. Горшенев, указ. работа, стр. 24.

⁴ На данном примере можно еще раз проиллюстрировать необходимость учитывать в научных построениях тот исторически сложившийся и принятый в науке смысл, который имеют установленные правовые понятия. С этой точки зрения нужно признать недопустимым вольное обращение с юридической терминологией, когда те или иные авторы вкладывают в принятую терминологию

гере процедуры, детальном и тщательном урегулировании порядка совершения юридических действий. Эти особенности лишь выражают глубинные черты, которые вызваны к жизни тем, что процедура определенных видов деятельности органов государства сопряжена с применением государственного принуждения. Именно потому, что государственное принуждение является острым средством воздействия, касается прав личности, и возникла необходимость особого («процессуального») урегулирования деятельности юрисдикционных и связанных с ними субъектов. Отсюда те отмеченные в литературе черты процессуальной формы, которые наиболее гарантируют установление истины и охрану прав заинтересованных лиц¹, в максимальной степени приспособлены для обеспечения правового принуждения² и которые поэтому выражаются в сложной процедуре, детальной и тщательной регламентации совершения юридических действий³.

Объединение всех видов юридических процедур под рубрикой «процесс» приводит к обескровливанию, выхолащиванию этого богатого и содержательного понятия. Задача внедрения во все юридические процедуры, регламентирующие правоприменительную деятельность, элементов, свойственных процессуальной форме⁴, может быть

«своей» смысл, существенно отличный от общепринятого. Многих теоретических споров в нашей науке можно было бы избежать, если строго придерживаться данного требования.

¹ Особенность процессуальной формы, пишет Д. М. Чечот, «состоит в том, что она более всех других форм приспособлена к установлению фактических обстоятельств дела, наиболее регламентирована, а вследствие этого наиболее гарантирует установленные истины и охрану прав заинтересованных лиц» («Субъективное право и формы его защиты», изд-во ЛГУ, 1968, стр. 67).

² См. С. В. Курьев, «Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск», «Труды Иркутского государственного университета», т. XXII, вып. 3, Иркутск, 1957, стр. 176.

³ Отмечая «громоздкость» процессуальной формы, С. В. Курьев пишет, что «по сравнению со многими иными формами разрешения споров, осуществления прав и охраны интересов, гражданский процесс будет неизбежно более громоздкой формой, ибо... эта форма по сравнению с иными содержит более обширные гарантии, притом одновременно в целых четырех направлениях: объективности, правильности установления фактических обстоятельств дела и применения закона, воспитательного воздействия. А чем обширнее гарантии, тем, понятно, сложнее, дороже и медленней процесс» (указ. работа, стр. 174).

⁴ См. В. М. Горшенев, указ. работа, стр. 25.

решена лишь при том обязательном условии, если понятие «процесс» будет иметь смысл, который исторически сложился и принят в законодательстве, на практике, в науке.

Другой вопрос, что утверждение в социалистическом обществе правового принуждения требует более широкого использования процессуальных форм, их последовательного распространения на все виды государственной и общественной деятельности, в том числе в необходимой мере и на деятельность административных органов, решающих индивидуальные юридические дела «по усмотрению». Процессуальная форма должна быть признана в качестве необходимой, весьма существенной черты правового принуждения в социалистическом обществе.

Преимущества процессуальных форм воплощаются особенно полно в деятельности суда — органа социалистического правосудия. Поэтому судебный процесс является высшей, главной формой, обеспечивающей проведение правового принуждения¹. Конечно, было бы неверным отрицать процессуальный характер деятельности ряда других юрисдикционных органов (например, арбитража). Однако дальнейшая демократизация и совершенствование этих органов должны идти также по пути использования элементов судебной формы защиты с учетом особенностей их деятельности². Такая необходимость обусловлена тем, что в судебной форме наиболее полно выражены достоинства процесса. Это, помимо прочего, предопределяет более или менее универсальный характер судебной формы в осуществлении правового принуждения³.

¹ О значении судебной процессуальной формы см. П. Е. НеДбайло, О юридических гарантиях правильного осуществления советских правовых норм, «Советское государство и право» 1957 г. № 6, стр. 25; В. И. Каминская, Правовые гарантии законности в СССР, М., 1962, стр. 160 и сл.; В. М. Семенов, указ. статья, стр. 195.

² См. Д. М. Чечот, указ. работа, стр. 59.

³ Вместе с тем неправильно возвеличивать значение судебной формы, считать ее вообще универсальной. Такое преувеличение допускает Д. М. Чечот, когда утверждает, что «действующая сейчас судебная форма, вообще говоря, может быть использована для защиты любых субъективных прав, которые сейчас защищаются арбитражем» (указ. работа, стр. 57). Между тем сам автор признает, что арбитражная форма «приспособлена для разрешения хозяйственных споров между государственными организациями». Представляется более убедительным мнение П. Л. Ло-

Таким образом, особенности процессуальной и прежде всего судебной формы позволяют рассматривать ее в качестве значительной социальной ценности не только потому, что процессуальная форма адекватна правовому принуждению, с максимальной полнотой обеспечивает его реальное осуществление, но и потому, что позволяет решать иные задачи, направленные на развитие социалистической культуры, осуществление ряда проблем коммунистического воспитания.

Вот почему вполне закономерный характер носит намечавшаяся в социалистическом обществе тенденция к расширению сферы судебной защиты субъективных прав.

Ценность процессуальной формы, в особенности судебной, обуславливает необходимость более тщательно обсуждать проблемы, связанные с передачей юридических дел на рассмотрение органов общественности, проблемы упрощения и экономии процессуальных средств. Закономерное в условиях социализма усиление роли общественности необходимо связать с сохранением преимуществ процессуальной формы, которые не должны быть утрачены и при совершенствовании судебной системы, ее разгрузке от незначительных дел и др.¹.

Динамизм права

1. Право, будучи устойчивой системой общественного регулирования, рассчитанной на непрерывную во времени регламентацию общественных отношений, вместе с тем

гинова, который пишет: «Ни сама по себе процедура рассмотрения дел, ни сложность процесса и громоздкость средств защиты обеспечивают осуществление органом своих функций, а приспособленность форм его деятельности к специфике организации, структуры и задач данного органа». И дальше: «Практика показала, что не суды, а именно арбитражи наилучшим образом приспособлены для квалифицированного разрешения хозяйственных споров между предприятиями и организациями, для благотворного воздействия на их экономику правовыми методами» («Сущность государственного арбитража», изд-во МГУ, 1968, стр. 114—115).

¹ С. В. Курылев в связи с этим отмечает: «Высказываемое в пользу введения общественных судов соображение о разгрузке народных судов не может быть единственно определяющим. Врачи тоже загружены. Но можно ли их разгрузить, предоставив лечение, допустим, гриппа, фельдшеру?» (указ. работа, стр. 174).

представляет собой *динамическую систему*¹, оно способно изменяться в связи с развитием общественной жизни, учитывать вновь возникшие потребности, реагировать на появление новых или отпадение отживших общественных связей². Здесь, правда, нужно сразу же сделать следующее пояснение.

Динамизм является свойством права — свойством в смысле его способности оперативно реагировать на изменяющиеся условия общественной жизни.

Но право не перестает быть правом, если в силу специфики общественно-экономической и политической жизни оно как бы «застывает» в своих формах. Это, в частности, было присуще феодальным правовым системам, в особенности в периоды, когда они в основном выражались в институтах обычного права. Да и современное буржуазное право характеризуется застывающей формой, наличием в нем архаичных институтов, своеобразной «сопротивляемостью» прогрессивным нововведениям (хотя перед лицом революционного движения и оно способно быстро приспособляться к меняющимся ситуациям, обеспечивать ожесточение репрессий, сводить на нет демократические завоевания и т. д.).

Социальное значение «консервации» правовых форм раскрыл К. Маркс: «Сохранение старых законов наперекор новым потребностям и запросам общественного развития есть, в сущности, не что иное, как прикрытое благочестивыми фразами отстаивание не соответствующих времени частных интересов против назревших общих интересов. Это сохранение почвы законности имеет целью сделать такие частные интересы *господствующими*, в то время как они *уже не господствуют*»³. В условиях эксплуататорских обществ сохранение старых законов усиливает реакционность права, позволяет использовать юридические постановления в своекорыстных, частных интере-

¹ В. М. Чиквадзе пишет: «Право есть сложный социальный комплекс, динамическая система» (указ. работа, стр. 292).

² В образной форме эту особенность права охарактеризовал А. М. Ладыженский, когда писал: «Гераклитовский поток правоотношений переливает через эеатские, застывшие границы всякой границы, всякой конкретной юридической системы» («Гераклитовские и эеатские начала в теории права», «Известия Донецкого государственного университета», кн. 4, 1921, стр. 57).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 259.

сах господствующего меньшинства, что превращает их в тормоз общественного развития.

Социалистическое право отличается высоким динамизмом. При построении социализма и коммунизма государство решает грандиозные задачи в экономической, политической, социально-культурной областях. Оно действует в условиях бурного развития всех сторон общественной жизни, коренного преобразования и отпадения старых общественных отношений. Отсюда такая высокая степень динамизма, которой не знала ни одна из правовых систем прошлого. Как подчеркивал В. И. Ленин, «быстроты законодательства, подобной нашей, другие державы, к сожалению, не знают»¹.

Вместе с тем следует отметить, что в 30—50-х годах советское законодательство в ряде отраслей отставало от назревших потребностей общественного развития.

За последнее десятилетие издано много нормативных актов, которые существенно обновили действующую правовую систему. Коммунистическая партия ставит задачу продолжить развитие и совершенствование советского законодательства, добиться того, «чтобы оно не отставало от жизни, чтобы наши законы, оставаясь прочными, стабильными, правильно отражали происходящие в обществе процессы»².

2. Динамизм социалистического права является социальной ценностью. Однако и это свойство выступает как *правовое* лишь в органическом единстве с другими свойствами — нормативностью, формальной определенностью, государственной принудительностью.

Динамизм права, если рассматривать это свойство изолированно, существенно не выделяет его в системе общественного регулирования. Право при таком подходе обладает значительными преимуществами по сравнению с нормами нравственности и обычаями, содержание которых не может быть столь оперативно и мобильно изменено. Однако в социалистическом обществе есть вид социальных норм, отличающийся не меньшим, чем право, динамизмом, — нормы общественных организаций. Дина-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 248.

² Л. И. Брежнев, Речь на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа г. Москвы 12 июня 1970 г., «Правда» от 13 июня 1970 г. № 164.

низм (рассматриваемый абстрактно) является, видимо, общей чертой развитых систем общественного регулирования, когда такое регулирование целенаправленно осуществляется едиными организационными центрами (государством, общественными организациями). Несомненно, что высоким динамизмом будет отличаться и общественное регулирование коммунистического общества.

Социальная ценность динамизма, свойственного праву, кроется в ином. Рассматривая динамизм права, следует постоянно учитывать своеобразие правового регулирования, состоящее в первую очередь в том, что оно призвано решать долгосрочные задачи — регламентировать общественные отношения «вперед», на единых общих принципах. Право не должно немедленно регистрировать и отражать любое изменение в общественных отношениях. Во имя социального выигрыша, который получает общество от эффективного использования устойчивости и определенности нормативно-правовой формы, законодатель может пойти на известные потери, связанные с возможностью некоторого отставания правовой формы от быстро развивающихся общественных отношений (хотя в праве, как будет показано в последующем, сложились система средств, позволяющих смягчить это, в определенной степени неизбежное отрицательное следствие нормативно-правового регулирования).

Общей и главной особенностью права является его устойчивость и определенность, т. е. то, что называется стабильностью. В каждый данный момент право выступает в качестве точно определенной, стабильной нормативной системы общественного регулирования.

С этой особенностью права связаны ленинские указания об осторожности в законодательстве, о недопустимости скоропалительных, непродуманных нововведений и реорганизаций¹.

Даже те изменения в правовой системе, которые обусловлены назревшими потребностями общественного развития, нуждаются в оперативном, но в тщательном предварительном изучении, в решении подчас весьма сложных экономических, организационных и юридических проблем, касающихся многих сторон жизни социалистического об-

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 210; т. 45, стр. 132—133 и сл.

щества. Практика свидетельствует о том, что скоропалительные преобразования в правовой системе, не опирающиеся на кропотливое изучение жизненных отношений, многократную проверку, а нередко и на эксперимент, приносят вред. Напротив, когда каждый крупный законопроект принимается только после тщательной и кропотливой предварительной работы, во многих случаях проходит стадию эксперимента, повышается эффективность законодательства, его сила и авторитет.

Конечно, все это не устраняет заложенной в праве возможности оперативно реагировать на изменяющиеся потребности общественного развития и в случае необходимости «быстро и маневренно изменять законы»¹. И в современных условиях может возникнуть ситуация, когда будет нужным, как это по одному из вопросов требовал В. И. Ленин, «тотчас, с демонстративной быстротой, внести законопроект»².

Однако своеобразие права, а отсюда и его социальная ценность состоят в том, что оно способно оперативно учитывать потребности общественного развития, *сохраняя все время значение устойчивой, стабильной, нормативно-правовой системы общественного регулирования*. В этом органическом сочетании высшей нормативности и формальной определенности, с одной стороны, динамичности, способности реагировать на изменяющиеся условия общественной жизни, с другой, и заключается одно из важных достоинств права. При таком органическом сочетании «двух противоположностей» в известной степени снимаются, погашаются отрицательные последствия, которые указанные свойства (если брать их изолированно) могут вызвать к практической жизни³.

Динамизм исключает возможность превращения права в застывшую, оторванную от реальных жизненных отношений систему регулирования. В то же время свойствен-

¹ Н. В. Крыленко, Ленин о суде и уголовной политике, М., 1934, стр. 256.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, стр. 70.

³ Ю. А. Демидов в отношении уголовного права говорит о «двух сторонах» правового регулирования — изменчивости и устойчивости. Подчеркивая, что «изменчивость и устойчивость, движение и покой неразрывны в праве», он обращает внимание на то, что принципы уголовного права «отражают главным образом моменты устойчивости, стабильности...» («О закономерностях развития и принципах советского уголовного права», «Правоведение» 1968 г. № 2, стр. 79).

ные праву нормативность и формальная определенность препятствуют его неопределенности, неустойчивости, которые могли бы возникнуть при непрерывных изменениях в содержании права.

Ценность права состоит в тех своеобразных средствах и приемах, которые выражают его *приспособленность* к решающим свойствам — нормативности и формальной определенности. В иных системах социальных норм, в том числе в нормах общественных организаций, не сложились такого рода приемы и средства. Да они и не требуются, так как в этих системах нет той высокой степени нормативности и формальной определенности, которая свойственна праву и предопределяет необходимость сочетания указанных выше свойств.

3. В Советском государстве действующая процедура подготовки, принятия и опубликования законов, актов правительства, ведомственных и местных актов дает возможность без каких-либо формальных препятствий вводить в правовую систему новые нормы, изменять или отменять устаревшие¹. Конечно, тщательно регламентированная процедура подготовки проектов законов и иных нормативных актов, выраженная, в частности, в регламентах работы комиссий и правотворческих органов, является необходимой гарантией эффективности социалистической правовой системы. В этом отношении в практике работы правотворческих органов есть еще ряд нерешенных задач. Однако эта процедура не должна содержать ничего такого, что создавало бы излишние препятствия при подготовке, принятии и опубликовании нормативных юридических актов, а, напротив, должна обеспечивать по возможности быстрое реагирование на назревшие потребности общественного развития.

Для обеспечения динамизма права существенную роль играет порядок введения в действие нормативных актов, при котором опять-таки используются достоинства нормативно-правовой формы общественного регулирования. Общий принцип, определяющий действие нормативных

¹ Надо отметить, что новейшее течение в теории нормативных актов, связывающее самую трактовку данных актов с их ролью в развитии действующей правовой системы (см. А. В. Мицкевич, указ. работа, стр. 21—28), является плодотворным и потому, что учитывает значение нормативных актов в обеспечении динамизма права.

актов во времени — принцип немедленного действия — направлен как раз на то, чтобы новый нормативный акт сразу же распространялся на все существующие отношения.

Конечно, в соответствии с началами социалистической законности в большинстве случаев требуется, чтобы действие нормативного акта было связано с фактом его официального опубликования, а нередко, кроме того, с истечением определенного срока, необходимого для ознакомления с содержанием новых норм, проведением предварительных организационных мероприятий, решении вопросов, относящихся к последствиям действия прежних актов, и др. В советском обществе в условиях развитой системы связи и информации функционирует, как общее правило, порядок одновременного вступления в действие нормативных актов, согласно которому законы, постановления и другие акты Верховного Совета СССР, указы и постановления его Президиума нормативного характера вступают в силу одновременно на всей территории СССР через 10 дней после их официального опубликования¹.

Порядок одновременного вступления нормативных актов в силу имеет существенные преимущества, свойственные именно праву. Здесь «достигается большая определенность в юридическом отношении, обеспечивается одновременное и повсеместное установление одинакового правового режима в стране»².

4. Система нормативных актов, сложившаяся в социалистическом обществе, дает возможность оперативно реагировать на новые вопросы, возникающие в социальной жизни.

С обеспечением динамизма социалистического права связана структура законодательных актов. Все более утверждающийся в советской юридической литературе взгляд, согласно которому Президиум Верховного Совета СССР вправе издавать указы, имеющие законодательное значение (законодательные указы), опирается на необходимость вносить дополнения и изменения в законодательство в период между сессиями Верховного Совета. Много

¹ См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1958 г. № 14, ст. 275.

² П. Е. Н е д б а й л о, Применение советских правовых норм, стр. 284.

и не может быть при сессионной работе Верховного Совета, так как в противном случае в период между сессиями были бы закрыты возможности для срочных решений по вопросам, отнесенным Конституцией к законодательной компетенции органов государственной власти. Вот почему «нормативные указы Президиума Верховного Совета (как Союза ССР, так и союзных республик), издаваемые им по компетенции Верховного Совета, в течение определенного срока... фактически выполняют роль закона, т. е. являются законодательными актами»¹.

Динамизм права при сохранении подлежащей его стабильности обеспечивается и таким построением нормативных актов, при котором учет изменяющихся потребностей общественной жизни по вопросам, не нуждающимся в законодательных решениях, происходит путем издания подзаконных нормативных актов. Этим, помимо иных причин, объясняются, например, отсылки в гражданском законодательстве к соответствующим актам правительства, а также к ведомственным и местным актам. Речь идет не только о бланкетных нормах, но и о прямых указаниях закона на то, что данный вопрос решается при помощи подзаконных нормативных актов. В качестве одного из примеров можно сослаться на ст. 297 ГК РСФСР, в которой указывается, что «порядок предоставления общежитий и условия пользования ими определяются Советом Министров РСФСР».

Такое своеобразное распределение функций между законом и подзаконными актами обусловлено тем, что стабильность, устойчивость социалистической правовой системы обеспечивается прежде всего законами. Подзаконные акты не обладают столь большой юридической силой, как законы: они подчас действуют лишь в пределах одного ведомства (ведомственные акты) или же на строго определенной территории (местные акты). Поэтому оперативное решение отдельных вопросов в подзаконных актах не колеблет стабильности правовой системы в целом. К тому же, как показывает практика, в ряде случаев решение, первоначально данное в подзаконном акте, затем, после проверки, накопления опыта и тщательного изучения, воспринимается законодательством.

¹ «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», Госюриздат, 1962, стр. 118.

5. Своеобразие права как стабильной и в то же время динамичной системы общественного регулирования выражается также в том, что сама материя права в известной мере дает возможность учитывать некоторые изменения в общественных отношениях и без издания новых или отмены (изменения) старых норм.

Здесь прежде всего «на выручку» вновь приходит определяющее объективное свойство права — его высокая нормативность.

Нормативные обобщения, охватывая в общей формуле максимально широкий круг отношений данного вида, позволяют предусмотреть в известных пределах возможность развития этих отношений. Именно при помощи нормативных обобщений в праве осуществляется социальное предвидение. Законодатель, формулируя юридические предписания, рассчитывает и на будущее, на возможные изменения в общественной жизни. В особенности это касается крупных систематизированных нормативных актов (основ, кодексов), которые призваны регламентировать данную область общественных отношений в течение сравнительно длительного этапа развития.

Вот почему при реализации юридических норм, отличающихся высоким уровнем нормативных обобщений, оказывается необходимым толковать закон «в применении к отдельному случаю»¹. Широкие, проверенные жизнью нормативные обобщения в ряде случаев учитывают вновь появляющиеся факты общественной жизни, которые в результате социального предвидения законодатель имел в виду. Следовательно, высокий уровень нормативных обобщений не только не отрывает право от реальных жизненных отношений, но, напротив, в единстве обеспечивает и его стабильность, и его динамичность.

Действующее право обеспечивает в известной мере учет изменяющихся жизненных отношений также тем, что предоставляет в точно очерченных пределах возможность осуществлять индивидуальное регулирование компетенции государственным органам в соответствии с принципами социалистической законности.

Помимо иных причин, сохранение индивидуального регулирования (усмотрения) объясняется не только тем, что

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 67.

невозможно выразить в формальных постановлениях всю сложность жизни, но и тем, что требуется обеспечить приспособленность права к конкретным жизненным отношениям и в будущем, в условиях, когда нет необходимости или пока еще преждевременно вносить изменения в общие нормы. Прав Е. А. Фролов, утверждающий, что в социалистическом обществе «сфера использования оценочных понятий неизбежно должна быть достаточно широкой, ибо законодатель ... объективно не способен всегда своевременно учесть все изменения и внести соответствующие коррективы в общеобязательные нормы поведения»¹.

Есть еще один способ, обеспечивающий динамизм права, — применение его по аналогии. На современном этапе развития социалистического общества аналогия применяется в ограниченных пределах. Она исключена из области уголовного права. Утверждая строгую формальную определенность, законодатель в области уголовного права пошел на некоторые потери, связанные с такого рода формализацией, во имя строгого и непреклонного проведения принципов социалистической законности. Вместе с тем в других отраслях и в первую очередь в области гражданского права аналогия, предусмотренная ст. 12 Основ гражданского судопроизводства СССР и союзных республик, призвана обеспечить применение общих норм к развивающимся общественным отношениям и тем самым содействовать проявлению инициативы со стороны участников гражданского оборота².

При аналогии правотворческий орган не заменяет законодателя, а, действуя в рамках правоприменительного процесса, приспособливает действующее право к таким жизненным отношениям, которые законодатель не имел в виду.

Следовательно, институт аналогии — это специфический способ применения права, направленный на решение конкретных жизненных случаев в соответствии с волей законодателя и обеспечивающий в рамках законности и стабильности права учет новых фактов, находящихся, в общем, в сфере правового регулирования.

¹ Е. А. Фролов, указ. статья, стр. 155.

² См. С. В. Полеина, Аналогия в гражданском праве, «Советское государство и право» 1969 г. № 5, стр. 29.

6. Проблема динамизма права связана с вопросом о роли судебной (юридической) практики в процессе правового регулирования.

В последние годы в советской юридической литературе высказан взгляд, согласно которому судебная (юридическая) практика служит не только основой для теоретических обобщений, а отсюда базой для выработки рекомендаций по совершенствованию законодательства, но и средством, которое, не ломая стабильности законодательства, способно обеспечить его применение с учетом особенностей конкретных общественных отношений и, следовательно, придать праву более динамичный характер.

По мнению А. Б. Венгерова, в судебной практике вырабатываются *правоположения*, т. е. правила, являющиеся прообразом будущей правовой нормы¹. С еще более широких позиций подходят к правоположениям А. Безина и В. Лазарев, полагающие, что деятельность судебных органов по конкретизации закона является вполне оправданной, причем она не сводится к одному лишь толкованию юридических норм, а выражается в выработке правоположений, которые, хотя и не могут быть поставлены на одну плоскость с юридическими нормами, тем не менее вносят в правовое опосредствование общественных отношений новые элементы². Необходимость конкретизации юридических норм и как следствие этого существование правоположений признаны и рядом других авторов (например, В. П. Реутовым³).

Наличие такого рода правоположений в действующем советском праве — несомненный факт. Даже в случаях, когда в актах судебных (юрисдикционных) органов нет

¹ См. А. Б. Венгерова, Роль судебной практики в развитии советского права, автореферат канд. дисс., М., 1966, стр. 10.

² См. А. Безина, В. Лазарев, Конкретизация права в судебной практике, «Советская юстиция» 1968 г. № 2, стр. 6—7. Отмечая, что «конкретизацией норм в правоприменительный процесс сам становится объект применения», авторы пишут: «При конкретизации... существующие правила преобразуются в более детальные, более усовершенствованные, более «подготовленные» для применения к данному типу своеобразных обстоятельств» (там же, стр. 6).

³ См. В. П. Реутов, Юридическая практика и развитие законодательства, автореферат канд. дисс., Свердловск, 1968, стр. 14—15.

прямых формулировок, толкующих закон или же посвященных определенным правилам, они в какой-то степени выражают сложившееся на практике в данный момент понимание законодательства. И это создает определенную атмосферу в юрисдикционной деятельности, вырабатывает в правосознании известные критерии, которые в совокупности и выражают «судебную практику». Еще более наглядна реальность складывающихся на практике правоположений в случаях, когда в актах судов второй инстанции и актах судебного надзора дается прямое разъяснение законов и других нормативных юридических актов. Что же касается правоположений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР, то они опираются на прочные легальные основания, поскольку в соответствии с п. «в» ст. 9 Положения о Верховном Суде Союза ССР Пленум уполномочен на то, чтобы давать «руководящие разъяснения» судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел.

Словом, наряду с юридическими нормами, выраженными в нормативных юридических актах компетентных органов, существует весьма специфическая, подвижная и гибкая сфера правовой реальности, имеющая важное значение при решении юридических дел.

Однако признание этого факта не освобождает от постановки по крайней мере двух вопросов. Во-первых, насколько существование правоположений, складывающихся в судебной (юридической) практике, а отсюда и их признание наукой соответствует требованиям социалистической законности? А во-вторых, какова природа правоположений, что они представляют собой с точки зрения общих юридических категорий?

Казалось бы, в идеале следует стремиться к тому, чтобы все потребности общественной практики, в том числе и судебной (юридической), через четко отработанный механизм «обратной связи» сразу же получали отражение в нормативных юридических актах, издаваемых компетентными правотворческими органами. Если подходить к проблеме с этих позиций, создается впечатление, что в судебной практике не должны вырабатываться какие-либо правоположения, которые конкретизировали бы общие юридические нормы. Но все дело в том, что создание такого идеального механизма «обратной связи» едва ли возможно, да и нецелесообразно.

Прежде всего проблема несколько прояснится, если более точно очертить пределы, в которых допустима и, думается, целесообразна выработка в судебной практике правоположений. Речь идет не о дополнениях к действующей правовой системе, не о новых нормативных решениях (если и сейчас Пленум Верховного Суда иногда формулирует дополняющие положения, то такого рода деятельность не основана на законе, носит вынужденный характер, связана с известным отставанием законодательства и с точки зрения законности не может быть признана целесообразной). Правоположения — это результат осмысления и приложения общих норм к своеобразным фактическим обстоятельствам; по сути дела они являются непосредственным продолжением законов, логическим выводом из их содержания применительно к данным фактическим отношениям.

При таком подходе и обнаруживается неизбежность и целесообразность выработки в ходе судебной практики определенного комплекса правоположений. С. Н. Братусь убедительно показал, что «норма права (если она сформулирована не казуистично) — это такое общее правило, которое неизбежно в своем применении конкретизируется в других, подчиняющихся этой норме правилах. Чем абстрактнее норма права..., тем большее количество отношений и жизненных ситуаций она охватывает. Такая норма зачастую не может быть непосредственно применена к конкретному жизненному случаю. Она нуждается для этого в опосредствовании другими нормами, являющимися также общими, но более детализированными нормами»¹. Подобный же взгляд отстаивает А. Б. Венгеров: «Способ регулирования общественных отношений при помощи масштабов (мер), общих правил поведения порождает и такое неотъемлемое свойство права, как конкретизация права. Нормативность и конкретизация — две диалектически взаимосвязанные стороны, характеризующие правовой способ регулирования общественных отношений»². В результате повышения уровня нормативных обобщений в процессе применения общих норм возникает необходи-

¹ «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», стр. 152.

² А. Б. Венгеров, О применении конституционных норм судебными органами СССР, «Советское государство и право» 1969 г. № 10, стр. 44.

мость конкретизировать их содержание с учетом своеобразия данных фактических обстоятельств. В ходе практики постепенно вырабатываются определенные модели, образцы, типовые решения известной категории дел. Однако не все решения по применению законодательства оказываются готовыми для того, чтобы их можно было сразу включить в общие нормы. Нередко здесь нужна длительная отработка непосредственно на практике. Да и не все правовоположения в силу их частного и подвижного характера нуждаются в том, чтобы их закреплять в общих нормах. Лишь после более или менее длительной проверки жизнью, судебной практикой выясняется, какие из правовоположений нуждаются в дальнейшем развитии и закреплении в общих юридических нормах.

В данной области наглядно видна своеобразная цепочка, по которой нередко идет формирование общих норм: правовоположения, которые начинают складываться при вынесении конкретных решений по юридическим делам, затем формулируются в ведомственных актах или актах центральных юрисдикционных органов и, наконец, воспринимаются системой общих норм¹.

Обратимся теперь к вопросу о природе правовоположений.

Правовоположения в строгом смысле слова, т. е. в смысле особых правовых явлений, отличных от юридических норм (нормативных предписаний), — это лишь те «проборазы» конкретизирующих норм, которые в качестве результатов казуального толкования в скрытом виде или в виде прямых разъяснений содержатся в решениях по конкретным делам.

Каждое решение по юридическому делу, вынесенное в соответствии с требованиями социалистической законности, является не только результатом формально-логической операции, но и творческим актом юрисдикции. В нем

¹ В. П. Реутов, проведший развернутое исследование такого движения правовоположений, отмечает: «Общим и для правовоположений, созданных в ходе судебной практики, и для положений, содержащихся в ведомственных нормативных актах, является то, что они выступают в качестве специфического промежуточного этапа на пути усвоения законодательством правил, сложившихся в процессе юридической практики» («Стадии воздействия юридической практики на развитие законодательства», «Правоведение» 1970 г. № 3, стр. 118).

нередко как бы «спрятан» образец (модель) приложения общих норм к данным фактическим отношениям. В решениях же второй и надзорной инстанций он иногда формулируется как самостоятельное разъяснение. Существование этих правоположений реально выражается в факте их воздействия на решение юридических дел, а с внешней стороны — в возможности самостоятельного их словесного формулирования, что и наблюдается в актах по конкретным делам второй и надзорной инстанций, а также в заголовках решений по таким делам в сборниках судебной практики. Стало быть, существование правоположений, характеризующих творческую сторону применения права, и определяет социальную научную и непосредственно юридическую ценность судебной и иной юридической практики.

Надо иметь в виду, что правоположения вырабатываются правоприменительными (юрисдикционными) органами, т. е. органами, наделенными государственно-властными полномочиями. Наличие у данного органа государственно-властных функций предопределяет возможность известного (в пределах закона) влияния на правовую материю. К тому же не случайно правоположения складываются в деятельности судебных органов. Здесь проявляется значение суда как органа правосудия. Приспособленность судебных органов к деятельности, обеспечивающей достижение истины по юридическим делам, последовательную защиту субъективных прав, придает вырабатываемым этими органами правоположениям большую юридическую весомость и социальное значение.

Вопрос о природе правоположений нуждается в дальнейшем изучении. Можно предположить, что они представляют собой специфические правовые образования, являющиеся «сгустками» социалистического правосознания *на грани* их перерастания в юридические нормы. В этом отношении оправданно квалифицировать их в качестве «прообразов» юридических норм.

Иначе должен быть решен вопрос о природе правоположений, содержащихся в нормативных постановлениях центральных юрисдикционных органов, в частности постановлений Пленума Верховного Суда СССР. Здесь то, что при обобщенной характеристике называется «правоположениями», на самом деле является *конкретизирующими юридическими предписаниями* (юридическими

нормами), имеющими подзаконный характер. Тут указанная выше грань уже пройдена. Конечно, нельзя ставить конкретизирующие нормы, содержащиеся в нормативных актах Пленума Верховного Суда, на одну плоскость с нормами закона. Они лишь обобщают судебную практику, являются следующим шагом в сложном процессе становления общих норм, выполняя в каждый данный момент функцию по объединению и направлению конкретизирующей деятельности судов. Эти нормы на основании закона складываются в практике и для практики. Но, как бы то ни было, они представляют собой именно нормы, юридические предписания¹.

В литературе была предпринята попытка выделить конкретизирующие акты юрисдикционных органов в особую группу, обособить их от актов толкования². Такое теоретическое построение, оправдывающее возможность выхода постановлений судебных органов за рамки общих норм, не согласуется с требованиями социалистической законности. Более правильным представляется иной путь решения проблемы.

Общеобязательное разъяснение юридических норм, т. е. нормативное толкование, *не может быть не чем иным, кроме как конкретизирующим нормативным предписанием*. И. Е. Недбайло совершенно справедливо обратил внимание на то, что толкование законов может происходить путем издания других, более конкретных норм³. С еще большей определенностью данная мысль проведена Имре Сабо⁴. К этому нужно добавить лишь одно: нормативное толкование только и может быть выражено в других, более конкретных юридических нормах.

Предложенная трактовка нормативного толкования, разумеется, требует, чтобы был несколько изменен взгляд на характер результатов толкования. Эти результаты, бу-

¹ Теоретическое положение о наличии в постановлениях пленумов Верховных судов конкретизирующих норм, связанных с толкованием, обстоятельно обосновано С. И. Братусем (см. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», стр. 151 и сл.)

² См. А. Безица, В. Лазарев, указ. статья, стр. 6—7.

³ См. И. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм, стр. 488.

⁴ См. Имре Сабо, Социалистическое право, «Прогресс», 1964, стр. 362 и сл.

лучи продолжением и выводом из юридических норм, имеют относительно самостоятельное значение.

Нормативное разъяснение состоит не только в общеобязательном толковании оценочных понятий, терминов (дефинитивные нормативные предписания), но и в формулировании более конкретных регулятивных предписаний, являющихся логическими выводами из нескольких связанных между собой общих норм¹.

Следовательно, конкретизирующие нормативные предписания и правоположения, складывающиеся в ходе судебной (юридической) практики, являются лишь результатом нормативного или казуального толкования общих норм социалистического права, в том числе и заложенных в них принципов. Только при таком подходе оказывается возможным объяснить в соответствии с требованиями социалистической законности роль нормативных предписаний, содержащихся в постановлениях пленумов Верховных судов, а также всей судебной практики в обеспечении динамизма права, его способности учитывать конкретные обстоятельства развивающихся общественных отношений. Вместе с тем при подобном подходе определяются и объективные рамки, объективные границы, в которых право, не изменяясь по содержанию, благодаря судебной практике оказывается в какой-то мере динамичным. Конкретизирующие нормы и правоположения, складывающиеся в ходе применения права, не могут выходить за пределы общих норм. Если же конкретизирующие нормы и правоположения начинают затрагивать содержание общих норм или возникает необходимость не просто внести новый элемент в правовое регулирование, а дать новое решение в этом регулировании, или конкретизирующая норма вырастает в самостоятельное общее правило, то каждый из указанных случаев является объективным показателем того, что динамизм права может быть обеспечен лишь преобразованиями в общих юридических нормах, осуществляемыми компетентными правотворческими органами.

¹ Помимо прочего, предложенное решение вопроса о нормативном толковании позволяет более точно определить природу интерпретационных актов. Они образуют не нечто «третье» (наряду с нормативными и индивидуальными актами), а особую разновидность нормативных актов. Возражения А. С. Пиголкину по данному вопросу, высказанные в книге «Общая теория социалистического права» (вып. III, стр. 208), в связи с этим отпадают.

*Свойства права и механизм правового регулирования.
Субъективное право*

1. Если право как специфическое общественное явление складывается из норм (правовых предписаний), то действие права, его воплощение в реальных жизненных отношениях связано с целой системой правовых средств, входящих в правовую надстройку. — правоотношениями, индивидуальными актами и др.¹ Функционирование механизма правового регулирования обеспечивает «перевод» свойств права в организованность общественных отношений — их упорядоченность, определенность, устойчивость и динамичность.

Свойства права в полной мере проявляются и осуществляются в системе *всего механизма* правового регулирования.

Такое определяющее свойство права, как его нормативность, присущее юридической основе механизма правового регулирования, раскрывается лишь при помощи нормативных юридических актов.

Да и вообще внешняя форма права — нормативные акты — является в известном смысле универсальной: с ее помощью выражается и осуществляется ряд свойств права — нормативность, формальная определенность, динамизм.

Некоторые свойства права в процессе правового регулирования не только материализуются, воплощаясь в ту или иную сторону организованности общественных отношений, но и как бы обогащаются, обнаруживаясь в полной мере лишь на определенной стадии.

С этой точки зрения следует прежде всего указать на диалектику воплощения в реальных жизненных отношениях формальной определенности права.

Даже при достаточно развернутой нормативной регламентации всех сторон данного общественного отношения полная определенность наступает после того, как на основе юридических фактов складывается правовое отношение — необходимое звено механизма правового регулиро-

¹ Эта сторона проблемы рассматривалась мной в книге «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» («Юридическая литература», 1966). Поэтому к ней нет необходимости возвращаться в настоящей работе.

вания. Ведь значение правоотношений в этом механизме заключается в том, чтобы перевести, переключить общие правовые предписания в плоскость конкретных прав и обязанностей. При таком переключении точно очерчивается круг лиц, которые становятся носителями субъективных юридических прав и обязанностей, конкретно фиксируются для данных лиц рамки, в пределах которых они должны строить свое поведение. Правоотношение, следовательно, индивидуализирует общие предписания права, вносит необходимую определенность в круг субъектов, «прикрепляет» к ним конкретные субъективные права и обязанности.

Если же закон предоставляет правоприменительным органам возможность индивидуального регулирования (усмотрения), то необходимая определенность может быть достигнута только на стадии правоотношения, на которой данный орган в соответствии со своей компетенцией точно устанавливает субъектов, конкретизирует их права и обязанности и др. Аналогична картина и в тех случаях, когда субъектам предоставлена возможность «саморегулирования» — установления своих прав и обязанностей путем вступления в договоры или даже путем совершения односторонних сделок (например, при наследовании по завещанию). И здесь нужная определенность наступает лишь на стадии правоотношения.

Весьма характерны под рассматриваемым углом зрения уголовноправовые отношения. В литературе был высказан взгляд, согласно которому уголовноправовые отношения возникают только после вынесения судом обвинительного приговора. Автор этой теоретической позиции В. Г. Смирнов, обосновывая такое положение, ссылался, в частности, на то, что до вынесения обвинительного приговора отношения между преступником и компетентными органами государства лишены необходимой определенности; поэтому, по мнению В. Г. Смирнова, их нельзя считать правовыми, так как «важнейшим признаком любого правоотношения является наличие строго определенных и реальных прав и обязанностей у его сторон»¹. Между тем своеобразие уголовных правоотношений в том и состоит, что

¹ В. Г. Смирнов, *Функции советского уголовного права* (предмет, задачи и способы уголовноправового регулирования), автореферат докт. дисс., изд-во ЛГУ, 1965, стр. 13.

они в момент совершения преступления возникает в еще не полностью сформированном виде. Суд, вынося обвинительный приговор, не только устраняет известную неопределенность в субъектах правоотношений, но и конкретизирует в соответствии с индивидуальными особенностями данного дела меру наказания и тем самым обеспечивает необходимую определенность также содержанию прав и обязанностей субъектов.

Значение правоотношений как такого элемента механизма правового регулирования, который доводит до необходимой степени определенности складывающихся общественных отношений, устраняя в ряде случаев ее формальный характер, проявляется в видах и типах правовых связей. Это касается, в частности, и всеобщих правовых связей, включая те, которые выражают политические конституционные права и свободы граждан социалистического общества. Из того обстоятельства, что политическими конституционными правами и свободами пользуются все совершеннолетние граждане, не следует, что правоотношения здесь не вносят необходимой определенности. Субъектами государственно-правовых отношений являются все граждане, но именно граждане СССР. «Все» в данном случае означает строгую определенность по субъектам, выраженную в соответствии с особенностями государственного права.

Такое свойство права, как принудительность, реально обнаруживается, да и то далеко не всегда, только на одной из завершающих стадий процесса правового регулирования. Как общее правило, принудительность лишь подкрепляет свойства права, придавая ему характер властной, общеобязательной системы нормативно-правового регулирования. В этой плоскости для него характерна возможность государственного принуждения. Реально же принудительность права выражается в актах применения, совершаемых компетентными государственными органами в случаях, когда юридические обязанности не исполняются добровольно, возникли препятствия в осуществлении субъективных прав или же правовые предписания вообще могут быть осуществлены только путем применения права (например, налоговые, пенсионные и некоторые другие нормативные предписания).

Такое особое положение принудительности среди свойств права позволяет более точно определить социаль-

ную ценность права (значение которого по большей части непосредственно не связано с применением государственного принуждения), а также выяснить перспективы использования нормативно-правовой формы общественного регулирования в условиях, когда фактическая необходимость применения мер государственного принуждения неуклонно сокращается. Эта сторона проблемы будет рассмотрена в заключительном разделе работы, но предпосылки ее решения надо видеть как раз в том, что свойство принудительности реально обнаруживается (причем не всегда) лишь на одной из завершающих стадий процесса правового регулирования.

2. Отдельные элементы механизма имеют свои, специфические свойства и, следовательно, обладают самостоятельной ценностью в организации социалистических общественных отношений.

Существенное значение принадлежит свойствам *субъективного права*. Субъективное право (как и субъективная юридическая обязанность) относится к тому звену механизма правового регулирования, которое выражает действие юридических норм, т. е. к сфере правоотношений. В советской юридической литературе долгое время субъективное право без каких-либо оговорок рассматривалось в нераздельной связи с юридической обязанностью. В последние годы известное распространение получил взгляд, согласно которому субъективные права существуют (или могут существовать) вне правоотношений.

Несмотря на настойчивые усилия ряда ученых-юристов (М. С. Строговича, Л. С. Явича и других), думается, так и не удалось убедительно доказать, что субъективные права могут существовать вне правоотношений. В соответствии с требованиями марксистской методологии каждое явление общественной жизни необходимо рассматривать как общественное отношение. Субъективное право вне правоотношения — «социальный поль». Его общественная и юридическая природа в этом случае не могут быть поняты. В реальной жизни нет субъективного права (как *юридического явления*), если оно не «право» по отношению к кому-либо и в то же время так или иначе не связано с юридическими обязанностями.

Однако обсуждение вопроса о том, существуют ли субъективные права вне правоотношений, хотя и не при-

вело к отказу от ранее принятых воззрений, все же существенно обогатило научные представления о правоотношениях, а главное послужило толчком для нового подхода к проблеме субъективного права.

Прежде всего стало совершенно очевидным, что нельзя сводить все многообразие правоотношений к одной разновидности, типичным примером которой являются обязательственные правоотношения в гражданском праве, где юридические возможности управомоченного ограничены правом требования к обязанному лицу и где лица взаимодействуют друг с другом. Правоотношения — это разнообразные правовые связи, в соответствии с которыми одни субъекты находятся в определенном отношении с другими субъектами. К числу правоотношений принадлежат и общие связи, характерные для государственного права, где носители субъективных конституционных прав в силу самого факта обладания ими находятся в правовом состоянии, определяющем их отношение ко всем другим субъектам, обществу, государству. Весьма своеобразны правоотношения собственности, характеризующие правовое положение носителя права собственности и в то же время каждого другого субъекта, обязанного не нарушать правовое положение управомоченного независимо от того, где он находится, какую вещь имеет в собственности и знают ли они друг о друге¹.

Не случайно в последнее время по данному вопросу в литературе обычно говорится не о правоотношениях вооб-

¹ Очевидно, многие разногласия по вопросу о субъективном праве будут сняты, если признать, что правоотношения выступают не только в виде полностью индивидуализированных связей, но и в виде *состояний*, выражающих положение данного лица по отношению к другим лицам, обществу, государству. К сожалению, это обстоятельство не принимается во внимание рядом авторов, которые под правоотношением понимают только правовую связь, строящуюся по модели обязательственного отношения в гражданском праве. Поэтому, когда М. С. Строгович приводит пример с покупкой авторучки в Москве, что как будто бы с точки зрения критикуемой им концепции означает вступление покупателя авторучки в бесчисленное множество правоотношений с каждым гражданином СССР, то это действительно вызывает недоумение (см. «Основные вопросы советской социалистической законности», стр. 173). Но все дело в том, что автор мыслит категориями полностью индивидуализированных правовых связей, тогда как правоотношения собственности представляют собой особые, общие правоотношения, выраженные в определенном *состоянии* субъекта по отношению ко всем другим лицам.

ще, а лишь о том, что субъективные права существуют вне конкретных правоотношений. С такой позицией можно согласиться, тем более ряд авторов, отстаивающих взгляд о существовании субъективных прав вне правоотношений, признают, что и в этом случае существуют общие и абсолютные юридические связи¹. Но связь — и есть отношение. Стало быть, как это нередко бывает, проблема приобрела значение спора о терминах, в частности о том, можно ли называть всякую правовую связь правовым отношением — вопрос уже не столь принципиальный, если признать многообразие правовых связей (правоотношений) и то, что среди них особое место занимают такие полностью индивидуализированные правовые связи, где субъекты взаимодействуют между собой².

Другим важным положительным следствием научного обсуждения рассматриваемой проблемы явилось признание того, что субъективное право играет в механизме правового регулирования специфическую и в известной степени самостоятельную роль. Собственно говоря, попытки вывести субъективное право из пределов правоотношений и объяснить тем, что его значение оказалось невозможным охарактеризовать лишь в рамках понятия «элемент правоотношения». Несомненно, прав Л. С. Явич, когда пишет, что проблема субъективных прав «должна решаться в известной мере самостоятельно и более широко»³. Заслуживает поддержки и отстаиваемое М. С. Строговичем положение о том, что сведение субъективных прав только к элементу конкретных правоотношений снижает, преуменьшает их значение⁴.

¹ См., например, Н. В. Витрук, Субъективные права советских граждан и их развитие в период строительства коммунистического общества, автореферат канд. дисс., Киев, 1963, стр. 5.

² Подробное обоснование взгляда о наличии разнообразных правоотношений и анализ литературы по этому вопросу см. И. И. Матузов, Субъективные права граждан СССР, Саратов, 1966, стр. 47—72.

³ Л. С. Явич, Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, Госюриздат, 1961, стр. 117.

⁴ См. М. С. Строгович, Развитие прав личности в период строительства коммунизма, кн. «Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства», Саратов, 1962, стр. 16—17; его же. Основные вопросы советской социалистической законности, стр. 177—178. По справедливому мнению П. Е. Недбайло, «субъективное право не сводится... к правопритязанию управомоченного субъекта»

В чем суть вопроса? Субъективное право немислимо вне правовых связей (правоотношений). Однако *по своему содержанию* оно нередко выходит за пределы того, что находится *внутри* правоотношения.

Только в правоотношениях, соответствующих по своему типу обязательствам гражданского права, т. е. правоотношениях активного типа, юридические возможности управомоченного не выходят за пределы внутреннего содержания правовой связи; они выражены лишь в праве требования, управомоченного, обращенном к обязанному лицу.

Иной характер носят правовые возможности управомоченного в правовых связях, выражающих конституционные права граждан, право собственности и др., т. е. в правоотношениях пассивного типа. Здесь юридические возможности управомоченного уже не исчерываются возможностями требовать от всех лиц воздержания от действий, сохранения данного правового состояния. Да и сами обязанности в правоотношениях данного типа играют вспомогательную, оградительную и в этом смысле пассивную роль. Главное состоит в возможности совершения управомоченным *определенных положительных действий*, т. е. в мере поведения самого управомоченного¹. В данном случае субъективное право в значительной степени выходит за пределы внутреннего содержания правоотношения, дает простор и определяет рамки для собственного поведения управомоченного. Удовлетворение интереса управомоченного и достигается при помощи его собственных действий, а не при помощи положительных действий обязанного лица².

конкретных правоотношениях» («Повышение роли права в период развернутого строительства коммунизма», «Правоведение» 1961 г. № 4, стр. 18).

¹ Несомненная заслуга в разработке положительного содержания субъективного права принадлежит С. П. Братусю, который впервые в советской юридической литературе определил субъективное право как меру возможного или дозволенного поведения самого управомоченного («Субъекты гражданского права», Госюр-издат, 1950, стр. 9—23).

² Указанное принципиальное различие в «механизме» удовлетворения интересов управомоченного определяет решающий момент в разграничении двух типов правоотношений — активных и пассивных, в своем наименовании отражающих наиболее яркую для них черту — несет ли обязанное лицо активные или пассивные обязанности. Более подробно различие между указанными

Думается, что самое понятие «субъективное право» сложилось главным образом для характеристики такого рода правовых возможностей управомоченного. Субъективное право в строгом смысле слова есть нечто большее и значимое, чем просто «право требования», это — право «на что-то», т. е. имеющее известный наличный объект, которым можно обладать, пользоваться. Вот почему субъективное право имеет самостоятельную ценность. В этом смысле, несомненно, справедлива позиция М. С. Строговича, который применительно к правам граждан пишет: «Субъективное право — очень богатое и содержательное понятие, и его сущность заключается в обеспеченной законом возможности пользоваться и распоряжаться материальными и духовными общественными благами, ценностями, пользоваться свободой в обществе, определять на основе закона свои действия и действия других людей. Именно поэтому борьба за права есть борьба за улучшение положения людей в обществе, за их более широкий доступ ко всему тому, что в области экономической, политической и культурной достигнуто совокупными усилиями людей»¹. Самостоятельная ценность субъективного права основана на его определяющем свойстве, выраженном в том, что оно представляет собой *юридические возможности*, точнее, меру возможного и дозволенного поведения *самого управомоченного*. Поэтому свойства субъективного права позволяют в процессе правового регулирования обеспечивать не просто порядок и организованность общественных отношений, а такой порядок и организованность, которые связаны с развитием *самостоятельности, инициативы и свободы* в их конкретно-классовом содержании, обусловленном системой социально-классовых отношений.

Объективные процессы развития социалистического общества таковы, что они предполагают все более широкое использование возможностей, заложенных в субъективных правах, для организации социалистических общественных отношений. Этому требует развертывание начал матери-

типичи правоотношений рассмотрено мной в работах «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» (стр. 131—136); «Общая теория социалистического права» (вып. II, 1964, стр. 60—62).

¹ М. С. Строгович, Основные вопросы советской социалистической законопости, стр. 170—171.

альной заинтересованности в хозяйстве, развитие социалистической демократии и некоторые другие объективные процессы, о которых пойдет речь в следующей главе. Широкое использование достоинств правовой формы общественного регулирования в рассматриваемом отношении важно и с точки зрения перспективы строительства коммунизма, дальнейшего развития прав и свобод трудящихся, дальнейшего утверждения величайших моральных и человеческих ценностей, рожденных социализмом.

Известное самостоятельное значение в механизме правового регулирования имеют и другие правовые явления. К ним относятся, в частности, *юридические обязанности*. Выражая категорическую необходимость определенного поведения, они способны обеспечить выполнение лицом своего долга, утвердить общие моральные запреты, гарантировать строгую общественную дисциплину.

Юридические обязанности, как и субъективные права, невозможны, немислимы вне правовых связей. Поскольку перед нами юридическая обязанность, она неизбежно предполагает наличие возможности требовать ее исполнения. Однако ряд обязанностей, в частности общих конституционных, а также выражающих общие запреты, имеет известное самостоятельное значение. С. Ф. Кечекьян правильно поэтому отмечал, что многие обязанности существуют не только «ради субъективного права»¹ (хотя это обстоятельство, вопреки мнению автора, вовсе не означает возможности существования юридических обязанностей вне правоотношений).

* * *

Объективные свойства права определяют его реальную ценность. Они обуславливают возможности права в организации общественной жизни, его роль в обеспечении нормального функционирования и развития общественного организма в рамках данных социально-классовых отношений.

Основные черты ценности социалистического права определяются особенностями социалистической формации, закономерностями ее развития при переходе к коммунизму. Этой стороне проблемы посвящена третья глава.

¹ См. С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, изд-во АН СССР, 1958, стр. 61.

Глава третья

Основные черты социальной ценности права в советском обществе

Содержание права и его социальная ценность

1. Характеризуя ценность права в социалистическом обществе, необходимо исходить из указания К. Маркса о том, что «форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания»¹.

Глубокий теоретический смысл этого положения состоит в том, что право как ценность выступает в качестве формы *определенного* содержания.

Свойства права не есть нечто абсолютное, неизменно откуда взявшиеся возможности. Они исторически сложились в связи со строго определенными объективными процессами и в соответствии с этим существуют в качестве свойств конкретных исторически определенных социальных явлений².

Как уже отмечалось, самостоятельное, обособленное рассмотрение отдельных свойств права возможно лишь в процессе теоретической абстракции. Таким путем в предшествующем изложении и анализировались нормативность права, его формальная определенность, принудительность и динамизм, а также свойства элементов меха-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 159.

² А. Е. Фурман отмечает, что «органическая связь существенных свойств, характеризующая специфику той или иной материальной системы, складывается в процессе ее формирования и развития» (указ. работа, стр. 182).

призма правового регулирования. Реально же эти свойства не только органически связаны между собой, выражают функционирование права как единой органичной системы, но — что самое главное — служат определенному содержанию. Они потому и приобрели отмеченные в предшествующей главе особенности (высокая нормативность, формальная определенность и др.), что содержание права «потребовало» именно таких свойств.

Конечно, возможно использование государством отдельных свойств права в целях, не согласуемых с особенностями его содержания. Реакционные, антинародные политические режимы в условиях эксплуататорского общества нередко намеренно используют правовые формы для того, чтобы прикриты, замаскировать произвол господствующего класса фасадом «права» и «законности». Однако при таком использовании право фактически «работает» лишь в той мере, в какой его необходимость объективно обусловлена реальными потребностями общественного развития, прежде всего экономическими причинами, надобностью в обеспечении известного общего порядка и др. В остальном же использование государством свойств права, не согласуемых с особенностями имманентно присущего ему содержания, представляет собой, по словам К. Маркса, «законодательный произвол»¹. Именно тогда право лишается «всякой ценности», превращается в «одну только пустую маску»².

2. Единое по своей классовой основе содержание права выражает фактические отношения через призму специфического содержания (в частности, через призму присущих ему правовых принципов), что и характеризует его не просто как волю господствующего класса, а как волю, возведенную в закон. Это придает государственной воле правовую окраску, позволяет выразить фактические отношения в формах, присущих специфическому содержанию права и, следовательно, придать им черты, которые характерны для воли, возведенной в закон.

Исходные факторы, предопределяющие существование и развитие права как классового регулятора общественных отношений, коренятся в условиях классового общества, в необходимости использовать политические

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 163.

² См. там же, стр. 159.

средства воздействия для осуществления классовых задач. В советском обществе после полной и окончательной победы социализма исходной социально-политической основой общеправового права является его антиэксплуататорская природа, необходимость обеспечить достижение конечной задачи рабочего класса и всех трудящихся — построение коммунизма.

Вместе с тем для существования и развития права как *специфического* регулятора, в котором воля господствующего класса «возведена в закон», нужны особые факторы. Правда, они тоже так или иначе выражают отдельные стороны и проявления классового общества, известные предпосылки и результаты его развития. Но это — все же особые факторы, которые к тому же при определенных исторических условиях (как и произошло при социализме) могут приобрести существенное самостоятельное значение.

Эти особые факторы, предопределяющие специфическое содержание права, носят экономический, политический и этический характер.

С экономической стороны право связано с развитием производства и обращения.

Само по себе развитие производства и обращения продуктов труда не обуславливает необходимости права, его особого правового содержания.

Внимательный анализ «Капитала» показывает, что К. Маркс рассматривал право как общественное отношение, которое с неизбежностью обусловлено положением товаропроизводителей — их известной автономией, независимостью, самостоятельностью. Характерной чертой положения товаропроизводителей является их внешняя независимость друг от друга и более того выступление в качестве «свободных личностей»¹.

Конечно, было бы неверным непосредственно «привязывать» все право к товарному производству (в этом состоит коренной недостаток «меновой концепции права», развивавшейся в 20—30-х годах Е. Б. Пашуканисом). Социально-классовой первопричиной права является классовое общество; на формирование права влияют и многие другие факторы. Но все же его специфику как «права» следует искать прежде всего в особенностях товарного

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 407.

производства и обращения. И, очевидно, главное здесь состоит в том, что товарное производство и обращение выделило *свободную личность*, обладающую автономными правами, известной самостоятельностью и независимостью¹.

Общественное же регулирование, выражающее волю экономически господствующего класса, неизбежно должно считаться с такого рода ситуацией — особенностями отношений, в которых выступают личности. Отсюда и формируются свойства права — его высокая нормативность, формальная определенность, а также своеобразие самого содержания регулирования, связанного с той или иной степенью самостоятельности, независимости и свободы личностей².

С политической стороны право в первую очередь связано с необходимостью придать государственной воле общеобязательное значение. Право для государства является наиболее целесообразным и эффективным средством, при помощи которого последнее во многих случаях добивается быстрого и всеобъемлющего осуществления своих функций.

Значение права для государства становится тем более необходимым потому, что государственные органы вынуждены в соответствии с особенностями социально-экономических условий вести «общие дела», вытекающие из природы всякого общества.

Однако сама по себе деятельность государства не может рассматриваться в качестве специфического фактора, который предопределяет необходимость права, его особое

¹ Л. С. Мамут показал, что для К. Маркса право в обществе товаропроизводителей — это вырастающее из экономического строя отношение, которое складывается между свободными и автономными личностями и отличительными чертами которого служат абстрактность, равенство сторон, волевой характер (см. «Вопросы права в «Капитале» К. Маркса», «Советское государство и право» 1967 г. № 12, стр. 4).

² Л. С. Мамут, однако, пришел к выводу, что нормативность права не имеет столь существенного значения, которое придают ему многие правоведы. В этом Л. С. Мамут едва ли прав. Он сам подчеркивает такую важную черту права, как абстрактность, способность быть оболочкой иных общественных отношений, «нейтральность» к содержанию отношения (см. там же, стр. 6). Но данные особенности и свойства права выражаются как раз в его нормативности. В дальнейшем автор отмечает значение нормативности (см. там же, стр. 8—9).

правовое содержание. Во многих случаях государство (хотя и с существенными потерями) может обходиться без права, а реакционные, антинародные режимы в эксплуататорских обществах неизбежно отказываются от начала законности, становятся на путь беззакония и произвола.

Значение специфического фактора, предопределяющего существование и развитие права, его особое правовое содержание, принадлежит началам *демократии*, утверждению субъективных политических прав и свобод. В конечном счете и этот фактор исторически в значительной мере связан с товарным производством и обращением. В эксплуататорском обществе формальное равенство субъектов, политические права и свободы являются своеобразной проекцией требований товарного хозяйства на область политики. Но демократические институты в классовом антагонистическом обществе имеют также самостоятельное политическое значение, выражающее общественный прогресс, революционные завоевания трудящихся.

Конечно, диктаторские, открыто антинародные режимы используют правовую форму регулирования. В праве эксплуататорских государств закрепляются антидемократические принципы и установления. Относительная самостоятельность правовой формы дает значительный простор для ее широкого использования в рамках различных политических систем. Вместе с тем несомненно и то, что развитие демократических институтов в политически организованном обществе невозможно без права. Именно в праве демократические институты находят адекватные способы выражения и закрепления. В то же время они служат толчком к дальнейшему развитию юридических форм, специфических правовых принципов, в частности таких, как принцип ответственности за вину, презумпция невиновности, недопустимость обратного действия более «жесткого» закона и др. В политически организованном обществе возведение воли господствующего класса в закон состоит, помимо прочего, в том, чтобы выразить эту волю через призму правовых принципов, складывающихся под влиянием развития классово-определенных демократических институтов.

Разумеется, и по рассматриваемому вопросу нужен строгий классовый подход. С каждым типом демократии связан свой (соответствующий) тип права. Но в каждой

формации сообразно ее классовой природе демократические институты неизбежно влияют на развитие того правового, которое характеризует волю господствующего класса, возведенную в закон.

Взгляд на неразрывную связь демократии, права и законности все более утверждается в советской юридической литературе¹. Мысль о единстве демократии и права четко выразил В. А. Туманов: «Демократия в политически организованном обществе невозможна без права. Чем большей степени развития достигает государственно-организованное общество, тем большее значение приобретает в нем право как форма выражения и закрепления принципов демократии, а любой антидемократический курс выступает как нарушение принципов права и законности»².

С этической стороны право связано с принципами морали, в том числе с утверждением элементарных, общечеловеческих принципов нравственности и общности.

Нравственную основу права с предельной отчетливостью подчеркивал К. Маркс. Он обращал внимание на то, что если законодательство не может декретировать нравственность, то оно еще в меньшей степени может провозгласить правом безнравственность. Утверждение в праве безнравственности есть произвол, беззаконие — «законодательный произвол»³. «... Сохранение жизни нравственных отношений, — указывал Маркс, — есть не только право законодателя, но и его *обязанность*, обязанность его само-сохранения!»⁴.

Однако сама по себе нравственность еще не обуславливает необходимости в правовой форме общественного регулирования. Будучи формой общественного сознания, нравственность выступает также в качестве самостоятельного регулятора поведения людей.

¹ И. С. Самоценко считает, что законность вообще является необходимым элементом политической демократии (см. «Ленинское учение о связи законности с демократией и его значение для разработки теоретических вопросов законности», «Ученые записки ВЮИОН», вып. 13, М., 1961, стр. 13 и сл.).

² В. А. Туманов, *Буржуазная правовая идеология (к критике учений о праве)*, автореферат докт. дисс., М., 1969, стр. 4.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 1, стр. 162—163.

⁴ Там же, стр. 163.

Значение специфического фактора, предопределяющего существование и развитие права, принципы нравственности приобретают в условиях классового общества. В этих условиях нравственность становится такой формой общественного сознания, которая проникает в самую «плоть» права.

Господствующий класс всегда стремится представить свою волю, возведенную в закон, в качестве всеобщей и, с точки зрения нравственных оснований, справедливой.

В то же время в классовом обществе существует необходимость утверждения морали господствующего класса в виде реально господствующих принципов поведения — задача, которую невозможно решить без использования правовой формы общественного регулирования.

Особое существенное значение для права имеют начала справедливости в их конкретно-историческом классовом выражении. В конечном счете они тоже коренятся в экономических условиях, в том числе в условиях товарного производства и обращения. Но именно потому, что в классово-определенной справедливости выражаются равенство и пропорциональность в распределении материальных и духовных благ, свойственные данной общественной системе, и, следовательно, потому проведение справедливости невозможно без использования «равных мер» — начала справедливости органически связаны с правом. Они связаны настолько тесно, что правовое в своей основе всегда конструируется и проводится на практике как справедливое¹.

3. Роль права, его положение в обществе, а следовательно, и его социальная ценность зависят от силы влияния каждого из указанных особых факторов, от их соотношения, от особенностей в данной классовой формации. А это в свою очередь предопределяется экономическим базисом, типом государства, политическим режимом, этапом развития государства.

Таким образом, экономический базис влияет на существование и развитие права и через ряд опосредствующих звеньев, к которым относятся рассмотренные выше факто-

¹ На органическую связь права и справедливости обращено внимание и в философской литературе. См. Л. М. Архангельский, Категории марксистской этики, Соцэкгиз, 1963, стр. 65.

ры экономического, политического и этического порядка. Видимо, здесь может быть найден ключ к пониманию тех главных моментов специфического «правового развития» в пределах данной классовой формации, которые не всегда возможно непосредственно вывести из особенностей экономического базиса. Расцвет частного права в Древнем Риме, его, на первый взгляд, загадочная рецепция в средневековой Европе, исключительная самобытность английской правовой системы — все эти «особые ходы» правового развития могут получить, как правило, достаточно убедительное обоснование с учетом того влияния, которое оказывают на соответствующую правовую систему требования товарного производства, развитие демократических институтов, влияние нравственных начал. К тому же каждый из указанных факторов действует в своеобразной исторической обстановке классовой борьбы, столкновения различных политических сил.

Следовательно, нельзя ограничиться отмеченными в предшествующей главе особенностями правового развития, выраженными в разнообразном соотношении и сочетании его свойств (формальной определенности и нормативности, пормативности и динамизма). Более глубокие тенденции собственно-правового развития связаны с его специфическим правовым содержанием и, стало быть, отмеченными выше особыми факторами экономического, политического и этического порядка, где уже можно наглядно проследить определяющее влияние на право экономического базиса.

Вместе с тем, характеризуя факторы, определяющие содержание права, надо учитывать, что право во всех случаях остается орудием в руках государства, которое активно влияет на его развитие. Дело здесь не только в том, что в правотворческой деятельности государственных органов выражается искусство законодателя, понимание им роли права для осуществления государственных функций, состоящие в авторитет юридической науки, но и в том, что государство, используя относительную самостоятельность правовых форм, может наполнять их содержанием, не всегда соответствующим рассмотренным особым факторам.

4. В условиях социалистического общества в отличие от эксплуататорских формаций имеются наиболее благоприятные возможности для того, чтобы социально полезные

свойства правовой формы общественного регулирования проявились с максимальной полнотой. Существенное значение в рассматриваемом отношении имеют следующие моменты.

Во-первых, в социалистическом обществе право приобрело значение *реального* регулятора общественных отношений.

В условиях эксплуататорских формаций, в особенности современного буржуазного общества, право, конечно, имеет реальное значение в регулировании общественных отношений. Вместе с тем правовые лозунги и формулы выполняют и специфически идеологическую нагрузку. Они призваны замаскировать и оправдывать, возводить в ранг «справедливого», «справедливого» политическую диктатуру меньшинства общества — эксплуататорского класса.

В социалистическом же обществе нет необходимости использовать право в указанном направлении. А это высвобождает «энергию права» для обеспечения высокой организованности социалистических общественных отношений.

Во-вторых, в социалистическом обществе *нет объективных препятствий* для использования права в целях высокой организации всей общественной жизни. Совершенно очевидно, например, что если в анархичном капиталистическом хозяйстве использование права, как показал К. Маркс, позволило внести определенные элементы единообразия, порядка, регулярности, то насколько возросли возможности такого единого регулирования в социалистическом обществе, базирующемся на общественной собственности, централизованном планировании и управлении.

Морально-политическое единство всего народа, повышение руководящей роли Коммунистической партии — боевого авангарда всех трудящихся — открывает и в будущем благоприятную перспективу для развития и углубления правовых начал в жизни социалистического общества.

В-третьих, правовое регулирование в социалистическом обществе имеет последовательно *прогрессивное содержание*. Социалистическое право является нормативным выражением государственной воли трудящихся, после полной и окончательной победы социализма — всего народа. Оно

служит наиболее гуманной цели, связанной с достижением высшей социальной справедливости, — построению коммунистического общества.

Но дело не только в возможностях. Как было показано при рассмотрении тенденций развития социалистического права, укрепление социалистической законности, усиление и углубление правовых начал в жизни социалистического общества представляют собой *объективную закономерность*, обусловленную постоянно действующими социально-экономическими, политическими и идеологическими предпосылками.

В противовес современному эксплуататорскому обществу, для которого характерны падение социальной ценности права, его «девальвация», в социалистическом обществе происходит *неуклонное повышение социальной ценности права*.

В социалистическом праве все более развиваются те черты, которые позволяют рассматривать его как своего рода высокую *общечеловеческую ценность*, выразителя прогресса человеческого общества, его новых прогрессивных завоеваний, рожденных в условиях социалистического строя.

Весомость объективных свойств права, предопределяющих его социальную ценность при социализме, многократно возрастает в связи с последовательно прогрессивным содержанием правового регулирования, его направленностью на обеспечение строительства коммунизма, максимальное удовлетворение интересов и потребностей трудящихся.

5. Рассмотрение особых факторов, которые обуславливают существование и развитие права как специфической нормативной формы общественного регулирования, позволяет охарактеризовать основные черты его социальной ценности, реальное значение в жизни социалистического общества.

В советской юридической науке, как уже отмечалось, общепризнанно, что право способно принести максимальный положительный эффект в том случае, если его действие обусловлено назревшими потребностями общественно-го развития. Теперь это общее положение можно уточнить. Социалистическое право способно принести максимальный положительный эффект прежде всего в тех областях общественной жизни, где действуют упомянутые

особые факторы, т. е. в первую очередь в области осуществления принципов материальной заинтересованности, развертывания социалистической демократии, утверждения и развития коммунистической нравственности. Конечно, относительная самостоятельность правовых форм, потенциальные возможности, заложенные в правовых свойствах, позволяют эффективно использовать право для надлежащей организации общественных отношений и в других сферах. Но *прежде всего* ценность социалистического права, рассматриваемого с точки зрения его содержания, проявляется в указанных выше областях.

Право, экономика, материальное стимулирование

1. Марксистско-ленинская теория, рассматривая соотношение экономики и права в соответствии с общими закономерностями взаимосвязи экономического базиса и надстройки, всегда придавала праву значение существенного фактора экономического развития.

Исторически с момента разделения труда и возникновения товарного производства юридические отношения неизбежно включаются в ткань экономической жизни. Когда К. Маркс указывает на возникновение в процессе обмена юридического отношения, «формой которого является договор,— все равно закреплен ли он законом или нет...»¹, это свидетельствует о том, что природа товарного обмена предполагает неумолимую неизбежность договорных обязательственных отношений, а отсюда и необходимость соответствующих юридических норм, законов.

Весьма характерно, что, как уже отмечалось, империю законодательных актов представляют собой первую попытку сознательного и планомерного воздействия общества на стихийно складывающийся характер его общественно-производственного. Маркс обращал внимание на то, что даже в условиях стихийного капиталистического хозяйства законодательство способно устранить стесняющие естественное экономическое развитие препятствия; и хотя общество не в силах «ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами», в случае, если оно напало на след естественного закона своего

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 94.

развития, оно может путем законодательного регулирования «сократить и смягчить муки родов»¹.

Он видел в праве значительную «общественную силу»², указывал на существенные достоинства правовой формы общественного регулирования, на ее социально полезные свойства.

Но если даже в эксплуататорских формациях, в условиях стихийно складывающегося характера производства, при господстве частной собственности правовое регулирование способно играть роль существенного фактора экономического развития, то вполне естественно, что эта роль права намного возрастает в условиях единого, основанного на общественной собственности, планомерно организованного социалистического хозяйства.

Своеобразие соотношения экономики и права в социалистическом обществе состоит в том, что правовая форма экономических отношений является не просто необходимостью, а выполняет существенную организующую функцию и потому глубоко проникает в ткань экономической жизни в качестве важного компонента механизма экономических процессов.

Такое значение права в социалистической экономике обусловлено прежде всего особенностями социалистической формации, целенаправленным характером ее общественного, в том числе экономического, развития. «Коммунистическое общество, в отличие от всех предшествующих социально-экономических формаций, складывается не стихийно, а в результате сознательной и целенаправленной деятельности народных масс, руководимых марксистско-ленинской партией»³.

Для социалистической формации характерна объективная необходимость высокой организованности экономических отношений. Именно эту особенность социалистической экономики имел в виду В. И. Ленин, когда характеризовал социалистическое хозяйство как «монополию»⁴. В ходе социалистической революции, говорил В. И. Ленин, к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные⁵.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 10.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 198.

³ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 424.

⁴ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 192.

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 6.

Содержание экономических законов социализма таково, что их функционирование неизбежно требует объединения, коллективных действий людей, планомерной координации всех экономических процессов, возникновения и осуществления хозяйственных связей и операций на постоянных, единых, твердых, непрерывно действующих организационных основах. Иными словами, в социалистическом обществе в отличие от предшествующих формаций естественное экономическое развитие — это развитие, которое предполагает высокий уровень целенаправленной организации всей экономической жизни, а отсюда необходимость включения в механизм осуществления экономических процессов активных организующих элементов.

Право представляет собой как раз такой инструмент общественного регулирования, который позволяет наиболее эффективно, надежно, экономично решать «неслыханной трудности» организационные задачи. Нормативность права, его формальная определенность, правовое принуждение, облачаемое в процессуальные формы, а также способность права оперативно учитывать назревшие потребности экономического развития — все эти свойства оказываются в высшей степени приспособленными для обеспечения высокой организованности социалистических экономических отношений. В современных условиях не существует иной, кроме права, системы социальных норм, которая смогла бы быть столь же эффективной и целесообразной формой общественного регулирования в экономике.

В условиях социализма именно при помощи правовой формы общественного регулирования создается в соответствии с требованиями объективных экономических законов единый, четкий, определенный, непрерывно действующий, стабильный и динамичный механизм планомерного, целенаправленного общественного регулирования, обеспечивающий нормальное, естественное функционирование и развитие социалистической экономики.

Таким образом, сама природа, особенности социалистической экономики, ее экономические законы предполагают объективную необходимость постоянного включения права в экономическую жизнь. Право в этих условиях, как и общественный характер производства, образует, говоря словами Ф. Энгельса, «сильнейший рычаг самого произ-

водства»¹. Следовательно, широкое неиспользование правовой формы общественного регулирования нужно рассматривать в качестве одной из объективных закономерностей нашей экономики, а самое право — как своего рода *экономическую ценность*. Надлежащее использование правовой формы общественного регулирования может дать существенный экономический выигрыш; и напротив, недооценка права, недостаточное, неполное использование социально полезных свойств права при регулировании экономических процессов могут нарушить естественный при социализме ход экономического развития, привести к неоправданным издержкам и потерям.

Глубокое проникновение правовых форм в ткань экономической жизни социалистического общества не изменяет соотношения базисных и надстроечных явлений, не превращает право непосредственно в экономическое отношение, в элемент базиса (как это применительно к социалистическому государству утверждают отдельные авторы)². Право, будучи системой общеобязательных норм, частью надстройки социалистического общества, реально включается в механизм экономических процессов лишь тогда, когда юридические нормы *действуют, реализуются*, т. е. на стадии правоотношений. Вот здесь и «срабатывает» теоретическая концепция, согласно которой в реальных жизненных отношениях фактическое (материальное) содержание и юридическая форма находятся в единстве³. При помощи правоотношений социалистическое право, оставаясь надстроечным явлением, способно выступать в качестве необходимого звена механизма экономических процессов общества.

2. В зависимости от этапа развития социалистического общества, конкретной социально-классовой, исторической обстановки, уровня развития экономики хозяйственно-организаторская работа органов социалистического государства осуществляется различными методами.

Она может быть построена на предоставлении государственным органам и должностным лицам широкого усмотрения, т. е. на применении *административных* методов,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 290.

² См., например, А. А. Годунов, Введение в теорию управления. «Экономика», 1967, стр. 166 и сл.

³ См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, указ. работа, стр. 183.

методов «непосредственных государственных велений»¹. В трудных и сложных условиях, в которых находилось молодое Советское государство на этапе перехода к социализму, в условиях гражданской и Отечественной войн, предвоенной и послевоенной обстановки, такое властное административное регулирование оказывалось суровой необходимостью. Оно содействовало мобилизации всех экономических ресурсов, быстрому маневрированию ими, ускоренному развитию ряда отраслей и т. д.

Вместе с тем действие всего комплекса экономических законов социалистического общества с первых лет существования Советского государства вызвало к жизни тенденцию развития своеобразных (свойственных социализму) начал саморегулирования в экономике, и в соответствии с этим — развития экономических методов государственного руководства народным хозяйством.

Как показали опыт, практика, экономические задачи строительства коммунизма необходимо решать «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...»². Весьма характерно, что даже в сложных условиях переходного периода Коммунистическая партия на XII съезде признала опасной попытку «опередить путем планового вмешательства хозяйственное развитие, заменить регулируемую работу рынка административными мероприятиями, для которых живой хозяйственный опыт еще не создал необходимой опоры...», а также попытку решения «хозяйственных вопросов неэкономическими методами рынка и в тех случаях, когда своевременное административно-хозяйственное вмешательство могло бы достигнуть тех же результатов в более короткий срок и с меньшей затратой сил и средств»³.

С особой силой тенденция к развитию начал саморегулирования в экономике проявилась после полной и окончательной победы социализма, когда советский народ приступил к строительству материально-технической базы коммунизма. Правда, и в современных условиях сохраняющиеся еще трудности в экономике (например, недостаток

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 151.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 151.

³ «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. I, стр. 691.

отдельных видов сырья и оборудования), а также необходимость осуществления интернациональных, оборонных и некоторых других общегосударственных задач требуют в ряде случаев властного административного регулирования непосредственно в области оперативной хозяйственной деятельности. Но главная линия экономического развития в настоящий период выражает последовательное и полное осуществление ленинского принципа личной и групповой (коллективной) материальной заинтересованности в сочетании с народным энтузиазмом, моральными стимулами.

В этом, думается, и заключается глубинная и перспективная тенденция экономического развития, определенная хозяйственной реформой, осуществляемой в соответствии с решениями XXIII съезда партии и сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. Суть нового подхода к руководству народным хозяйством, выраженного в проводимой реформе, «состоит в том, чтобы усилить роль экономических методов руководства, совершенствовать государственное планирование и расширять хозяйственную самостоятельность и инициативу предприятий, всемерно внедрять и совершенствовать хозрасчет»¹.

Экономические методы (в противовес административным) основаны на личных и групповых интересах, т. е. на приведении в действие внутренних стимулов, импульсов экономического развития². А это и есть как раз то, что охватывается понятием начал саморегулирования в экономике³.

Именно тенденция развития в социалистическом обществе начал саморегулирования в экономике обуславливает

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы», Политиздат, 1967, стр. 54.

² См. «Обсуждение правовых вопросов экономической реформы», «Советское государство и право» 1967 г. № 4, стр. 133 и сл.

³ Интересные соображения в пользу построения хозяйственных связей на началах саморегулирования приведены Р. О. Халфиной. По мнению автора, предписания плана являются заданными условиями (параметрами) действия системы; в целях же «обеспечения взаимной согласованности деятельности предприятий, стимулирования поисков наиболее экономичных и эффективных решений, развития инициативы предприятий необходимо, чтобы система договорных связей социалистических предприятий действовала в пределах условий, определенных планом, как в известной мере «саморегулирующаяся система» («Хозяйственная реформа и развитие теории права», «Советское государство и право» 1967 г. № 10, стр. 86).

необходимость дальнейшего, пожалуй, даже скачкообразного усиления роли права, всестороннего использования правовой формы общественного регулирования.

Это вызвано прежде всего тем, что саморегулирование невозможно без широкого, твердого и точного нормативно-правового регламентирования условий хозяйственной деятельности.

Опыт учит, что там, где нет достаточно широкого, твердого и точного нормативно-правового регламентирования условий хозяйственной жизни, открывается простор для неоправданно обширного использования административных методов хозяйствования, волюнтаристских и субъективистских решений, приводящих к деформации социалистической экономики.

Важным обстоятельством является то, что саморегулирование в социалистическом обществе имеет особую природу. Оно не может быть построено по модели стихийного товарного хозяйства. Его главная отличительная черта, выражающая ленинские принципы хозяйствования, — органическое сочетание централизованного государственного руководства с предоставлением условий для инициативы, для развертывания начал материальной заинтересованности, действия экономических законов распределения по труду и стоимости. А обеспечение такого сочетания (твердого, постоянного, научно и на опыте проверенного) может быть достигнуто в современных условиях при максимальном использовании достоинств нормативно-правовой формы общественного регулирования. Поэтому право включается в механизм осуществления экономических процессов в качестве не только необходимого, но и активного, организующего элемента.

Таким образом, недостаточно сказать, что экономические методы «немыслимы без правового опосредствования...»¹. Развертывание экономических методов представляет собой такое явление в экономической жизни, которое вызывает необходимость значительно более широкого использования права для регулирования экономических отношений, упрочивает его положение в качестве важного компонента в механизме экономических процессов.

¹ П. Г. Александров. Право, экономические методы руководства хозяйством и трудом. Тезисы научной конференции, «Хозяйственная реформа и трудовое право», М., 1969, стр. 5.

3. Тенденция на преобладание экономических методов хозяйствования сопряжена в первую очередь с более широким использованием диспозитивной (диспозитивно-дозволительной) формы правового регулирования, которая осуществляется преимущественно при помощи институтов гражданского, трудового, колхозного права¹.

Значение диспозитивной формы правового регулирования экономических отношений состоит в том, что она юридически закрепляет возможности для самостоятельного, инициативного распоряжения хозяйствующими субъектами имущественными и трудовыми ресурсами, материальными и иными благами. Здесь и оказываются необходимыми социально полезные свойства такого элемента в механизме правового регулирования, как субъективные права. Состав и объем субъективных прав предприятий и хозяйственных организаций («прав предприятия» или, что менее точно, «прав директора») очерчивают юридические возможности субъектов непосредственно хозяйственной деятельности, их позиции в осуществлении самостоятельных и инициативных хозяйственных акций в соответствии с принципами хозяйственного расчета.

Подчеркивая значение рассматриваемой формы правового регулирования в установлении *диспозитивности*, существенно отметить, что в условиях социалистического общества она мыслима только в диалектическом единстве с другой стороной — *дозволительной*. Антиэксплуататорская природа социалистического права, экономические законы социализма, весь строй социалистического общества обуславливают недопустимость того, чтобы начала диспозитивности открывали простор для действия стихийных экономических, социальных сил. Планомерный, организованный характер социалистической экономики, общественной системы социализма требует, чтобы были точно и категорически предусмотрены пределы, границы имущест-

¹ Начала диспозитивности можно рассматривать в качестве одной из черт метода гражданско-правового регулирования (подобный взгляд был высказан в работе «Предмет советского гражданского права», «Ученые труды СЮИ», 1959, стр. 271—272; см. также О. А. Красавчиков, Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании, «Советское государство и право» 1970 г. № 1). Вместе с тем в рамках общетеоретического анализа вполне допустимо характеризовать через принцип диспозитивности и как более широкое правовое явление — *форму* правового регулирования, выделенную в ряде отраслей права.

венной, хозяйственной самостоятельности предприятий и хозяйственных организаций. В этом проявляется глубокий смысл ленинского положения о том, что «для нас все в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное»¹. «Все», — подчеркивал Владимир Ильич. А это, помимо прочего, означает, что предприятия и организации имеют не абсолютную свободу действий, не права вообще, а свободу и самостоятельность в тех пределах, которые дозволены правом в соответствии с объективными требованиями социалистического общества и прежде всего требованиями экономических законов социализма.

Государственное воздействие на экономические процессы в рамках диспозитивной формы правового регулирования носит в основном опосредованный характер. Социалистическое государство ориентируется главным образом на стимулирующую роль экономических законов распределения по труду и стоимости. Правовое же регулирование экономических отношений в рамках диспозитивной формы нацелено на то, чтобы: а) установить *условия*, при которых предприятиями и организациями могут совершаться хозяйственные действия (например, заключаться хозяйственные договоры); б) предусмотреть *внешние границы* самостоятельности предприятий и хозяйственных организаций путем системы общих запретов (например, недопустимость частнопредпринимательской деятельности, «свободного» обращения основных средств и др.); в) в известных пределах предусмотреть *содержание* хозяйственной деятельности путем регламентации правосубъектности предприятий и хозяйственных организаций, введения определенного комплекса императивных требований, а также путем индивидуального властно-императивного (административно-правового) регулирования; г) установить систему *контроля*, а также мер *ответственности* за несоблюдение юридических обязанностей, гарантий надлежащего и полного осуществления субъективных прав и т. д.

Все это обеспечивает с юридической стороны то, что использование экономических законов распределения по труду и экономического закона стоимости в социалистическом хозяйстве является «направляемым», согласуемым с интересами строительства коммунизма, с основным эко-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 398.

помическим законом — законом планомерного, пропорционального развития. Как отмечает Р. О. Халфина, «задача состоит в том, чтобы создать эффективно действующий механизм, определяющий выбор каждым участником оптимального варианта решения, так что в результате взаимодействия всех участников отношений достигаются цели, которые ставит государство»¹.

4. Более широкое использование экономических методов предполагает также дальнейшее развитие и совершенствование прямого государственно-властного регулирования, осуществляемого преимущественно при помощи институтов административного права. На первый взгляд такого рода тенденция представляется парадоксальной, но это только «на первый взгляд».

В социалистическом хозяйстве государственно-властное регулирование имеет объективно обусловленный, необходимый характер. В. И. Ленин еще в конце XIX века сделал вывод: «...Крупная машинная индустрия, в отличие от предыдущих стадий, настоятельно требует планомерного регулирования производства и общественного контроля над ним...»². Социалистическое хозяйство должно быть единым, целенаправленно регулируемым, высокоорганизованным, единым планомерной государственной организацией. Централизованное, научно построенное властное регулирование, выражая хозяйственно-организаторскую деятельность социалистического государства, призвано обеспечить координацию всей хозяйственной деятельности, общую ориентацию экономического развития на создание материально-технической базы коммунизма, удовлетворение возрастающих потребностей тружеников социалистического общества.

Вот почему в попытках дискредитации государственно-властного регулирования экономикой, оценки его как «зла», отождествления с «бюрократическими методами», «автократией» и т. д. нужно видеть отступление от ленинских принципов хозяйствования. Необходимо со всей решительностью не только «реабилитировать» и защитить целенаправленное государственно-властное регулирование

¹ Р. О. Халфина, *Формы, методы и правовые средства воздействия социалистического государства на экономику*, «Учение В. И. Ленина об экономической роли государства и современность. Тезисы докладов и сообщений», М., 1969, стр. 8.

² В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 3, стр. 545.

от дискредитации, но и охарактеризовать его в качестве преимущества и достоинства социалистической экономики, в качестве значительной ценности.

Хотя в некоторых областях хозяйственной жизни происходит и, можно ожидать, будет происходить в дальнейшем сокращение государственно-властного регулирования (например, в связи с сужением круга плановых показателей, преодолением дефицитности отдельных видов сырья и оборудования), все же по своей основе такое регулирование является экономической необходимостью, которая в то же время выражает коренные особенности и преимущества социалистической экономики. Экономические методы хозяйствования в социалистическом обществе невозможны без того, чтобы общие параметры хозяйственного развития не задавались в соответствии с требованиями основного экономического закона — закона планомерного, пропорционального развития — путем использования прямого государственно-властного регулирования¹. При социализме экономические методы функционируют на базе и в пределах тех организационных условий, которые закрепляются и осуществляются органами социалистического государства на основе их властных, императивных полномочий.

Но дело не только в этом (тем более, что тенденция к некоторому сужению императивно-властного регулирования существует). Главное состоит в том, что государственно-властное регулирование, основанное на требованиях экономических законов социализма, *не может быть отождествлено с административными методами* в узком смысле.

Административные методы хозяйствования (противопологаемые экономическим) являются лишь разновидностью прямого государственно-властного регулирования, такой разновидностью, когда регулирующие акты построены в основном на усмотрении администрации и поэтому в зна-

¹ Ю. М. Козлов пишет: «Административноправовые методы управления, будучи экономически обоснованными и наполненными экономическим содержанием, превращаются в важнейшее средство регулирования экономических отношений и рычагов; они тем самым олицетворяют органическое единство экономических и административных начал в управлении социалистическим хозяйством» («Управление народным хозяйством СССР», ч. 1, изд-во МГУ, 1969, стр. 145).

чительной степени имеют *неправовой* характер. Для своего существования административные методы требуют известного минимума правовых установлений, очерчивающих компетенцию административного органа и общую обязанность других лиц безусловно исполнять его веле-ния. Иными словами, и здесь, конечно, необходимо использование правовой формы, некоторых административно-правовых норм. Но их действие неизбежно ограничено, не воплощает всех достоинств права, его социально полезных свойств. Как правильно подмечено в советской литературе, «административные методы предполагают наличие своего рода юридического вакуума, заполняемого индивидуальными распорядительными актами, не являющимися актами применения нормы права, регулирующей само содержание хозяйственного отношения данного вида»¹.

Волюнтаризм и субъективизм при преобладании административных методов хозяйствования оказываются юридически возможными (хотя вовсе не обязательными) как раз потому, что в данном случае существует указанный вакуум, нет связанности органа хозяйственного руководства необходимыми формальными установлениями, усмотрению административных органов не противостоит комплекс прав хозяйствующих субъектов, гарантирующих их хозяйственную самостоятельность. Таким образом, административным методам хозяйствования не соответствует никакая-либо особая и самостоятельная правовая форма. Специфическая черта этих методов — *ограниченность* использования права, вызванная в условиях переходного периода сложной внутренней и внешней обстановкой, своеобразием классовых, экономических и политических задач молодого Советского государства.

А отсюда вытекает следующий вывод: повышение удельного веса экономических методов хозяйствования *за счет* сокращения административных методов выражается

¹ «Хозяйственная реформа, труд и право» под ред. П. Г. Александрова, изд-во МГУ, 1969, стр. 13. В литературе обращается внимание и на то, что «административное регулирование не тождественно правовому и не сводится к регулированию лишь через нормы административного права. Более того, оно может осуществляться как раз с отступлением от правовых требований» («Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. Некоторые теоретические вопросы», стр. 297).

в юридической области не только в более широком использовании диспозитивной (гражданско-правовой) формы, но и в развитии *правового регулирования* административной хозяйственной деятельности. Упомянутый выше вакуум заполняется *правом* (гражданским, административным, трудовым, процессуальным и др.), причем существует достаточный простор для развития во взаимодействии всех отраслей права, регулирующих хозяйственные отношения. Как правильно пишет В. М. Чхиквадзе, сократить сферу административного распорядительства — значит поставить его в строжайшие правовые рамки, посредством правового регулирования обеспечить реальное действие экономических рычагов, исключить возможность принятия субъективистских решений¹.

Следовательно, сокращение административных методов хозяйствования неизбежно предполагает своеобразную обратную тенденцию — развитие административно-правового регулирования, более широкое и полное использование социально полезных свойств права и в этой области опосредствования хозяйственных процессов². Вот почему нельзя согласиться с мнением о том, что экономическая реформа вызывает к жизни особую, отличную от административного права систему правового регулирования — «право экономического управления», — при которой «...«последнее слово» принадлежит не одной из сторон отношения, обладающей административной прерогативой, а

¹ В. М. Ч х и к в а д з е, указ. работа, стр. 273.

² См. Ю. М. К о з л о в, Управление народным хозяйством и административное право. Тезисы межвузовской теоретической конференции, изд-во МГУ, 1966. Автор правильно пишет, что «возможность выбора возникает у объекта (управления. — С. А.) не самопроизвольно, а под соответствующим воздействием со стороны субъекта управления». Вместе с тем, по его мнению, «то, что понимается под экономическими методами, есть не что иное, как разновидность административных методов» («Методы социального управления (правовой аспект)». «Проблемы совершенствования советского законодательства и деятельности государственных органов. Тезисы докладов», Минск, 1969, стр. 70). Последнее из приведенных положений нельзя признать правильным. Наоборот, экономические методы могут выражаться в административных. Более точно указанное положение формулируется Ю. М. Козловым в другой работе, где он пишет, что надлежащее «отрегулированный административный механизм воздействия на производство совпадает с механизмом экономического воздействия» («Управление народным хозяйством СССР», ч. 1, стр. 153).

именно юридической норме с экономическим нормативом»¹. Но дело в том, что система регулирования, при которой «последнее слово» принадлежит юридической норме, — это и есть система правового (в том числе и административноправового) регулирования. Было бы глубоко ошибочным рассматривать административное право в качестве «ущербной» отрасли, которая регулирует отношения по управлению лишь в условиях «юридического вакуума». Такое регулирование, напротив, характерно для случаев, когда административноправовые институты применяются в силу объективных (а иногда и субъективных) причин в ограниченных пределах. Развитое и совершенное административноправовое регулирование обеспечивает верховенство юридических норм по отношению к индивидуальному регулированию, когда «последнее слово» принадлежит нормативно-правовой регламентации управленческих отношений².

Развитие административноправового регулирования, насыщение его специфически правовым содержанием организационно-управленческими функциями связано с более широким применением материального стимулирования в органах хозяйственного управления, неизбежно предполагающим, чтобы взаимоотношения между вышестоящими и первичными звеньями хозяйственных систем были введены в строгие юридические рамки, требующие четкой регламентации их прав и обязанностей. Как подчеркивалось на сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС, «надо отказаться от привычных представлений о том, что во взаимоотношениях между руководящими хозяйственными органами и предприятиями первые имеют только права, а вторые — только обязанности. Развитие экономических методов руководства, широкое внедрение хозрасчета в промышленности требуют установления взаимных прав и обязанностей в этих отношениях, повышения ответственности как пред-

¹ «Хозяйственная реформа, труд и право», стр. 13.

² М. П. Карева и Г. С. Остроумов пишут: «Чем полнее осуществляются нормы права, чем крепче правопорядок, чем строже соблюдение социалистической законности, чем выше авторитет правовых норм, тем уже возможности для голого администрирования, все меньше необходимости для применения администрацией методов принуждения» («Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. Некоторые теоретические вопросы», стр. 297—298).

приятый, так и органов руководства промышленностью»¹.

Итак, отмеченные процессы выражают развитие, совершенствование, насыщение специфически правовым содержанием административно-правового регулирования, а не превращают его, например, в управление, которое должно строиться по модели трудовых и даже гражданско-обязательственных отношений² с использованием договорной формы³. Такое регулирование и в новых экономических условиях должно обеспечить активное государственно-властное воздействие социалистического общества на экономические процессы. Развитое и совершенное административно-правовое регулирование, создавая условия для действия экономических стимулов, гарантий хозяйственных прав предприятий, осуществления демократических начал в хозяйственном управлении, в то же время обеспечивает в условиях строжайшей социалистической законности активную направляющую роль государственных органов в экономическом развитии.

Правда, необходимость государственно-властного регулирования экономических процессов имеет по отношению к отдельным его разновидностям неодинаковые основания и перспективы развития.

Так, по мере успехов коммунистического строительства необходимость властно-императивного регулирования, основанного на временных экономических трудностях, отпадает. Несомненно также, что получит дальнейшее развитие правовая форма властного регулирования. В этих условиях государственно-властное воздействие будет становиться все более мягким, соответствующим экономическим методам и, следовательно, тенденциям развития начал саморегулирования в экономике. Но как бы то ни было, государственно-властное регулирование, осуществляемое при помощи административно-правовых институтов, не только является объективной необходимостью,

¹ А. Н. Косыгин, Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 сентября 1965 г., Политиздат, 1965, стр. 51.

² См. «Хозяйственная реформа, труд и право», стр. 11.

³ См. А. Е. Жолкевич, Е. А. Ивапов, А. М. Матлин, В. Г. Стародубский, Экономический маневр и методы хозяйствования, «Экономика», 1966, стр. 82—83.

неизбежной в силу требований экономического закона планомерного, пропорционального развития, но и характеризует особенности и преимущества социалистической экономики, представляет собой социальную ценность социалистической формации.

Таким образом, проблема совершенствования государственного управления экономикой, народнохозяйственного планирования связана как с более широким использованием данных науки, математических методов, кибернетической техники, так и с развитием и усовершенствованием правовой формы государственно-властного регулирования. Только при достаточно развитых и совершенных правовых формах государственно-властное воздействие становится соответствующим экономическим методам и, следовательно, тенденциям развития начал саморегулирования в экономике.

5. Возрастающие роли права в регулировании хозяйственных отношений требует решения вопроса о тенденциях развития его стимулирующей функции.

Право может оказать максимальный положительный эффект в тех сферах общественной жизни и в тех направлениях, которые согласуются с его объективными свойствами. Даже в тех областях, где право способно максимально «работать», не всегда целесообразно опираться только на правовые рычаги.

В качестве стимулирующего фактора право выступает тогда, когда оно действует преимущественно как принудительная сила (см. выше гл. II). Совершенно очевидно, что использование права как стимулятора пассивного поведения (общие запреты) для обеспечения нормальной экономической жизни безусловно необходимо.

Но сама экономическая жизнь складывается главным образом из активных действий, образующих содержание экономических процессов. Здесь, как и в других областях жизни социалистического общества, активная роль права в стимулировании поведения субъектов общественных отношений является *ограниченной* и в перспективе *должна принять еще более ограниченный характер*.

Правовые формы в рассматриваемой области имеют рациональное и перспективное значение лишь постольку, поскольку они *выступают в качестве органической части стимулирующего механизма в рамках социалистической хозяйственной системы*. При этом они выполняют в указ-

анном стимулирующем механизме по сути дела закрепительную и охранительную задачу. Непосредственно стимулирующая роль в этом механизме принадлежит материальным и духовным стимулам. Право призвано обеспечить на единых твердых основаниях действие стимулирующего механизма, рамки его функционирования, его направленность в соответствии с задачами строительства коммунизма, требованиями экономических законов.

Государственно-властное регулирование в принципе *не касается* стимулирования хозяйственной деятельности. Оно лишь задает общие параметры — пределы, принципы, направления — развития экономических процессов. Эти общие параметры, определяющие развитие экономики в соответствии с задачами строительства коммунизма, требованиями экономических законов, в большинстве случаев непосредственно не связаны со стимулами, которые дают движение экономическим процессам. Такую роль наряду с высокой сознательностью тружеников социалистического общества выполняют материальные стимулы, выражающие использование экономических законов распределения по труду и стоимости. А эти стимулы (индивидуальные и коллективные) и приводят к «самодвижению» в социалистической экономике.

Ограниченное значение правовых рычагов для стимулирования экономических процессов не снижает ценности права, а, напротив, связано с повышением его роли. Развитие социалистической экономики приводит к необходимости более широко использовать такие свойства права (высокая нормативность, формальная определенность), которые способны дать значительно больший эффект в организации хозяйственной жизни, в решении «неслыханной трудности» организационных задач, чем приведение в действие права в сугубо стимулирующих целях. Здесь нужно постоянно помнить значение поставленной В. И. Лениным задачи «налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»¹. При эффективном использовании высокой нормативности, «формальной определенности, динамизма права, а в необходимых случаях и его принудительности

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 171.

может быть обеспечена задача организации чрезвычайно сложной, тонкой, гармоничной системы хозяйственных отношений, единого, в принципе централизованного общественного регулирования с разворачиванием начал материальной заинтересованности — такой системы, которая ускоряет экономический прогресс, создание материально-технической базы коммунизма, удовлетворение все возрастающих потребностей тружеников социалистического общества.

Осуществление указанной задачи предполагает интенсивное развитие хозяйственного законодательства. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны (обновление гражданского и трудового законодательства, издание новых актов, регулирующих правовое положение предприятий, поставку продукции и др.). Однако здесь еще много нерешенных проблем. Наряду с более широким применением прогрессивных начал материального стимулирования, дальнейшим развитием прав предприятий и повышением уровня их юридических гарантий насущной проблемой сегодняшнего дня является систематизация всего хозяйственного законодательства, обновление и приведение в единство всех его частей и разделов.

Право, государственная власть, демократия

1. Взаимодействие государства и права наряду с определяющей ролью государства по отношению к праву имеет и другую важную сторону, выражающую значение права по отношению к государственной власти, ее осуществлению и организации.

Эта сторона взаимодействия государства и права обычно рассматривается в литературе под углом зрения главенствующей роли государства, когда право выступает в качестве одного из орудий, инструментов государственной власти в осуществлении ее задач и функций¹. При таком подходе право характеризует формы осуществления функ-

¹ Так в свое время соотношение государства и права анализировалось и автором настоящей работы (см. «Общая теория социалистического права», вып. 1, 1963, стр. 71—72).

ций (правотворческую, правоисполнительную, правоохранительную)¹.

Данный аспект проблемы может получить дополнительное обоснование, если учитывать объективные свойства права. Они обеспечивают наиболее эффективное и целесообразное проведение в жизнь государственной воли. Без права государство не может придать своей воле всеобщее значение, выразить ее с необходимой четкостью и ясностью и т. д. С помощью юридических норм государство оказывается способным делать свои веления общеобязательными.

Однако такой аспект проблемы не является единственным. Здесь анализ не идет дальше рассмотрения свойств права, т. е. тех потенциальных возможностей, которые заложены в правовой форме общественного регулирования. Для выяснения же реального значения правовых форм приходится обращаться к содержанию государственных функций, а это означает, что право вновь рассматривается в той или иной сфере общественной жизни — экономике, культуре и др.

Между тем право имеет по отношению к государству и самостоятельное значение².

Будучи орудием государства, право в то же время представляет собой особое общественное явление, которому присуще свое, специфическое содержание. Осуществляя в обществе самостоятельные функции, направленные на обеспечение нормального функционирования и развития общественного организма, оно способно выполнять роль организующего фактора и по отношению к самому государству³.

Степень и формы использования права для организации государственной власти зависят от социально-экономиче-

¹ См. И. С. Самоенко. О правовых формах осуществления функций Советского государства, «Советское государство и право» 1956 г. № 3.

² Ряд новых интересных положений о значении права по отношению к государству высказал Л. С. Явич («Об одном из аспектов взаимосвязи права и государства», «Правоведение» 1969 г. № 5, стр. 33—40).

³ М. А. Аржанов отмечал: «Поскольку право стало необходимым, оно выступает по отношению к государству как субъективное общественное явление, которое оказывает воздействие на построение и деятельность государства» («Государство и право в их соотношении», изд-во АН СССР, 1960, стр. 76).

ских причин, остроты и масштабов классовой борьбы. При этом его роль как средства организации государственной власти не сводится к ее ограничению (хотя в определенной степени оно способно выполнить и эту задачу). Организовать государственную власть — значит установить твердые, постоянные («нормальные») правовые и организационные основы функционирования этой власти, определить наиболее рациональные формы ее осуществления, строго и точно регламентировать компетенцию государственных органов, их отношения между собой и с гражданами, предусмотреть надлежащие гарантии, предупреждающие возможность злоупотребления властью, неиспользования ее «по личному произволу»¹.

Одна из наиболее важных сторон, характеризующих роль права как средства организации государственной власти, состоит в том, что с его помощью оформляется и обеспечивается надлежащее разделение труда между государственными органами, должностными лицами². Такое разделение труда может быть достигнуто лишь при максимальном использовании достоинств правовой формы общественного регулирования для закрепления компетенции государственных органов и должностных лиц, взаимоотношений их друг с другом и с гражданами.

Значение права для надлежащей организации государственной власти связано не только с его объективными свойствами, но и с его специфическим содержанием. В условиях эксплуататорского общества право используется для того, чтобы представить классовое господство эксплуататоров «законным» и «справедливым», якобы неотделимым от «прав» людей. Такого рода идеологическая функция, свойственная праву в эксплуататорском обществе, и порождает необходимость конструирования живых

¹ Как правильно пишет В. М. Лесной, «государство, его органы не имеют другого, кроме права, средства, чтобы определить свой статус, закрепить организацию и установить полномочия органов публичной власти, территориальную организацию населения, успешно осуществлять свои функции, облекать общественные отношения в их правовую форму, чтобы воздействовать на эти отношения в соответствии с интересами господствующего класса» («Социалистическая революция и государственный аппарат», изд-во МГУ, 1968, стр. 213).

² См. Ю. А. Тихомиров. Разделение властей или разделение труда, «Советское государство и право» 1967 г. № 1, стр. 14 и сл.

теорий, обосновывающих «господство права», концепцию «правового государства» и др.

2. Общие закономерности, характеризующие соотношение государства и права, распространяются и на социалистическое общество. При социализме право является не только орудием целесообразного и эффективного осуществления государственных функций, но и надежным средством целесообразной и эффективной организации *самой* государственной власти.

Знаменательно, что главные положения о социалистической законности, сформулированные В. И. Ленинным, относятся также к деятельности органов государства, должностных лиц. Владимир Ильич обращал особое внимание на то, чтобы строго соблюдался порядок, при котором бы «ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом»¹.

Думается, имеются достаточные основания для того, чтобы особо подчеркивать значение социалистической законности для организации и деятельности социалистического государственного аппарата. Как пишет Н. Г. Александров, в «более узком» аспекте «социалистическая законность означает, что осуществление всех властных действий (и в особенности государственного принуждения) должно протекать исключительно в рамках закона, на основе точного и неуклонного исполнения законов при строгом соблюдении всеми должностными лицами прав и законных интересов граждан»². Возражая против такого подхода, М. С. Строгович пишет, что социалистическая законность одинаково обязательна для всех — и для органов власти, и для граждан³. Само по себе соотношение об обязательности законности для всех субъектов вполне справедливо. Но если понимать законность как особый общественный режим, то станет очевидным, что нарушение законов отдельными лицами и государственными органами имеет далеко не одинаковое социальное значение. Несоблюдение юридических норм отдельными гражданами еще не означает нарушения режима законности (если нарушения быстро пресекаются, ликвидиру-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 199.

² Н. Г. Александров. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма, стр. 105.

³ См. М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической законности, стр. 17.

ются их последствия, восстанавливаются нарушенные права и т. д.). В то же время неуважение к законам, проявленное со стороны государственных органов, всегда означает нарушение режима законности. Само понятие «произвол» как антипод понятия «законность» сложилось применительно к деятельности государственных органов и должностных лиц; к противоправным действиям отдельных граждан оно применимо лишь постольку, поскольку соответствующие государственные органы эффективно и своевременно их не пресекают.

Право, разумеется, не является универсальным средством организации государственной власти. В системе политической организации общества в современную эпоху решающее организующее значение принадлежит политическим партиям, их направляющему воздействию на все организационные формы и средства, выполняющие политические функции в классовом обществе.

Главная особенность и преимущество политической организации социалистического общества состоит в том, что руководящая и направляющая роль в политической жизни принадлежит Коммунистической партии, являющейся авангардом рабочего класса и всех трудящихся, вооруженным передовой революционной теорией — марксизмом-ленинизмом. Партия руководит всей «созидательной деятельностью советского народа, придает организованый, планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за достижение конечной цели — победы коммунизма»¹. В соответствии с этим организация государственной власти в социалистическом обществе прежде всего определяется политикой Коммунистической партии. Поскольку в партии строго и последовательно осуществляются ленинские принципы коллективного руководства, демократического централизма, подлинно научного подхода при решении всех вопросов и другие, постольку, как свидетельствует опыт социалистических стран, обеспечивается эффективная, наиболее целесообразная организация государственной власти, предупреждается возможность злоупотребления ею.

Однако вопреки взгляду буржуазных идеологов — проповедников антикоммунизма — руководящая роль Коммунистической партии в политической организации социа-

¹ «Материалы XXIII съезда КПСС», Политиздат, 1966, стр. 203.

листического общества вовсе не исключает и даже не суживает необходимости использовать право для надлежащей организации государственной власти. Более того, правильное, построенное на ленинских принципах партийное руководство *требует* рационального и широкого использования правовых форм для четкой, слаженной и бесперебойной работы всего государственного аппарата. Полное и точное определение компетенции государственных органов и должностных лиц, строго регламентированная система их взаимных прав и обязанностей, юридические гарантии осуществления прав и исполнения обязанностей, порядок обжалования, оспаривания и признания недействительными незаконных действий и т. д. — все это соответствует требованиям, которые ставит Коммунистическая партия перед государственным аппаратом.

Решающий момент, который должен быть учтен при рассмотрении данного вопроса, состоит в том, что сложившиеся формы партийного руководства государственным аппаратом предполагают необходимость широкой и развернутой правовой регламентации деятельности государственных органов и должностных лиц. Партия не подменяет органов социалистического государства. Она проводит свои директивы «через советские органы, в рамках Советской конституции»¹. Партийные организации призваны идеологически и организационно направлять работу органов государства путем выработки общей политической линии, подбора и расстановки кадров, контроля и проверки работы отдельных звеньев государственного аппарата. «Осуществляя свою руководящую роль через систему государственных и общественных организаций, партия объединяет и направляет их усилия к единой цели, действуя присущими ей методами организаторской и идейно-воспитательной работы. Партия всемерно развивает инициативу советских и хозяйственных органов, добиваясь возможно большей эффективности в их деятельности»². При этом задачей партийных групп «является всестороннее усиление влияния партии и проведение ее политики среди беспартийных, укрепление партийной и го-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. I, стр. 446.

² «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы», стр. 64.

сударственной дисциплины, борьба с бюрократизмом, проверка исполнения партийных и советских директив»¹.

Практика свидетельствует о том, что при недостаточной, несовершенной правовой регламентации деятельности государственного аппарата происходит ослабление партийного руководства, а иногда и осужденная партией подмена местными партийными организациями советских органов, вмешательство в административную деятельность. Напротив, чем полнее используются достоинства права для надлежащей организации работы государственного аппарата, тем в большей мере обеспечивается в этой области общественной жизни достижение цели партийного руководства — придать борьбе советского народа за победу коммунизма организованный, планомерный, научно обоснованный характер.

Таким образом, происходящий в социалистическом обществе объективно обусловленный процесс повышения роли Коммунистической партии предполагает и более широкое использование права для эффективной организации деятельности государственных органов. Право с этой точки зрения приобретает еще большую ценность в качестве элемента, обеспечивающего эффективность деятельности центрального звена политической организации социалистического общества — государства, а также в качестве условия, необходимого для возрастания роли партийного руководства.

Отсюда то повышенное внимание, которое проявляет к вопросам права и законности Коммунистическая партия. Законность и правопорядок — необходимое условие правильного функционирования всего общественного организма, всей политической системы. Партия рассматривает законы в качестве такой формы общественного регулирования, которая в обобщенной, концентрированной форме выражает волю народа, основные направления политики партии и государства, обеспечивает движение общества по заданному курсу².

3. Социалистический строй неотделим от реальной, развернутой и глубокой демократии для трудящихся. В. И. Ленин подчеркивал, что «невозможен победоносный соци-

¹ «Материалы XXIII съезда КПСС», стр. 221.

² См. Л. И. Брежнев, Речь на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа г. Москвы 12 июня 1970 г., «Правда» от 13 июня 1970 г. № 164.

ализм, не осуществляющий полной демократии»¹. Он писал: «... Последовательная демократия, с одной стороны, превращается в социализм, а с другой... требует социализма»². На современном этапе коммунистического строительства КПСС, Советское государство твердо держит курс на дальнейшее развертывание социалистической демократии, на ее совершенствование и углубление.

Развертывание социалистической демократии в период перехода к коммунизму обуславливает необходимость в более широком использовании социально полезных свойств правового регулирования в этой области общественной жизни.

Социалистическое право является необходимым, эффективным средством выражения и закрепления принципов демократии, демократических институтов. Не случайно К. Маркс говорил, что «свод законов есть библия свободы народа», и рассматривал законы в качестве всеобщих норм, «в которых свобода приобретает безличное, теоретическое, независимое от произвола отдельного индивиду существование»³. Поскольку это касается форм демократии, связанных с деятельностью государства, уровень нормативно-правового закрепления демократических принципов и институтов в значительной мере выражает степень их реального развития.

Важно подчеркнуть, что на современном этапе развития социалистического общества совершенствование права и укрепление законности служат одним из важнейших путей развертывания социалистической демократии. Именно так поставлен вопрос в речи Л. И. Брежнева на предвыборном собрании избирателей 12 июня 1970 г., где о законности и правопорядке говорится в связи с проблемами социалистической демократии. Данный подход глубоко обоснован, поскольку право является необходимым элементом политической системы, системы демократии. Поэтому «в нашей стране законодательная деятельность проникнута глубоким демократизмом. В выработке законов принимают участие широкие круги специалистов, ученых, советской общественности. Наиболее важные законы выносятся на всенародное обсуждение. Все это гаранти-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 253.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 78.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 63.

рует, что советские законы действительно выражают потребности общества и служат интересам трудящихся»¹.

Вместе с тем социалистическое право представляет собой одну из необходимых и эффективных гарантий принципов и институтов социалистической демократии. Практика социалистического строительства свидетельствует о том, что при определяющей роли экономических, политических и идеологических гарантий проведение в жизнь принципов демократии должно опираться также на юридические средства обеспечения.

Правовое регулирование способно обеспечить такой «правовой механизм» закрепления и гарантирования прав и свобод трудящихся, который в полной мере соответствует реальному характеру социалистической демократии, задаче последовательного претворения ее принципов в жизнь. При помощи правовой формы общественного регулирования права и свободы «возводятся в закон» — становятся всеобщими, точно и строго зафиксированными, гарантированными средствами правового обеспечения (процессуальными, мерами юридической ответственности и др.).

Таким образом, ценность социалистического права состоит, в частности, в том, что в современных условиях, вплоть до построения развитого коммунистического общества, право является «хранилищем» субъективных прав и свобод трудящихся, необходимым и эффективным «правовым механизмом», обеспечивающим их реальное и последовательное проведение в жизнь.

Немаловажное значение права для демократии в социалистическом обществе состоит также в том, что право представляет собой важнейшее средство, при помощи которого обеспечивается *последовательно социалистическое содержание демократии.*

На эту особенность соотношения демократии и права хотелось бы обратить особое внимание. Если своеобразие экономики и политической организации буржуазного общества предопределяет необходимость формулировать и провозглашать принципы и институты буржуазной демократии в качестве принципов и институтов вообще (чего

¹ Л. И. Брежнев, Речь на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа г. Москвы 12 июня 1970 г., «Правда» от 13 июня 1970 г. № 164.

никогда не было и не может быть в действительности, но что позволяет маскировать классовую природу буржуазной демократии и под этим покровом осуществлять диктатуру буржуазии), то социалистическая демократия с самого начала была установлена в качестве открыто классовой демократии — демократии для большинства, для трудящихся, а затем и для всего народа.

Социалистическая демократия как антиэксплуаторская имеет такое содержание, которое в конкретных социально-классовых условиях не дает возможности для развития контрреволюционных, антисоциалистических сил, стихийных социальных процессов, которые бы могли повернуть вспять закономерное общественное развитие, препятствовали бы борьбе за социализм и коммунизм. При этом речь идет не об ограничении демократии («чистой» демократии, демократии «вообще» не существует и существовать не может), а о том, что социалистическая демократия имеет строго определенное классовое, антиэксплуаторское содержание, четкие социальные границы, обусловленные особенностями социально-классовой обстановки, характером и остротой классовой борьбы. В. И. Ленин всегда трактовал политические свободы — слова, печати, собраний и т. д. — с классовых позиций, как условия социалистического сплочения трудящихся, распространения социалистической идеологии, исключая «свободу» антисоциалистической пропаганды, «свободу» организации контрреволюционных сил¹.

Каким же образом обеспечивается социалистическое содержание демократии в нашем обществе? Определяющее значение имеет руководящая и направляющая роль Коммунистической партии во всей политической организации общества, которая придает демократическому развитию целеустремленный, последовательно антиэксплуаторский, социалистический характер. Но так как демократические принципы и институты неизбежно выражаются в правовой форме, последняя используется также для того, чтобы определить границы демократии, закрепить в конкретных юридических нормах ее последовательно социалистическое содержание. И в этой плоскости свойства права (его высокая нормативность, формальная

¹ «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС», Политиздат, 1969, стр. 22.

определенность и др.), так же как и во многих других случаях, позволяют придать общественным отношениям необходимую всеобщность, определенность, устойчивость.

Проблема соотношения права и демократии в социалистическом обществе требует дальнейшего углубленного изучения. До последнего времени она рассматривалась в советской науке главным образом под углом зрения соотношения демократии и законности. Достигнутые при этом положительные теоретические результаты имеют и более широкое научное значение, так как социалистическая законность в сущности и есть социалистическое право, взятое под углом зрения его реального действия, практического претворения в жизнь. «По своей сущности, — пишет В. М. Чхиквадзе, — законность — составной элемент демократии. В то же время идея демократии находит выражение в самом режиме законности. Неукоснительное осуществление социалистической законности служит гарантией дальнейшего расширения и укрепления социалистической демократии. Всякое отступление от принципов демократии, любое ее ограничение может создать условия для нарушения законности»¹.

Думается, однако, что изучение проблемы в более широком аспекте — взаимосвязи демократии и права позволит продвинуть ее разработку дальше. В частности, специфическое содержание права, его значение как культурной и моральной ценности открывает возможность для характеристики связи права и демократии еще в ряде плоскостей².

4. Одна из важных сторон, выражающих роль права в организации государственной власти, заключается в *связанности* государственных органов законами и изданиями на их основе подзаконными актами.

Такое связующее действие права по отношению к органам государства обусловлено тем, что оно занимает в сис-

¹ В. М. Ч х и к в а д з е, указ. работа, стр. 395.

² В аспекте соотношения демократии и права, имеющем значение для характеристики ценности права в социалистическом обществе, важен анализ правовых основ деятельности общественных организаций трудящихся. При помощи права государство обеспечивает необходимые юридические возможности функционирования общественных организаций, в необходимых случаях делегирует им государственно-властные полномочия, а также определяет их деятельность в соответствии с интересами общества, в строгом соответствии с принципами социалистической законности.

теме надстройки относительно самостоятельное место и выполняет в жизни общества относительно самостоятельные функции. Д. М. Чечот отмечает, что причины связанности органов государства правом «следует искать в экономических, политических и идеологических обстоятельствах»¹. Абсолютный произвол в деятельности государства, подчеркивает автор, невозможен, так как он ограничен экономическими условиями материальной жизни, объективированными в праве, необходимостью обеспечения единства классовой политики путем нормативного регулирования, потребностью выражения действий государства в качестве справедливых².

Тот факт, что нормы права исходят от государства, издаются компетентными государственными органами, не противоречит положению о связанности органов государства этими нормами. Речь идет не о подчинении органов государства каким-то абсолютным правовым принципам, а о связанности государственных органов нормами *действующего* права. Юридические нормы отличаются общеобязательностью — обязательностью не только для тех, кому они адресованы, но и для органа, их издавшего. В предшествующем изложении уже отмечалось, что даже в сложных социально-классовых условиях переходного периода, когда революция не может остановиться перед «незыблемостью закона», законы, препятствующие развитию революции, отменяются или исправляются³.

Конечно, высшие органы государственной власти вправе издавать *любые* юридические акты. Никакой ранее изданный закон не связывает органы государственной власти в том смысле, что любой закон, включая конституционный, в установленном порядке может быть отменен или исправлен. Однако действующие законы связывают государственные органы в том смысле, что в пределах срока своего действия они являются обязательными и для органа, их издавшего.

Особо существенную роль играют здесь конституционные нормы.

¹ Д. М. Чечот. Проблема защиты субъективных прав и интересов в порядке неисквого производства советского гражданского процесса, автореферат докт. дисс., изд-во ЛГУ, 1969, стр. 22.

² См. там же, стр. 22—23.

³ См. В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 36, стр. 504.

В последнее время в советской юридической литературе вполне справедливо обращено внимание на то, что неверно сводить положения Конституции к программным требованиям или же к такого рода общим нормам, которые действуют только или преимущественно через конкретные нормативные положения, содержащиеся в иных отраслях. Напротив, как показал А. Б. Венгеров, конституционные нормы «обладают наивысшей юридической силой и степенью общности, обладают всеми качествами непосредственно действующего права»¹, что придает Конституции значение не только программного, социально-экономического, но и важнейшего политико-правового документа².

Даже программный характер ряда положений Конституции выражается главным образом в том, что Конституция «является учредительным документом, порождающим, дающим начало существованию новых политических форм, новых форм государственности»³. Конституция — не просто основной закон, а особый и единственный правовой акт, отличающийся от всех других законов, в том числе и от тех, которые могут быть отнесены к числу основных⁴. Именно в ней находят наиболее полное закрепление правовые принципы демократической организации социалистического общества. Поэтому связующее действие конституционных норм означает утверждение в жизни государства принципов социалистической демократии, их незыблемость и неукоснительное осуществление во всех сферах государственной и общественной жизни.

5. Проблема связности государственных органов правом имеет особые аспекты по отношению к органам государственного управления и правосудия. Здесь связующее действие права означает *подзаконность* деятельности соответствующих государственных органов.

¹ А. Б. Венгеров, О применении конституционных норм судебными органами СССР, «Советское государство и право» 1969 г. № 10, стр. 43.

² Автор убедительно показывает, что конституционные нормы (за некоторыми исключениями, установленными Конституцией) могут и должны быть предметом непосредственного судебного применения.

³ В. А. Рянжин, Конституция как особый правовой акт Советского государства, кн. «Актуальные проблемы Советского государства и права в период строительства коммунизма», стр. 216.

⁴ См. там же, стр. 108.

«Самое реальное средство укрепления социалистической государственности, — говорил М. И. Калинин на XVIII съезде ВКП(б), — это соблюдение законов во всех сферах жизни и деятельности органов власти, общественных организаций и каждого гражданина». И дальше: «Если тот или иной руководитель в своей деятельности будет всегда стремиться к тому, чтобы опираться на закон и исходить из него, то этим самым он будет укреплять социалистическую законность и приобщать население к социалистической государственности»¹.

Необходимость строжайшей подзаконности в деятельности органов управления и правосудия повышается в тех сферах, где им предоставлена возможность известного учета, индивидуального регулирования общественных отношений.

Принципиальная позиция по этому вопросу с предельной четкостью была сформулирована М. И. Калининным. Без законов, без надлежащей нормативной базы решения органов управления неизбежно основываются «в значительной степени на личных качествах администратора». Указывая на то, что «такая власть по вполне понятным причинам приобретает черты самого администратора», он отмечал: «... При всех прочих равных условиях наиболее приемлемым управлением является управление по усмотрению, управление, переданное в личное распоряжение, как бы ни была мала эта власть в данном лице»².

Здесь нужно неходить также из некоторых профессионально-психологических проявлений, связанных с управлением. Советское государственное управление имеет подлинно народный, демократический характер. Руководящая роль Коммунистической партии в системе политической организации социалистического общества, высокий демократизм нашего общественного строя избавили государственное управление от тех отрицательных сторон, которые свойственны управлению в эксплуататорских формациях. Вместе с тем «было бы неверным вообще сбрасывать со счетов специфику в положении, характере труда, психологии, обычаях и т. п. лиц, более или менее длительное время занимающихся управлением. Такое

¹ «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет», Госполитиздат, 1939, стр. 398.

² М. И. Калинин. Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1960, стр. 672, 671.

«зло», как известная замкнутость, стремление к формализму, бюрократизм, находит еще здесь питательную среду»¹.

Каковы же средства для устранения такого рода «зла»? Наряду с усилением идейно-воспитательной работы, дальнейшим развитием демократических начал в государственном управлении, развертыванием народного контроля за его деятельностью существенное значение в этой области принадлежит также надлежащему использованию достоинств правовой формы общественного регулирования. Вот почему следует согласиться с Ю. А. Тихомировым, который, отметив возможность возникновения указанных выше недостатков, пишет: «В устранении этих недостатков многое зависит от совершенствования организационно-правовых средств»².

В то же время неправильно абсолютизировать роль нормативно-правовой формы для обеспечения надлежащей организации государственного управления. И дело не только в том, что сама по себе нормативно-правовая форма не в состоянии решить возникающие здесь проблемы, но и в том, что необходимо учитывать ее теневые стороны. Так, рациональная формализация управленческой деятельности (точное определение компетенции государственных органов и должностных лиц, регламентация процедуры совершения административных действий и др.) является насущной проблемой сегодняшнего дня. «Вместе с тем, поскольку формализация работы содержит в себе бюрократический потенциал, важно провести грань между требованием обязательного соблюдения установленного порядка работы и слепым преклонением перед формой в ущерб интересам дела, доводящим до абсурда саму идею порядка»³.

6. Значение права как надежного средства целесообразной и эффективной организации государственной власти в социалистическом обществе дает основание для выдвижения и теоретического обоснования *концепции государ-*

¹ Ю. А. Тихомиров, *Власть, демократия, профессионализм*, «Советское государство и право» 1968 г. № 1, стр. 26.

² Там же.

³ «В. И. Ленин о демократизме советского государственного управления и критика бюрократизма», «Советское государство и право» 1969 г. № 11, стр. 26—27.

ства законности, которую надлежит противопоставить буржуазной теории «правового государства».

Теория «правового государства» на все лады рекламируется буржуазными идеологами в качестве якобы прогрессивного продукта развития науки и «демократии». Непризнание этой теории марксистско-ленинской правовой доктриной и практикой социалистического строительства рассматривается ими в виде «доказательства» того, что социалистический государственный строй якобы является режимом бесправия и произвола.

Между тем научная несостоятельность и классовая направленность буржуазной теории «правового государства» давно уже стали очевидным фактом.

В научном отношении эта теория несостоятельна потому, что право по своей природе таково, что не может стоять над государством. К тому же совершенно необъяснимы по природе и неопределенны по содержанию те «абсолютные правовые принципы и начала», те «идеи права», которые якобы должны стоять над государством, связывать его.

Отсюда вытекает классовая природа теории «правового государства». Абстрактно формулируемые «идеи права» на проверку оказываются буржуазными принципами (неприкосновенности частной собственности, свободы эксплуатации и др.). По своей классовой установке теория «правового государства» — апологетическая концепция, призванная замаскировать, оправдать политическое господство монополистической буржуазии абстрактными формулами «права», «справедливости» и др. Рассматривая право как волшебное средство, излечивающее все социальные недуги, буржуазные теоретики стремятся отвлечь трудящихся от единственно возможного пути коренного преобразования общества — революционной борьбы¹.

Буржуазная теория «правового государства» — лживая и фальшивая теория. По сути дела она полностью дискредитирована тем фактом, что фашистская диктатура в гитлеровской Германии, уничтожившая всякое подобие за-

¹ Подробную характеристику классовой природы буржуазных теорий «господства права» и «правового государства» см. В. А. Туманов, Что скрывается за лозунгом «господство права», «Советское государство и право» 1963 г. № 9; «Современные буржуазные учения о капиталистическом государстве», «Наука», 1967, стр. 89—126.

конности, функционировала под вывеской «правового государства»¹. В современных условиях общего кризиса капитализма эта апологетическая теория верой и правдой служит реакционным силам. Она, в частности, используется реваншистскими и милитаристскими кругами Западной Германии². Если в прошлом теория «правового государства» имела известное, хотя и относительное, прогрессивное значение и сыграла некоторую роль в борьбе с феодальными порядками, диктаторскими, олигархическими режимами, то в современную эпоху она потеряла эти черты, приобрела последовательно апологетический и демагогический характер³.

Решительно отвергая буржуазную теорию «правового государства», марксистско-ленинское правоведение с подлинно научных позиций оценивает реальное значение права в обеспечении эффективной и целесообразной организации государственной власти. Этой цели и должна служить теоретическая концепция социалистического государства законности.

Ее коренное отличие от буржуазной теории «правового государства» состоит в том, что роль права для организации и деятельности органов социалистического государства рассматривается под углом зрения требований социалистической законности. Это — не просто смена терминов, а принципиально новый подход. Как уже говорилось, утверждение в марксистско-ленинской теории и на практике категории «социалистическая законность» выразило *реалистическую* оценку права, при которой значение права

¹ См. Л. Стодольник, *Метаморфозы идеи «правового государства»*, кн. «Критика современной буржуазной теории права», «Прогресс», 1969, стр. 257—260.

² См. «Современные буржуазные учения о капиталистическом государстве», стр. 107—126.

³ Вместе с тем, как справедливо указывает И. А. Ледях, «нужно помнить и о таком выводе, который напрашивается из либерально-демократической предыстории этой концепции: многие авторы в буржуазных странах и сейчас пытаются придать ей в какой-то мере былое звучание, использовать лозунг «правового государства» как требование сохранения и соблюдения буржуазно-демократических порядков. Такая позиция хотя и порождает иллюзию о возможности превращения буржуазного государства в «правовое», тем не менее является позитивной в условиях борьбы трудящихся за сохранение буржуазно-демократических порядков, как протест против режима насилия и полицейского террора» (там же, стр. 94).

характеризуется в плоскости действительных его возможностей.

Таким образом, теоретическая концепция социалистического государства законности означает не подчинение государства каким «правовым принципам» или «идеям права», а необходимость рационального использования права для эффективной и целесообразной организации власти социалистического государства, причем использования права в его реальном, «осуществляемом» виде в соответствии с конкретными условиями данной социально-классовой обстановки.

Что же касается высших идеалов, которые являются господствующими для социалистического государства, то они выражены в марксистско-ленинском мировоззрении, в теории научного коммунизма, включающей высшие принципы социальной справедливости, гуманизма, подлинной свободы, равенства, братства и счастья для всех трудящихся. Какими убогими и фальшивыми по сравнению с идеалами научного коммунизма выглядят «идеи права», выдвигаемые буржуазной теорией «правового государства».

Теоретическое положение о социалистическом государстве законности основывается на ленинских взглядах о праве и законности, о их роли в организации и деятельности социалистического государственного аппарата. Исторические факты свидетельствуют о том, что Советское социалистическое государство, руководимое в первые годы своего существования В. И. Лениным, складывалось и развивалось в качестве государства строжайшей законности.

Концепция социалистического государства законности позволяет раскрыть одну из важнейших особенностей общенародного государства, которая состоит в том, что это — государство строжайшей законности. «Развивая демократические принципы государственного строительства, партия исходит из того, что вся деятельность советских органов и широкое творческое участие граждан в управлении делами страны должны основываться на строжайшем соблюдении социалистической законности»¹. Общепартийное социалистическое государство есть власть, основанная на законе, в своей организации и деятельности строго и пос-

¹ «Материалы XXIII съезда КПСС», стр. 77.

последовательно проводящая ленинские принципы социалистической законности.

Основные требования, выражающие главные черты социалистического государства законности, следующие.

Во-первых, требование максимально *широкого, полного и детализированного* в соответствии с особенностями данной социально-классовой обстановки нормативного регулирования в Конституции, законах и основанных на них подзаконных актах структуры государственных органов, их компетенции, взаимоотношений друг с другом и с гражданами, территориальной организации общества и так далее, т. е. всего комплекса отношений, связанных с организацией и деятельностью органов государственной власти, управления, правосудия, прокурорского надзора и контроля.

Во-вторых, требование последовательного *социалистического* правового регулирования отношений в области организации и деятельности государственных органов, обеспечивающего эффективное функционирование политической организации социалистического общества, ее подлинный демократизм и антиэксплуататорский характер, руководящую роль Коммунистической партии в политической организации.

В-третьих, требование связанности государственных органов нормами *действующего* права, строгое и неукоснительное соблюдение нормативных предписаний Конституции и законов, реальное проведение в жизнь предоставленных государственным органам полномочий.

В-четвертых, требование *подзаконности* (поднормативности) осуществляемого органами управления и судом индивидуального регулирования (усмотрения), при котором должны строго соблюдаться компетенция данного органа, общие нормативные требования и не должен допускаться произвол, управление «по одному усмотрению».

В-пятых, требование того, чтобы граждане и иные субъекты обладали определенным комплексом *юридических гарантий*, обеспечивающих неприкосновенность личности, эффективную защиту против незаконных действий должностных лиц, возможных случаев произвола и беззакония.

В-шестых, требование активной *борьбы с правонарушителями*, действительной карательной политики, обеспечивающей строгий правопорядок и безопасность в обществе,

Устранение всякого произвола со стороны антиобщественных, преступных элементов.

Приведенные в предшествующих разделах работы данные свидетельствуют о том, что в соответствии с указанными требованиями и идет развитие советского законодательства, всей социалистической государственности. Это развитие полностью совпадает с другими объективными процессами, в частности упрочением и углублением правовых начал в жизни социалистического общества, развитием правового принуждения и др.

Право, культура, мораль

1. Социалистическое право является значительной целостностью и в сфере духовной жизни общества — культуры, морали, науки.

Значение права в этой сфере вытекает из его природы как социального явления, относящегося к надстройке, к общественному сознанию.

Правда, строго говоря, в состав общественного сознания входит не само по себе право, а правосознание. Нормы же права, как и многие другие элементы механизма правового регулирования, существуют «не в сознании, а в реальной действительности, они есть своего рода «юридическое бытие»¹. Как правильно подчеркивает В. А. Туманов, «сущность права лежит в иной плоскости, чем проблемы идеологии и формы общественного сознания в целом. Право — в определенном смысле «идеологическое» явление, но это не значит, что марксизм отождествляет его с какой-либо формой общественного сознания»².

Вместе с тем право — такое явление, которое неотделимо от общественного сознания.

Особенности права как своего рода идеологического явления выражаются не только в том, что оно складывается, формируется под влиянием господствующей идеологии, на базе правосознания господствующего класса, образует систему юридических норм, имеющих интеллектуальное и волевое содержание, и опосредствуется в правоотноше-

¹ И. Е. Фарбер, Правосознание как форма общественного сознания, «Юридическая литература», 1969, стр. 40.

² В. А. Туманов, Современный антимарксизм и теория права, «Советское государство и право» 1969 г. № 4, стр. 64.

ниях, носящих волевой характер. Для правильного понимания социальной ценности права во всех аспектах существенно важно то, что оно выступает в качестве средства, выражающего духовную жизнь общества, т. е. в качестве своеобразного носителя его духовных, культурных, моральных ценностей. Именно с этой стороны «право всегда является выразителем определенных идей и в таком качестве обладает значительным идеологическим влиянием»¹.

Характеризуя «идеологическую», духовную ценность права, необходимо учитывать его объективные свойства. Оно потому и не может рассматриваться в качестве чисто идеологического явления, что его значение как фактора духовной жизни выражается *в связи* с осуществляемой им функцией по регулированию общественных отношений. Этот момент обуславливает не только то, что положение права как духовного фактора является в какой-то степени зависимым или во всяком случае не определяющим, но и то, что «объективизация» духовных и моральных ценностей получает в нем своеобразное выражение. Оно, как будет показано ниже, сравнительно ограничено (поскольку опосредствуется в виде формально-определенных нормативных предписаний), а вместе с тем способно сыграть активную роль в утверждении ряда духовных ценностей, например моральных принципов.

Сила и преимущества социалистического права состоят в том, что оно основывается на передовой идеологии — марксистско-ленинском научном мировоззрении. Поэтому право обладает невиданным ранее моральным авторитетом, громадной идеологической мощью в жизни социалистического общества. Нужно учитывать также органическое единство социалистического права с принципами коммунистической праведности, передовой социалистической культурой, высоким уровнем научного познания действительности.

Социальное значение права в сфере духовной жизни общества проявляется также в том, что оно выступает в качестве регулятора общественных отношений, складывающихся в сфере науки, культуры, образования, воспитания.

¹ В. А. Туманов, Современный антимарксизм и теория права, «Советское государство и право» 1969 г. № 4, стр. 63.

Социалистическое право играет существенную активную роль, в частности, в правовом опосредствовании общественных отношений, связанных с научно-техническим прогрессом, развитием науки и техники, внедрением их достижений в практику. Развитие технического прогресса оказывает немалое влияние на право, вплоть до воздействия на его структуру (формирование космического права)¹. В то же время усиливается и воздействие права на ход научно-технического прогресса, на его эффективность, на процесс внедрения его достижений в практику. От правильно построенного правового регулирования зависит функционирование управления в области науки, развитие изобретательского и рационализаторского дела, подготовка научных кадров².

Вместе с тем, думается, социальное значение права как регулятора общественных отношений в области духовной жизни общества менее существенно, чем непосредственно в экономике и в политической жизни. В данной области право способно регулировать далеко не все общественные связи, а только те, которые поддаются внешнему воздействию и объективно требуют правовой регламентации. По сути дела и здесь регулируются по большей части хозяйственные и управленческие отношения. А возрастание роли права, например, в регулировании отношений в сфере науки и техники, обусловлено во многом тем, что и в этой сфере все шире используются экономические методы, начала материальной заинтересованности. Иными словами, правовое регулирование в данном случае возрастает потому, что соответствующие отношения приобретают хозяйственный и управленческий характер, включаются в общую цепь экономических процессов. Сами же по себе явления в сфере духовной жизни хотя и испытывают всестороннее общественное воздействие, в значительной мере находятся за пределами непосредственной правовой регламентации.

Вот почему социальная ценность права в рассматриваемой области проявляется главным образом (но, разумеется, не исключительно) в связи с его значением в качестве фактора духовной жизни общества, т. е. как культурная, моральная и интеллектуальная ценность.

¹ См. «Правовые вопросы научно-технического прогресса в СССР» под ред. М. М. Богуславского, «Наука», 1967.

² См. В. М. Ч и к в а д з е, указ. работа, стр. 325—334.

2. Социалетическое право представляет собой *культурную ценность*.

Право неотделимо от культуры, существующей в данном обществе. На их неразрывную связь указывал К. Маркс, который писал, что право «никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»¹. Различные стороны взаимосвязи культуры и законности были раскрыты В. И. Лениным, который не только требовал «научить бороться культурно за законность...», но настоятельно обращал внимание на то, что без проведения единой социалистической законности «ни о каком создании культурности не может быть и речи»². Таким образом, В. И. Ленин подчеркивал, что законность выступает в качестве необходимого средства создания и развития культуры. Такое же положение высказывал М. И. Калинин: «Внедрение законности означает поднятие культурного уровня масс...», «укрепление законности повышает культурность населения...»³.

Почему же право играет такую роль в культурной жизни общества? По-видимому, убедительный ответ на этот вопрос можно получить лишь в том случае, если само право рассматривать в качестве важного, притом активного элемента духовной культуры общества.

И дело не только в том, что в юридических нормах в той или иной степени выражаются и закрепляются достижения материальной и духовной культуры. Эта сторона проблемы в основном касается интеллектуального содержания права, характера и объема воплощенных в нем моральных принципов — вопросов, которые будут рассмотрены ниже. Здесь же прежде всего нужно иметь в виду, что правовая форма общественного регулирования, сложившиеся свойства права, в том числе высокая нормативность, формальная определенность, приемы, обеспечивающие его динамизм, процессуальные формы и другие, представляют собой известные достижения культуры. Именно в этом смысле надо понимать отношение В. И. Ленина к «правовым формулам», как к «постоящей научной ценности», как к «большому приобретению ума»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 19.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 465; т. 45, стр. 199.

³ М. И. Калинин, Избранные произведения, т. 1, стр. 670.

⁴ См. А. В. Луначарский, Ленин как ученый и публицист, М., 1924, стр. 17—18.

Гряд ведущих свойств права, юридическую технику, правовой язык — все это можно в известном отношении характеризовать в виде постепенно накапливающихся элементов *нематериальной духовной культуры*.

В этом смысле становится понятным ленинское положение о необходимости при разработке советских законов использовать «все, что есть в литературе и опыте западно-европейских стран *в защиту трудящихся...*»¹. Это «все», разумеется, не относится к содержанию буржуазного законодательства. Речь в приведенном положении, несомненно, идет о тех отдельных элементах нематериальной культуры, которые, будучи очищенными от буржуазного содержания, могут быть использованы в рамках и пределах принципиально новой по своей классовой сущности, социалистической системы права в защиту трудящихся, в интересах строительства социализма и коммунизма.

В социалистическом обществе развитие права, помимо прочего, приводит к формированию таких приемов и средств регулирования общественных отношений, которые образуют существенные моменты (элементы) нематериальной культуры, выходящие за рамки «чисто правового». Эти элементы используются, поскольку они не связаны с государственным принуждением, и в некоторых системах социальных норм. Так, развитие формальной определенности, в известной мере свойственной нормам общественных организаций, происходит с учетом тех достижений, которые выработаны при использовании свойства формальной определенности права. Интересно, например, обратить внимание на то, что при закреплении характеристик для социалистического общества моральных норм в Программе КПСС использован обобщенный термин «кодекс», первоначально сложившийся в области права. Конечно, формальное закрепление в Программе партии моральных принципов, которыми должны руководствоваться строители коммунизма, не изменяет их чисто нравственной природы. Но сам факт такого закрепления в программном документе, а также обобщенное обозначение термином «кодекс», несомненно, повышают авторитет и общественное значение ведущих моральных принципов, действующих в социалистическом обществе.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 412.

По ряду существенных моментов право обладает *такой же ценностью*, как и культура социалистического общества в целом. Оно имеет в известном смысле непреходящее, перспективное культурное значение. Следовательно, в том отношении, в каком социалистическое право может быть охарактеризовано в качестве явления культуры, оно призвано участвовать в формировании культуры коммунистического общества.

Заслуживают внимания выдвинутые М. С. Строговичем положения о принципах социалистического правосудия как достижениях культуры. Эти принципы (независимость судей, их подчинение только закону, состязательность судопроизводства, право обвиняемого на защиту, презумпция невиновности и др.) выражают в области правосудия специфическое содержание права. Он пишет: «... Демократические принципы и формы, в известных пределах выраженные в буржуазном судоустройстве и судопроизводстве, как и вообще в буржуазном праве, не самой буржуазией выдуманы и созданы, не ею изобретены, — они, как и все демократические права и свободы, завоеваны многовековой борьбой народа, трудящихся за свои жизненные интересы, а буржуазией они изуродованы, урезаны, приспособлены к ее своекорыстным классовым целям»¹. И хотя автор не подчеркивает здесь своеобразие демократических принципов и институтов, выраженных в буржуазном праве с точки зрения их органической связи с особенностями экономики буржуазного общества, предложенная им общая оценка этих демократических принципов и институтов соответствует одному из важных моментов, выражающих отношение коммунистов к демократии².

В связи с этим нужно признать убедительным и завершающий вывод автора: «В советском социалистическом праве эти принципы и институты являются социалистическими по своему существу положениями, в которых использованы, реализованы, развиты те культурные демократические достижения, которые завое-

¹ М. С. Строгович, *Общетеоретические проблемы социалистического правосудия*, «Советское государство и право» 1969 г. № 4, стр. 74.

² См. «Коммунисты и демократия» под общей ред. А. М. Румищева, Прага, 1964, стр. 355.

ваны трудящимися в многовековой борьбе за свое освобождение» (разрядка моя.— С. А.)¹.

Право, думается, и представляет собой одну из тех общественных форм, в которой в соответствии с особенностями данной социально-классовой обстановки, с учетом классовой природы данных политико-юридических учреждений преобладает аккумуляция, сосредоточение ряда существенных прогрессивных элементов человеческой культуры, получающих повсюду, всестороннее развитие в условиях социалистического общества.

Значение социалистического права как одного из элементов духовной жизни, духовной культуры выразилось в том, что на практике и в науке сложилась особая категория — «правовая культура».

Правда, этой категорией охватывается не только само по себе право, но и другие явления — правосознание, законодательная и юрисдикционная деятельность, практика работы государственного аппарата.

Однако важно то, что право и связанные с ним явления берутся здесь под таким углом зрения, который выражает их значение как элементов социалистической культуры². Они рассматриваются в рамках данной категории в качестве *ценностей*. Вот почему указание на уровень правовой культуры выражает *оценку* состояния права, правосознания, юридической практики с точки зрения передовых, демократических принципов, совершенных приемов регулирования, правил юридической техники, а также уровня знания и понимания права в обществе, строгого и неукоснительного выполнения всех его предписаний, соответствия правотворчества и правоприменительной практики высоким требованиям социалистической законности.

Задача развития правовой культуры и есть задача внедрения в право, в законодательство, в практику применения закона всего того, что характеризует право как существенную социальную ценность, явление социалисти-

¹ М. С. Строгович, Общетеоретические проблемы социалистического правосудия, «Советское государство и право» 1969 г. № 1, стр. 74.

² Впервые значение правовой культуры как элемента социалистической культуры было подчеркнуто Л. С. Галесником (см. «Общеправовое и воспитание коммунистической сознательности», «Советское государство и право» 1962 г. № 9, стр. 26).

ческой культуры. Осуществление такой задачи предполагает не только совершенствование всей правовой системы, дальнейшее упрочение социалистической законности, неуклонный подъем юридического уровня работы государственного аппарата, но и развитие специальных мер по правовому воспитанию, пропаганды юридических знаний, включение элементов правового обучения во все виды общего и профессионального образования.

3. Социалистическое право представляет собой *моральную ценность*.

Проблеме соотношения права и морали (правственности) в советской юридической и философской литературе уделяется сравнительно много внимания. Следует признать плодотворным и принятый в нашей науке основной курс их теоретической разработки, направленный на выяснение взаимодействия этих двух частей надстройки.

Однако в данной разработке есть один вопрос, которому не всегда уделяется должное внимание. Речь идет о характере единства права и морали (правственности). Здесь недостаточно говорить только о связи права и морали или даже об их тесной связи. Весьма существенной стороной соотношения права и морали является то, что право может быть охарактеризовано в качестве формы общественного регулирования, *основанной* на господствующей морали, которая *производит* его содержание, во многом определяет его облик, его черты.

Право в классовом обществе может быть охарактеризовано в качестве *одной из необходимых форм существования ряда принципов морали*.

Таким образом, представляется недостаточно точным утверждение о совпадении нравственных норм и норм права. Да этого совпадения (если не употреблять приведенное выражение с достаточной степенью условности) в большинстве случаев вовсе не существует. Если даже взять такие области права, где нравственные начала наиболее глубоко проникают в самую его ткань (например, уголовное право, семейное право), то здесь было бы большим преувеличением считать, что каждая юридическая норма совпадает с соответствующей нравственной нормой. При подобном подходе пришлось бы признать, что в состав социалистической нравственности входят, например, правила о возложении обязанности не причинять окружающим тяжкие и легкие телесные повреждения, свое-

временной уплате алиментов и т. д. Такого рода нравственных норм реально не существует.

Дело не в совпадении, а в том, что определенный круг нравственных принципов в классовом обществе, существуя в качестве чистых моральных норм, в то же время так или иначе выражается и в юридических нормах.

Это проникновение (просачивание) нравственных принципов в содержание права носит различный характер. Здесь можно отметить три основных случая.

Во-первых, в некоторых отраслях права (в частности, семейном) юридические нормы прямо выражают известные нравственные требования, конкретизируют их в виде нормативных, формально определенных юридических предписаний. В качестве примера можно привести юридические обязанности по содержанию родителей (алиментирование). Они выражают нравственный долг, обязанность детей, которой при наличии определенных обстоятельств государство придает юридическое значение, наполняет ее при помощи императивных норм и конкретизирующей деятельности судебных органов точно определенным, категорическим содержанием.

Во-вторых, многие юридические нормы, прямо не воплощая в своем содержании нравственные обязанности, направлены на их юридическое обеспечение, охрану, пронаправлены на их юридическое обеспечение, охрану, пронаправлены в жизнь. Таковы, в частности, юридические нормы, которые ставят под особую правовую защиту поведение лиц, активно и самоотверженно осуществляющих принципы коммунистической морали (например, нормы, устанавливающие обязанности по возмещению вреда, причиняемого гражданином при спасении социалистического имущества от грозящей ему опасности; нормы, устанавливающие повышенную ответственность за посягательство на жизнь, здоровье, достоинство народных дружинников и других общественных работников). Сюда же относятся нормы административного и трудового права, регламентирующие меры поощрения за самоотверженный труд, честное выполнение своего общественного и государственного долга и т. д., а также многие другие юридические нормы, связанные с регулированием отношений по трудовому обучению и воспитанию, организации труда женщин и подростков и др.

Особое место здесь занимают нормы уголовного и административного права, выражающие запреты совершать

вредные для общества деяния и содержащие указания на меры воздействия в отношении нарушителей этих запретов. Правда, едва ли обоснован вывод, согласно которому в нормах уголовного права «непосредственно закрепляются» нормы морали¹. Уголовноправовые нормы, направленные на охрану общественной собственности, личности и т. д., выражают нравственные требования и запреты, основывающиеся на них. Но вместе с тем каждая, взятая в отдельности уголовноправовая норма закрепляет нравственные требования и запреты не непосредственно, а негативно — путем указания на противоправные, антиобщественные деяния. Эти деяния в условиях социалистического общества всегда являются и антиморальными актами поведения, нарушающими нравственные требования и запреты. Следовательно, нормы уголовного и административного права (и ряда других отраслей), предусматривающие юридическую ответственность, направлены на охрану нравственности, на утверждение принципов морали.

В-третьих, все нормы права принимаются с учетом начал нравственности, справедливости, а поэтому право представляет собой в широком смысле нравственное явление и несоблюдение *любой* юридической нормы является аморальным поступком. Когда в юридической литературе предпринимаются попытки непосредственно связать содержание всех норм права с принципами нравственности и отрицается существование нравственно irrelevantных (по содержанию) юридических норм, то не учитывается характер правового регулирования в области хозяйства, отправления ряда общественных функций и т. д. Значительное число юридических норм, регламентирующих хозяйственные, организационно-технические операции, действия по учету, оформлению документов и другие, сами по себе лишены какого-либо нравственного содержания. Но по указанным выше обстоятельствам *несоблюдение* и этих норм является аморальным поступком. Соблюдение законов, юридических норм — это нравственное требование, нарушение которого осуждается общественным мнением как проявление недисциплинированности, неуважения к общественному долгу².

¹ См. «Общая теория советского права», стр. 107.

² Указанное общее нравственное требование действует и в случаях, когда возникают противоречия, расхождения между правом и нравственностью (о природе такого рода расхождений см.

Таким образом, в классовом обществе определенный круг нравственных принципов существует, утверждается и проводится в жизнь также с помощью права, юридических норм. Поэтому последние и могут рассматриваться в качестве одной из специфических, притом необходимых форм существования принципов морали.

А это предопределяет следующий важный вывод: высокая социальная ценность морали¹ распространяется и на право. Именно потому, что принципы нравственности пронизывают право, а также потому, что само право представляет собой явление в широком смысле моральное, оно может быть охарактеризовано в качестве своеобразного носителя морали и, следовательно, *моральной ценности*.

Приведенное положение имеет особое значение для социалистического права. Если реакционность буржуазного права, помимо всего иного, выражается в том, что оно воплощает принципы растленной и лицемерной, построенной на чистогане буржуазной морали, то, напротив, авторитет и идейная сила социалистического права во многом определяются его нравственной основой — величиной и благородством принципов коммунистической морали. Нравственность социалистического общества выражает идеалы и интересы всего трудящегося человечества, включает самые высокие человеческие принципы, является благородной, в высшей степени справедливой. Как подчеркивается в Программе КПСС, «простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами...»². Заслуживает внимания начавшаяся в юридической литературе разработка проблемы об этических основах законности и правопорядка в социалистическом обществе³. Поставленная в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве задача по идеологическому использованию в борьбе с империализ-

О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, указ. работа, стр. 117; «Общая теория советского права», стр. 112—113).

¹ О ценности морали см. А. Ф. Шинкин, К. А. Шварцман, указ. работа.

² «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 410.

³ См., например, В. В. Борисов, Этические основы законности и правопорядка советского общества, кн. «Мораль, право и коммунизм», изд-во Саратовского университета, 1965, стр. 148 и сл.

мом преимуществом человеческих и моральных ценностей социалистического общества означает применительно к юридической науке необходимость продолжения разработки правственной основы нашего права, полного и всестороннего выявления его значения как существенной человеческой и моральной ценности.

4. Социалистическое право представляет собой *интеллектуальную ценность*.

В этом выражается один из аспектов его значения как своеобразного явления социалистической культуры, в определенной степени отражающего познание объективной действительности. Иными словами, вполне обоснованно говорить о *теоретико-познавательной* ценности права.

По мнению А. А. Ушакова, право имеет особую и самостоятельную познавательную функцию. Автор утверждает, что право — это своеобразный вид познания действительности в форме мышления, причем правовые нормы «дают человеку знания о многообразных явлениях общественной жизни классового общества»¹. В связи с этим он ставит вопрос о значении права как формы общественного сознания обусловлено уже тем, что оно стало специфической формой накопления знаний о закономерностях развития общества. *Cognus juris civilis*, Кодекс Наполеона, Свод законов Российской империи, Советские кодексы и др. — это ли не кладовая, не сокровищница знаний, сведенных о закономерностях жизни своей эпохи»². По мнению А. А. Ушакова о том, что познавательное значение права воплощается в особой и самостоятельной «познавательной функции», едва ли справедливо. Право — это классовый регулятор общественных отношений. В марксистской философской литературе правильно обращено внимание на коренные различия между суждением истины, выражающим познание действительности, и нормой³. И хотя в противопоставлении суждений истины и нормы таится определенная опасность (ряд ли в этом отношении обоснован вывод, что норма «не отражает ре-

¹ См. А. А. Ушаков, О диалектике содержания и форме в праве, гносеологической функции права и категориях правового познания. «Ученые записки Пермского государственного университета», № 199, стр. 322, 331.
² Там же, стр. 330.
³ См. Г. Клаус, Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка, М., 1967, стр. 181.

альности»⁴), но то, что норма, в том числе и юридическая, имеет волевое содержание, призвана регулировать реальные общественные отношения, а не решать самостоятельные познавательные задачи, не может вызывать сколько-нибудь серьезных сомнений.

Вместе с тем право способно выполнять роль регулятора общественных отношений потому, что юридические предписания основываются на познании объективной действительности. «Законодательная функция, — указывал К. Маркс, — есть воля не в её практической, а в её теоретической энергии. Воля не должна здесь утверждать себя *взамен закона*: её роль в том именно и заключается, чтобы *открыть и сформулировать* действительный закон»². Познание объективной действительности выступает в качестве необходимой предпосылки правового регулирования³. Поэтому в правовых предписаниях, в особенности в дефинитивных положениях, так или иначе отражаются результаты познания объективной действительности в том виде, в каком эти результаты освоены законодателем. Иными словами, право обладает определенной теоретико-познавательной ценностью «попутно». Это — даже не вспомогательная, а лишь сопутствующая общественная функция права.

Ограниченное значение права как теоретико-познавательной ценности связано не только с тем, что право само по себе не направлено на познание объективной действительности, но и с тем, что, будучи идеологическим социально-классовым явлением, оно способно «отражать реальность в несколько смещенном виде»⁴. Так, в буржуазном праве отражение объективной действительности неизбежно преломляется через призму буржуазного мировоззрения и сопряжено со специфической идеологической задачей — маскировкой политического господства

¹ Г. Клаус, Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка, стр. 181. Обоснованные соображения по этому поводу см. А. Ф. Шинкина, К. А. Шварцман, указ. работа, стр. 20—22.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 359.

³ А. А. Ушаков в указанной выше статье правильно отмечает: «Чтобы регулировать общественную жизнь, ее нужно сначала познать, а затем оценить. Познание общественной жизни предшествует ее оценке и регулированию» (стр. 334).

⁴ В. А. Туманов, Современный антимарксизм и теория права, «Советское государство и право» 1969 г. № 4, стр. 63.

буржуазии фальшивой ширмой «свобод», «справедливости» и др.

Однако все эти обстоятельства не препятствуют тому, что право в известных пределах обладает теоретико-познавательной ценностью, несет в себе «теоретическую энергию»¹. При этом надо иметь в виду и его активно-творческую, действительную роль в превращении «должного» в «сущее». В. И. Ленин показал значение диалектического понимания субъективного и объективного, при котором «„познание“ („теоретическое“) и „воля“, „практическая деятельность“ изображены как две стороны, два метода, два средства уничтожения „односторонности“ и субъективности и объективности»².

Теоретико-познавательная ценность права во многом определяется его философским и идейным содержанием, глубиной и особенностями познания объективной действительности, обеспечиваемыми данной системой мировоззрения. В этом отношении неоспоримыми преимуществами обладает социалистическое право, основанное на подлинно научном, последовательно прогрессивном мировоззрении — марксизме-ленинизме.

Разумеется, нужно учитывать и своеобразие социалистического права, функционирующего в условиях быстро изменяющихся социальных условий, бурного развития общественных отношений, сложной социально-классовой обстановки, а также то обстоятельство, что Советское государство, на долю которого выпала историческая миссия первому прокладывать путь строительства социализма и коммунизма, в ряде случаев только в порядке опыта, практики находит наиболее целесообразные решения в области государственного и правового строительства.

Вместе с тем социалистическое право с момента своего возникновения коренным образом отличается от эксплуататорских правовых систем глубиной и силой своей «теоретической энергии». Особого внимания в этом отношении

¹ А. А. Ушаков пишет: «Представляя собой особый вид логического мышления, правовая норма — основное явление права — абстрагируется от конкретных фактов общественной жизни. А всякая абстракция, всякое обобщение, что присуще правовой норме, — это уже познание, это уже проникновение в глубь явления, в его сущность» («Очерки советской законодательной стилистики», стр. 35).

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 190.

заслуживают законодательные акты (декреты) первых лет Советской власти, в которых был намечен путь строительства нового общества, выражены коренные изменения в экономической и социальной областях. Большое значение в теоретико-познавательном плане имеют нормативные юридические акты, принятые Советским государством в последние годы. Намеченная XXIII сессией ЦК КПСС линия на повышение уровня научного руководства находит яркое выражение в праве, постановления которого отражают требования объективных экономических законов, закономерности общественного развития в период строительства коммунизма.

Теоретико-познавательная ценность права в довольно большой мере зависит от уровня развития юридической науки, ее роли в жизни общества, степени ее влияния на правотворческую деятельность государства.

Существенное значение здесь имеют: а) глубина и обстоятельность разработки юридических проблем, выраженные в правоведении прогресса науки и б) учет достигнутых наукой в праве, во вновь принимаемых нормативных юридических актах.

При достаточно существенном влиянии юридической науки на правотворческий процесс нормативные акты (в особенности систематизированные — основы, кодексы) в какой-то степени становятся «теоретическими документами», выражающими и закрепляющими в нормативных предписаниях достижения правовой теории. Такой характер, например, носят Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и ГК союзных республик, в которых, в частности, нашли выражение достижения юридической мысли по вопросам юридических фактов, природы управления государственной собственностью, характера личной собственности и др.¹

Значение права в области интеллектуальной жизни общества подкрепляется и тем, что оно представляет собой общественное явление, с помощью которого происходит оценка фактов объективной действительности². Если за-

¹ См. Г. К. Толстой, указ. работа, стр. 21—22.

² Об оценочной функции права см. А. А. Ушаков, О диалектике содержания и форме в праве, гносеологической функции права и категориях правового познания, «Ученые записки Пермского государственного университета», № 199, стр. 334—340; см. также

ководатель при формулировании нормативных предписаний исходит из объективной действительности, то содержание предписаний сводится к тому, чтобы определить, каким должно быть поведение людей, субъектов, каким образом должны строиться и развиваться общественные отношения. Этим и дается оценка фактам действительности, разнообразным актам поведения, их последствиям.

Следовательно, теоретико-познавательное значение права состоит также в том, что оно выражает оценку фактов общественной жизни с позиций тех общественных сил (классов), государственная воля которых возведена в закон. Вот почему правовые акты рассматриваются в качестве важнейших политических документов, позволяющих раскрыть содержание политики, проводимой в рамках политической организации общества в тот или иной период. Основоположники научного коммунизма использовали анализ буржуазного права, в особенности фабричного законодательства, для того, чтобы показать реальное значение политики эксплуататорских классов, ее антагонистический, угнетательский характер.

Громадным, еще полностью не использованным теоретическим капиталом являются ленинские декреты, принятые в первые годы Советской власти. Идея Ленина о строительстве социализма и коммунизма выражены не только в его теоретических работах, статьях и выступлениях, но и в декретах, постановлениях СНК и СТО, многие из которых он написал или отредактировал.

Эти декреты, а также повышенное внимание Владимира Ильича к «юридическому делу» являются надежным подтверждением его взглядов на социалистическое право как на социально полезный инструмент строительства социализма и коммунизма, целесообразный и эффективный регулятор отношений социалистического общества.

Последнее замечание, связанное с характеристической теоретико-познавательной ценностью права, относится к тому, что интеллектуальные моменты в его содержании носят подчиненный характер по отношению к волевым (регулятивным). Это своеобразие интеллектуальной стороны содержания права нужно постоянно иметь в виду, чтобы не

Г. В. Мальцев, Идеология, политика и право (некоторые вопросы их взаимоотношения), «Советское государство и право» 1970 г. № 2, стр. 15—16.

гиперболизировать ее, не придавать ей самодовлеющего значения, не ставить ее на одну плоскость с иными общественными формами, опосредствующими интеллектуальную жизнь общества. Думается, что недооценка указанного своеобразия и привела А. А. Ушакова к выводу, что при характеристике нормативных актов («законодательных произведений») необходимо рассматривать их в качестве разновидностей литературы и сообразно этому использовать категории «тема», «композиция» и др.¹, т. е. категории, выработанные в основном для осмысливания произведений художественной литературы. Между тем для понимания интеллектуальной стороны содержания права достаточно использовать научные категории, выработанные юридической наукой, в частности такие, как «содержание», «структура», «цель» и др.

5. Особенности права как фактора духовной жизни определяют и специфику его идеологического, морально-политического воздействия на общественную жизнь. Право, будучи мощной идеологической силой, оказывает воспитательное воздействие при регулировании общественных отношений. Построенное на научных основах правовое опосредствование отношений, связанных с развитием культуры, образования, постановкой и проведением массовой политической и иной информации и некоторыми другими областями духовной жизни общества, способствует внесению в соответствующие отношения необходимой организованности, упорядоченности и тем самым обеспечивает проведение политики Коммунистической партии и ее идеологическое и организационное воздействие на науку, культуру, искусство, на все сферы коммунистического воспитания трудящихся. И на иных участках общественной жизни, в том числе в области экономики, отправления правосудия, правовое регулирование связано с определенным «волевым механизмом», опосредствуется через волю и сознание людей и, следовательно, оказывает на него существенное идеологическое влияние.

¹ См. А. А. Ушаков, указ. статья, стр. 316; эту же мысль автор выразил и в других работах (см., например, «Очерки советской законодательной стилистики», стр. 52 и сл.). На мой взгляд, автор без достаточных оснований связывает «ошибки» в работах О. С. Иоффе и Ю. К. Толстого о кодификации гражданского законодательства с тем, что они не исходят из категории «литературного произведения» (стр. 66—67 указ. работы).

В этом отношении важное значение имеют нормы процессуального права (уголовного, гражданского, административного), при реализации которых достигается осуществление ряда воспитательных задач.

Конечно, и здесь право в первую очередь является классовым регулятором, нацеленным на обеспечение необходимой организованности общественных отношений, нормальное функционирование и развитие всего общественно-го организма. Поэтому было бы неверным преувеличивать воспитательную идеологическую функцию права. Вместе с тем воспитательное воздействие, осуществляемое в процессе правового регулирования, обладает и некоторыми достоинствами, связанными с социально полезными свойствами права. При помощи юридических норм достигается всеобщность идеологического воздействия; к тому же идеологическое содержание права выражено в виде точных, категорических нормативных предписаний, что также существенно в процессе воспитательного воздействия, требующего максимальной точности и определенности.

Право оказывает и *непосредственное* идеологическое воздействие, т. е. воздействие, осуществляемое *помимо* механизма правового регулирования.

Это воздействие, приобретающее при помощи права политическое значение, основано на том, что право представляет собой фактор духовной жизни общества, обладает культурной, моральной и интеллектуальной ценностью.

Его своеобразие наглядно прослеживается на примере нормативных актов (декретов) первых лет Советской власти, которые действовали как идеологическая сила, политически рисовали великие задачи, показывали народу, «как и что мы хотим строить, какие новые и невиданные вещи»¹.

И в данной области также в определенной мере проявляются достоинства правовой формы общественного регулирования, ее свойства — всеобщность, конкретность, строгая определенность. Это и объясняет использование в первые годы Советской власти декретов именно для пропаганды политики Коммунистической партии, ленинского плана построения социализма и коммунизма.

Непосредственно идеологическое воздействие оказывают не только сами по себе нормативные юридические

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 169.

положения. Учитывая значение права как серьезного средства идеологического влияния, правотворческие органы *усиливают* при формулировании юридических предписаний и их изложении в нормативных актах то, что относится к интеллектуальной стороне содержания права.

С указанных позиций, думается, следует подходить к выяснению природы содержащихся в нормативных актах, в частности в основах и кодексах, вводных положений, преамбул, формулировок задач и т. д. В юридической литературе была предпринята попытка охарактеризовать такого рода положения в качестве юридических норм¹. Однако такое прямолинейное решение не встретило поддержки. Действительно ряд подобных общих положений, в частности предписания-задачи, являются своего рода «нормативными директивами» или же правовыми принципами². Вместе с тем наряду с общими положениями, имеющими нормативный характер (в то же время обладающими большой силой непосредственного идеологического воздействия), и в органической связи с ними законодатель вводит в нормативные акты и чисто идеологические положения — призывы, обращения, декларации. Эти положения не участвуют в правовом регулировании. Они относятся к актам морально-политического руководства, которые выражают большую внутреннюю идейную силу социалистического общества³. Но так как призывы, обращения, декларации формулируются в связи с нормативными положениями и, следовательно, в какой-то степени опираются на достоинства нормативной формы общественного регулирования, они обладают значительной силой идеологического воздействия.

Непосредственное идеологическое воздействие права может рассматриваться еще в одном аспекте, который выражает его *психологическое* влияние. Речь идет о том, что может быть названо «идеей права и законности».

Известно, что «идея права и законности» в спекулятивных, демагогических целях широко используется буржуазной юридической наукой. В отличие от буржуазной

¹ См., например, С. А. Голунский, указ. статья, стр. 26 и сл.

² См. А. В. Мицкевич, указ. работа, стр. 147 и сл.; О. С. Иоффе, Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права), «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 4, 1968, стр. 46).

³ См. А. В. Мицкевич, указ. работа, стр. 14.

науки, которая трактует «идею права и законности» как надэмпирическую, являющуюся первоисточником права и отсюда выступающую в качестве надзаконного критерия политического поведения, марксистско-ленинская правовая доктрина исходит из вторичного, производного характера рассматриваемой «идеи», отражающей к тому же реальное значение и место права в жизни общества. В этом плане «идея права и законности» представляет собой *одну из важных сторон правосознания*, выражающую непосредственное идеологическое воздействие права *как социальной ценности*.

Следовательно, в данном случае перед нами тот психологический эффект, который производит право в качестве социальной ценности. Утверждение в обществе «идеи права и законности» и есть утверждение в сознании людей ценностных представлений о праве.

«Идея права и законности» в условиях социалистического общества связана с дальнейшим укреплением социалистической законности. Социалистическое право утверждает ценность личности, ее высокое положение в обществе, освобождение от эксплуатации, личную неприкосновенность и безопасность. Оно способствует выработке привычки к организованности, высокой дисциплины, строгой личной морально-политической ответственности каждого человека за любое свое действие. Развитие «идеи права и законности» в социалистическом обществе органически вытекает в процесс осуществления одной из важных задач коммунистического строительства — достижения максимально высокой, построенной на научных основах организованности всей общественной жизни, формирования коммунистических общественных отношений.

В современных условиях КПСС ставит задачу «усилить пропаганду советских законов, всемерно поднимать их авторитет, воспитывать всех в духе уважения к закону, к праву». В связи с этим повышается значение того элемента общественного сознания, который может быть назван «идеей права и законности». «Каждый советский гражданин должен быть уверен в том, что его жизнь и здоровье, его имущество, его права, его достоинство и покой находятся под надежной охраной государства»¹.

¹ Л. И. Брежнев, Речь на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа г. Москвы 12 июня 1970 г., «Правда» от 13 июня 1970 г. № 164.

Заключение

Ценностная характеристика социалистического права, основанная на методологических предпосылках марксизма-ленинизма, может быть сведена к следующим основным положениям.

Социалистическое право — это не абсолютная ценность. Будучи мощным субъективным фактором общественного развития, оно вместе с тем не может быть охарактеризовано в качестве универсального и всепильного регулятора отношений классового общества.

Место и значение права в жизни социалистического общества относительно; они зависят от ряда объективных условий, в том числе:

- а) от социально-классовой обстановки;
- б) от особенностей политической организации социалистического общества, своеобразия в соотношении ее частей, в частности, необходимости обеспечения руководящей, направляющей роли Коммунистической партии, эффективного и оперативного использования государственноправовых рычагов для коренного преобразования общественных отношений;
- в) от особенностей свойств права, которые способны оказать эффективное воздействие на общественную жизнь в определенных направлениях, причем использование этих свойств в ряде случаев сопряжено с некоторыми отрицательными, «теневыми» последствиями (использование принудительной стороны права, формализация правовых предписаний и др.).

Социалистическое право — это значительная социальная ценность. Право при социализме представляет своего рода капитал, надлежащее использование которого может дать значительный выигрыш в организации общественной жизни. Присущие социалистическому праву социально полезные свойства: высокая нормативность, формальная определенность, правовое принуждение, динамизм — дают возможность обеспечить надлежащее нормальное функционирование и развитие общественного организма, внести в социалистические общественные отношения единый, устойчивый, максимально определенный порядок и в то же время обеспечить реальность такого порядка, его соответствие изменяющимся общественным отношениям.

Право является мощной организующей, дисциплинирующей силой, а в некоторых случаях стимулятором в процессе функционирования и развития общественных отношений, всего общественного организма.

Социалистическое право — это также экономическая, политическая, духовная ценность. Регулируя общественные отношения в области экономики, политики, культуры, морали, право становится носителем ценностей в указанных областях общественной жизни. Так, в сфере экономики оно на стадии правоотношений включается в механизм осуществления экономических процессов, приобретает значение необходимого организующего средства, направленного на обеспечение действия объективных экономических законов.

Социалистическое право представляет собой воплощение ленинских идей о праве и законности в социалистическом обществе. Оно явилось результатом творчества народных масс, создавалось, развивалось и развивается под руководством Коммунистической партии как надежное и эффективное средство в решении исторических задач по ликвидации эксплуататорских классов, по организации всей общественной жизни на новых, социалистических началах. В современных условиях социалистическое право — необходимое, целесообразное и эффективное оружие в борьбе за построение коммунистического общества. Его развитие и совершенствование — это последовательное проведение в жизнь заветов В. И. Ленина, его идей о роли права и законности в жизни социалистического общества.

В политической организации социалистического общества, важнейшей чертой которой является возрастающая руководящая и направляющая роль Коммунистической партии, право является необходимым, важным звеном, обеспечивающим эффективное и целесообразное функционирование общественной системы.

Социалистическое право — это одна из великих ценностей нашего общества. Оно выступает в качестве значительного социального блага, необходимого элемента моральных и человеческих ценностей, которым может гордиться социализм и сам факт существования которого имеет большое значение в борьбе против империализма, за победу коммунизма.

Социалистическому обществу свойственна тенденция *возрастания социальной ценности права.*

Если в современном буржуазном обществе происходят кризис и ломка буржуазной законности, расширение неправовых методов политического господства и отсюда закономерное снижение ценности правовой формы общественного регулирования, ее «девальвация», утрата «веры в право» и т. д., то в социалистическом обществе его последовательно прогрессивная, жизнеутверждающая природа выражается в неуклонном возрастании роли права и законности, усилении и углублении правовых начал.

Весьма характерно, что в современном период коммунистического строительства происходят как раз такие процессы, которые относятся к числу специфических факторов, предопределяющих необходимость правовой формы общественного регулирования. В экономической области — это более широкое использование начал материальной заинтересованности; в политической — дальнейшее развёртывание социалистической демократии, развитие широких прав личности; в области духовной жизни — совершенствование культуры, укрепление коммунистической нравственности.

Возрастание социальной ценности социалистического права неразрывно связано с поставленной Коммунистической партией задачей дальнейшего повышения организованности во всех областях жизни общества, строгой дисциплины и ответственности, неукоснительного проведения требований социалистической законности.

То, что право после полной и окончательной победы социализма перестало быть орудием классового господства, открыло широкие возможности для всестороннего использования социально полезных свойств нормативно-правовой формы общественного регулирования в целях коммунистического строительства, эффективной и целесообразной организации общественных отношений. Этот процесс будет развиваться и дальше.

Повышение социальной ценности права можно рассматривать в качестве *постоянной* тенденции, действующей на протяжении всего периода строительства коммунизма.

Целесообразная характеристика социалистического права является одной из теоретических предпосылок для научного понимания перспектив его развития.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что в произведениях основоположников научного коммунизма, в руководящих теоретических документах Коммунистиче-

ской партии нигде не говорится об отмирании права при коммунизме. Впрочем это обстоятельство не имело бы решающего значения, если бы роль права в жизни общества ограничивалась тем, что оно выступает только в качестве орудия, инструмента государства. Тогда бы положения об отмирании государства можно было бы целиком распространить и на право. Но право, будучи средством осуществления государственной политики, в то же время выполняет самостоятельные функции. Характерно, что В. И. Ленин, обосновывая положение о том, что в развитом коммунистическом обществе люди постепенно привыкнут к соблюдению норм общежития, вовсе не касается всех сфер жизни, охватываемых правовым регулированием; он говорит лишь о соблюдении «элементарных условий общественной жизни, о воспитании привычки к соблюдению правды», «элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прощиях»¹.

Газумеется, нужно твердо и последовательно исходить из фундаментального вывода марксистско-ленинской теории о том, что в развитом коммунистическом обществе (при наличии необходимых внешних условий) отомрут все формы классового, политического господства.

Вместе с тем можно предположить, что дальнейшее развитие государства, с одной стороны, и права — с другой, имеет и некоторые различия. Маркс, Энгельс, Ленин показали, что право обладает социально полезными свойствами, обеспечивающими целесообразную и эффективную организацию общественных отношений, нормальное функционирование и развитие всего общественного организма. К тому же «правовое» в ходе исторического развития наполнилось специфическим содержанием, связанным с утверждением субъективных прав, проведением начал справедливости и так далее, т. е. с тем, что характеризует право как волю, возведенную в закон. Правовое в этом смысле не является синонимом классово-волевого.

Конечно, нужно видеть известную ограниченность, узость социально полезных свойств права. Эти свойства сложились и существуют в связи с его политическим содержанием, с возможностью государственного принуждения, без которого право — «ничто». Однако, сформировавшись на базе политического содержания, социально полез-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 83, 89.

ные свойства права и прежде всего его нормативность, формальная определенность, динамизм имеют относительно самостоятельное значение. Известное относительно самостоятельное значение приобретает также специфически правовое содержание юридической формы общественного регулирования.

А это позволяет дифференцированно подходить к определению перспектив развития социалистического права. В развитом коммунистическом обществе оно, безусловно, отойдет в плоскости его классово-волевого содержания. «Правовое» же в смысле тех особенностей юридической формы, которые характеризуют его социальную ценность, имеет существенное значение и для коммунистического общества. В этой плоскости коммунизм и правовое — не антиподы. Высшая фаза коммунизма еще в большей степени, чем низшая, должна обеспечить высокую организованность и строгий порядок общественных отношений, сознательную дисциплину и ответственность каждого работника за свое поведение, надлежащее закрепление и защиту великих прав и свобод трудящихся.

Коммунистическая система общественного регулирования является высшим воплощением ленинских идей о социалистическом праве как необходимом, социально полезном инструменте общественного развития.

Утверждение в науке и на практике теоретического положения о социальной ценности права в социалистическом обществе связано с осуществлением задачи по дальнейшему укреплению социалистической законности, преодолению остатков правового нигилизма, полным и всесторонним использованием социально полезных свойств правового регулирования для претворения в жизнь задач коммунистического строительства. Действующая в социалистическом обществе объективная тенденция усиления и углубления правовых начал находит в положениях о социальной ценности права адекватное теоретическое выражение.

Существенное общественно-политическое значение имеет и практическая сторона проблемы. Принимаемые в социалистическом обществе меры по дальнейшему развитию права и укреплению законности — не кратковременная кампания. Они характеризуют важную сторону процесса перехода к коммунизму, носят постоянный характер, связаны с формированием одного из важнейших элементов коммунистической общественной системы. Неук-

лошное повышение авторитета социалистического права, развертывание всех сторон его социальной ценности, полное использование его достоинств в интересах строительства коммунизма — насущная задача сегодняшнего дня и в то же время задача перспективного значения.

Обоснование положения о социальной ценности права в социалистическом обществе и перспективах его развития при переходе к коммунизму — существенный научный инструмент в борьбе против антикоммунизма.

Представления о несовместимости коммунистического строя с правом и законностью усиленно культивируются идеологами империализма, пытающимися «доказать», что коммунизм представляет собой режим «бесправия и произвола», ограничения прав и свобод, подавления личности.

Это — клевета, основанная на прямом извращении идей Октября, ленинских принципов законности. Однако в борьбе с антикоммунизмом необходимы не только кропотливая работа по разоблачению фальсификации буржуазными идеологами действительности, социально-классовой подоплеку их «теорий», но и *противопоставление* их лживым «теориям» *конструктивных теоретических концепций*, основанных на научном осмысливании фактов реальной действительности, на творческом применении марксистско-ленинской теории. В. И. Ленин подчеркивал: «Отрицательный» лозунг, не связанный с определенным положительным решением, не «заостряет», а отупляет сознание, ибо такой лозунг есть пустышка, голый выкрик, *бессодержательная декламация*¹. Теоретические положения о социальной ценности права в социалистическом обществе и являются одним из положительных решений, которое призвано содействовать активной наступательной борьбе против растленной буржуазной идеологии.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 125.

Оглавление

Введение	3
<i>Глава первая</i>	
<i>Право как необходимый, социально полезный инструмент общественного развития</i>	
Марксизм-ленинизм о праве как необходимом, социально полезном инструменте общественного развития	11
Закономерности развития права в советском обществе	24
Общая характеристика социальной ценности права в советском обществе. Аспекты проблемы	38
Право и организация отношений в советском обществе. Право и личность	49
<i>Глава вторая</i>	
<i>Свойства права и их социальная ценность в регулировании общественных отношений</i>	62
Объективные свойства права	72
Нормативность права	89
Формальная определенность права	105
Принуждение в праве	125
Динамизм права	142
Свойства права и механизм правового регулирования. Субъективное право	
<i>Глава третья</i>	
<i>Основные черты социальной ценности права в советском обществе</i>	151
Содержание права и его социальная ценность	161
Право, экономика, материальное стимулирование	178
Право, государственная власть, демократия	197
Право, культура, мораль	217
Заключение	

ло
ра
но
ст
в

со
ци
ст

ст
ни
ку
ни

С
О

Р

Л

Е

Е

Т

С

Л

И

И

И

И

И

И

И

И

Алексеев Сергей Сергеевич

**«Социальная ценность права
в советском обществе»**

Редактор Л. А. Плеханова
Оформление художника В. В. Еремнина
Художественный редактор Э. П. Стуляни
Технический редактор В. А. Серякова
Корректор И. Н. Тарасова

Сдано в набор 4/XI 1970 г. Подписано в печать
26/II 1971 г. Бумага типографская № 1, формат
84×108¹/₂. Объем: усл. печ. л. 11,76; учет.-печ. л.
12,17. Тираж 5000 экз. А-07515.

Издательство «Юридическая литература»,
Москва, К-61, ул. Чкалова, д. 38-40.

Заказ № 6143.

Областная типография Ивановского управления
по печати, г. Иваново, Типографская, 6.

Цена 1 р. 24 к.

